Г
МК
864

Куплена въ москве
1788 году въ декабре

№ 90

МК

изъ книгъ

№ 50/125

вар. Б

2-й экз.

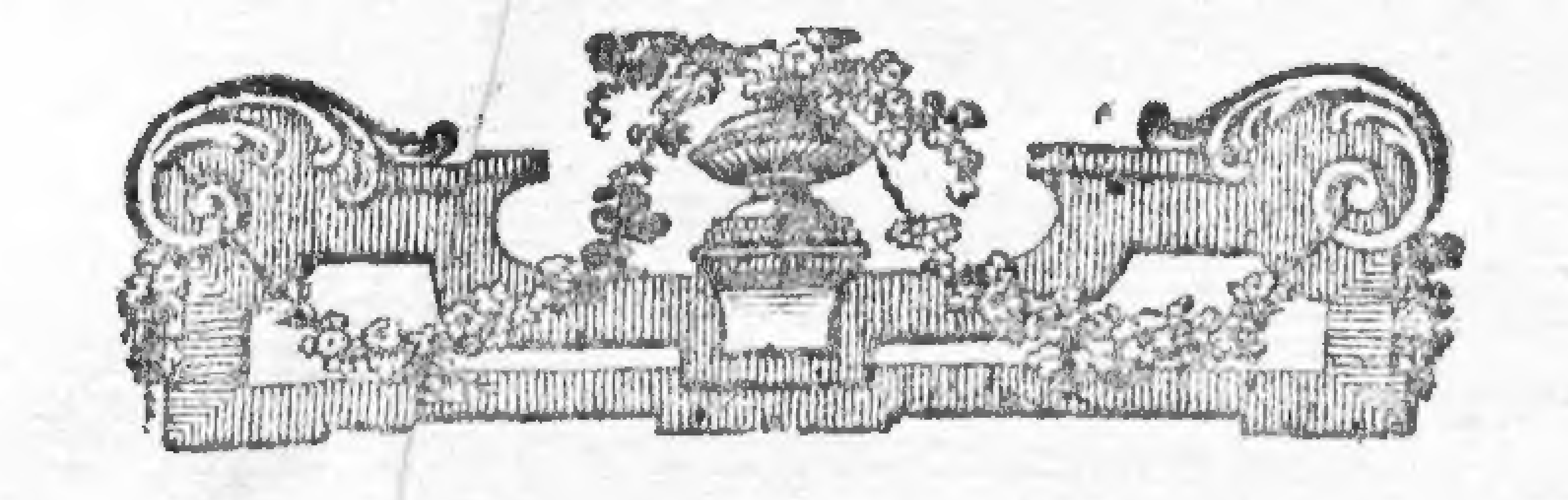
АБЕВЕГА
РУСКИХЪ СУЕВѢРІЙ
ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКИХЪ
ЖЕРТВОПРИНОШЕНІИ
СВАДЕБНЫХЪ
ПРОСТОНАРОДНЫХЪ ОБРЯДОВЪ
Колдовства Шеманства и проч.

СОЧИНЕННАЯ М. Ч.

Иждивеніемъ Ф. Гиппіуса.

Печатано въ Москвѣ, въ Типографіи у содержателя Ф. Гиппіуса 1786 года.

АБЕВЕГА

РУСКИХЪ СУЕВѢРІЙ.

*

* *

Абыссъ, такъ называется у Татаръ школьный учитель.

Ава Юмонъ, подъ симъ именемъ Черемиссы признаютъ супругу первенствующаго ихъ бога и первостатейную богиню.

Агирь, такъ называется Гирька, имѣющаяся въ Курдѣ во особливой машинѣ, которую Калмыцкіе попы во время молитвы употребляютъ и получаютъ оную отъ Ламы. *Смотр*: Вѣра.

Аграфенинъ день. Іюнія 23 дня, празднуетъ церьковь память святыя мученицы

цы Агрипины, которая отъ простаго народа прозвона купальницею, по слѣдующей причинѣ. Древнїе Славяне признавали идола Купало богомъ плодовъ, и праздновали ему 23 и 24 Іюнїя. Расклавши огонь, дѣлали предъ онымъ различныя игрища и пляски, перескакивая чрезъ него, и припѣвая часто имя Купалово, за что ожидали въ томъ годъ изобилїя плодовъ, что и между нынѣшними Христїанами во многихъ деревняхъ осталось; а потому Святая Агрипина всѣми простолюдимами и называется купальницею отъ идола Купало. Въ число языческихъ святыхъ мѣстъ принадлежитъ, и находящаяся по Рижской дорогѣ въ десяти верстахъ отъ Санктпетербурга липа, которой вѣтьви переплелись съ отраслями ближайшихъ деревъ, такъ что природную составляютъ бесѣдку, въ которой и Государь Императоръ Петръ Великїй, ради прїятности ея не однократно изволилъ имѣть свое пребыванїе. На семъ мѣстѣ собираются Ижорки на канонѣ Иванова дня, то есть въ Аграфенинъ день, и препровождаютъ съ пѣнїемъ и воплемъ всю ночь при великомъ огнѣ; а напослѣдокъ сожигаютъ бѣлаго пѣтуха, дѣлая при томъ много скачки, пляски и прочаго.

Агунъ, есть слово Арабское, которымъ называютъ Сибирскїе Татары настоятеля своего духовенства.

Ада-

Адамова голова, такъ называется трава, ею окуриваютъ пленицы или силки, которыми ловятъ дикихъ утокъ, но сїе окуриванїе должно быть въ великой четвертокъ, а иначе по мнѣнїю суевѣровъ окуриванїе сїе будетъ не дѣйствительно, и силки не будутъ ловки.

Адугаръ-Джа или *Джа-Адугаръ*, такъ называются у Киргисцовъ колдуньи. *смотр*: Ворожеи.

Агнеконъ, некрещенные Чуваше, такъ называютъ недѣльный день, который у нихъ есть пятокъ, а нашего воскресенья не чтутъ, оный день препровождаютъ они въ праздности и пированїи.

Аилекасъ Яувра. Лопари такъ называютъ всѣ тѣ озера, которыя они почитаютъ святыми, и во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя деревья, на коихъ видны разные лопарями начертанные виды, передъ которыми стоятъ жертвенники. *смотр*: Вѣра

Айха-Дїани. Калмыцкое божество, жилище коего полагаютъ они въ преисподней отъ сего божества, разрушатся ихъ огненные Галаты. *смотр*: Вѣра.

Ажушакъ или *Ажулуначь*. Идолъ всѣхъ Камчадаловъ, вообще изображаютъ его столбикомъ съ обдѣланною верхушкою на подобїе головы человѣческой. Ставится онъ въ Юртѣ надъ домашнею посудою, и почи-

шается за караульщика, отгоняющаго отъ Юрты лѣсныхъ духовъ, за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Алане, Славенскій народъ, оный не имѣлъ ни боговъ, ни храмовъ, ни жрецовъ, но вынявъ саблю изъ ноженъ, и воткнувъ ее въ землю, поклонялся ей яко богу Марсу, котораго мнили всѣмъ тѣмъ мѣстамъ правителя, въ коихъ имѣли брани. Нѣкоторые изъ онаго народа предсказывали будущее по складыванію и разбиранію въ опредѣленное время прутиковъ, съ наговариваніями и торжественными обрядами.

Албастъ, Вотяки называютъ такъ дѣдушку домовова, по ихъ мнѣнію живетъ онъ въ пустыхъ избахъ, деревняхъ и баняхъ. *смотр*: Домовой.

Алганъ-Голи, Калмыцкая Адская шнурованная книга, въ которую записываетсъ все содѣянное Калмыками, и по которой они судимы бываютъ, Ирликъ ханомъ, то есть адскимъ ихъ судіею. *смотр*: Вѣра.

Алганъ-Таки или *Таки-Алганъ*, такъ называется у Башкирцовъ торжество, которое бываетъ передъ свадьбою, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невѣстѣ споръ; однако первыя одерживаютъ верьхъ, и взявъ первенство и преимущество у вторыхъ, выводятъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ у невѣсты волосы.

Алида,

Алида, такъ называютъ Вотяки лѣшаго, и увѣряютъ, что онъ имѣетъ одну только и ту наизворотъ ногу, одинъ большой глазъ и превеликую титьку, которую втискиваетъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушиваетъ. *смотр*: Лѣшій.

Амидаба. Колмыки такъ называютъ одного изъ своихъ Бурхановъ, который обладаетъ двутысячнымъ небомъ, и такое множество воображаютъ себѣ раевъ, что и перечести трудно, ибо каждому бурхану приписываютъ особое небо, въ которомъ онъ водворяется съ душами праведныхъ, а бурхановъ полагаютъ необъятное число. *смотр*: Вѣра.

Амлея. Богъ Камчадальскій сынъ утужилъ кутхи. *смотр*: Вѣра.

Анга-Соаренъ, такъ называется у Черемисъ праздникъ, который они предъ распахиваніемъ земли отправляютъ. *смотр*: Вѣра.

Антара, по преданію Калмыковъ называется такъ четвертая всесвѣтная рѣка, въ коемъ опредѣляютъ они всѣхъ четыре рѣки. *смотр*: Вѣра.

Антихристъ, противникъ Христу. Раскольники утверждаютъ, что Антихристъ воцарился уже мысленно, въ то самое время, какъ началось въ Москвѣ исправленіе книжное, и будто бы Москва есть Вавилонъ и Антихристова царства престолъ,

и время уже настало втораго пришествія Христова, для чего нѣкоторыя зажигая свѣчу, молятся ночью всегда до пѣнія пѣтуховъ, ожидая страшнаго суда; а тогда уже спать ложатся.

Аху-Галапъ, у Калмыковъ такъ называется первенствующій Галапъ; то есть вѣкъ, или Епоха отъ сотворенія міра. *смотр*: Вѣра.

Ачускай-Пасъ, подъ симъ именемъ Мордва почитаютъ нѣкотораго идола, коему приносятъ въ жертву рыжую корову.

Ая-Иторъ. Лопари почитаютъ сего идола богомъ грома и грозы. *смотр*: Вѣра.

Баикалъ озеро, по увѣдомленію иностранныхъ писателей Монгалы и Буряты по суевѣрному воображенію баикалъ называютъ моремъ, боясь, чтобъ оное, когда дадутъ ему имя токмо озера, за сіе безчестіе мстить не стало, и не причинилобы имъ несчастія.

Бакша, такъ называется у Киргисцовъ особый родъ калдуновъ. *смотр*: Ворожей.

Балынъ-Гусъ, называется Магометанское кладьбище находящееся въ пригородѣ Билярскѣ, гдѣ по мнѣнію Магометанъ, Татаръ и Башкирцовъ лежатъ ихъ святые. *смотр*: Кладбища.

Баранъ каменный. Камчадалы, когда нужду имѣютъ находить невѣдомаго вора,

то

то жгутъ становыя жилы изъ онаго барана при собраніи многихъ людей и при Шаманахъ, ибо по ихъ мнѣнію сводитъ послѣ того злодѣя, такъ какъ оныя жилы отъ огня сжимаются.

Береза, древніе Чудскіе народы обитали нѣкоторые въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ было весьма мало лѣсу; а березовыхъ деревъ и вовсе не находилось. Наконецъ вдругъ увидѣли они не токмо на степяхъ своихъ, но и внутри самыхъ ихъ жилищъ возрастающія березовыя деревья; сіе не свойственное странамъ ихъ растеніе привело въ несказанной ужасъ; а какъ прибѣгнули они къ гаданію, то волхвы ихъ растолковали имъ, что значитъ сіе завоеваніе ихъ земель бѣлымъ царемъ, ибо сіе растеніе изъ его владѣнія къ нимъ перенеслося. И такъ суевѣрный народъ повѣря тому, оставилъ свои города и жилища пустыми, и перебрался въ другія мѣста.

Билюкай, Камчадальскій богъ грома, молніи и дождя, онъ тоже что и Пилячучь. *смотр*: Вѣра.

Благовѣщеніе, утверждаютъ суевѣры, когда птица проспитъ Благовѣщенскую заутренню, или въ сей день завьетъ гнѣздо, то отнимаются у ней на нѣсколько времени въ наказаніе крылья, и она летать не можетъ, но ходитъ по землѣ.

Бой кулашный и палочный, вѣ великомѣ обыкновенiи во всей Россiи. Бьются одинѣ на одинѣ, или стѣна на стѣну. Сiе должно значить шутку, однако нерѣдко случается, что иному разобьютѣ голову и переломаютѣ кости, а иные отѣ сего увеселенiя лишаются и жизни.

Борода, раскольники именующiе себя староверами, сiю кучу волосовѣ почитаютѣ выше всѣхѣ своихѣ членовѣ и дороже самой ихѣ головы, мня, что они сѣ бородою составляютѣ образѣ и подобiе Божiе, не воображая того и не размысля, что Богѣ есть духѣ, то плоть наша ни малѣйшаго подобiя его составить не можетѣ; а для сей неправосоставленной ими системы лучше хотятѣ лишены быть головы, нежели бороды; чемѣ и многихѣ простаковѣ заразили.

Бородонѣ, божество Чувашское, которое они почитаютѣ хранителемѣ ихѣ деревень.

Бракѣ, на канонѣ брачнаго сочетанiя, призывается вѣ домѣ жениховѣ семи или шести лѣтѣ мальчикѣ, который укладываетѣ вещи вѣ нарочно-купленный для того ларчикѣ, который тогожѣ вечера женихѣ отвезетѣ вѣ подарокѣ невѣстѣ, а имянно: башмаки, опахало, серги, пряжки, бѣлилы, румяны, перчатки и прочая. Во время бытiя женихова у невѣсты сидитѣ онѣ и сѣ не-

невѣстою на мохнатой шубѣ, въ знакъ будущей жизни благополучной. На другой день передъ поѣздомъ въ церьковь тотъ же мальчикъ, или другой съ невѣстиной стороны долженъ невѣсту обуть въ новые башмаки, и продаетъ ее косу за гривну или за рубль, то есть что дадутъ. Невѣста въ знакъ ея покорности повинна въ первой разъ разуть жениха, при чемъ женихъ кладетъ въ сапоги въ правой деньги, а въ лѣвой плеть; и когда невѣста сперва за лѣвую ногу примется, то женихъ вынявъ плеть, ударитъ невѣсту; а ежели за правую, то отдастъ ей положенныя деньги. Новобрачныхъ же не кладутъ никогда спать въ жилой хороминѣ, но въ пустой и не топленной, какъ бы студено ни было, и нѣкоторые для того нарочно строятъ покои, и на потолокъ земли не кладутъ. Подъ постелю кладутъ ржаные снопы или солому. Ежели на невѣсту въ церьквѣ для головнаго убора вѣнца не вздеваютъ, и держитъ оной какой нибудь мущина, то вѣрятъ, что тотъ бракъ будетъ недѣйствителенъ, и жена имѣть будетъ неотмѣнно побочныхъ мужей или любовниковъ; потому, что она вѣнца не вздевала, или потому, что вѣнчались ихъ трое вмѣсто двухъ. На другой день свадьбы, когда невѣста не была въ дѣвкахъ цѣломудренна, то матери ея поднесутъ стаканъ съ дырою, изъ кото-

раго напитокъ потечетъ, когда она возметъ въ руки, ибо дружка поднося ей зажметъ оною скважину пальцомъ.

Къ сговоренной невѣстѣ у Яицкихъ козаковъ до самой свадьбы собираются ея подруги каждой вечеръ, поютъ пѣсни, пляшутъ и играютъ съ молодцами. Въ сіе время, которое иногда продолжается до двадцати недѣль, женихъ почитаетъ обходиться съ невѣстою такъ, какъ мужъ съ женою. Въ дѣвишникъ долженъ онъ принести невѣстѣ въ подарокъ платье и весь женской уборъ; напротивъ того невѣста даритъ ему шапку, сапоги, рубаху и штаны. Послѣ вѣнчанія ѣдетъ невѣста отъ церькви на телегѣ, а позади ея сидитъ мать и сваха, которая на всѣхъ пальцахъ должна имѣть кольца, и обѣ со сторонъ прикрываютъ невѣсту полотенцомъ, дабы зрители лица не видали. Передъ телегою идетъ женихъ съ отцомъ и дружкою; позади телеги многіе ѣдутъ на лошадяхъ верьхомъ, и одинъ изъ нихъ держитъ полосатую плахту, какую Черкаскія жены обыкновенно носятъ вмѣсто юпки на длинномъ шесту, такъ какъ знамя; и оная плахта тѣмъ достойнѣе примѣчанія, что здѣшнія женщины оной не носятъ. Въ прочемъ пріятели препровождаютъ день бракосочетанія въ питьѣ, пляскѣ и пѣніи, и притомъ еще по большой части на улицѣ. У сихъ коза-

ковъ прежде былъ такой обычай, что ежели кто жены держать больше не хочетъ, то выведши на площадь продастъ.

У Донскихъ козаковъ женихъ приѣзжаетъ верьхомъ за своею невѣстою, и лошадь подъ нимъ обвѣшена колскольчиками, дабы невѣста слышать могла прибытіе своего жениха. Сіи колокольчики хранятся потомъ или у родителей новобрачныхъ, или у нихъ самихъ для памяти; невѣста не приноситъ никакого приданого къ своему жениху; но онъ долженъ ее одѣть съ головы до ногъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ остроѵжкѣ, преселяется жить туда, и объявя невѣстину отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времяни работаетъ, оказывая удальство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему тестю, тещѣ и невѣстѣ, а потомъ требуетъ позволенія хватать невѣсту. И ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ, также и самой ей понравятся, то получаетъ онъ соизволеніе; въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ, приходятъ жить въ чужой

острогъ

острогЪ и работаютЪ: и хотя всякой по услугамЪ ихЪ можетЪ признать, сЪ какимЪ намѣренїемЪ они то дѣлаютЪ, однако никто ихЪ о томЪ не спрашиваетЪ и не говоритЪ ни слова, пока они или сами, или чрезЪ другихЪ объявятЪ родителямЪ невѣсты о своемЪ изволенїи.

Когда женихЪ получаетЪ позволенїе хватать невѣсту, то онЪ ищетЪ такого случая, чтобЪ гдѣ нибудь напасть на нея во малолюдствѣ: ибо она бываетЪ тогда подЪ охраненїемЪ всего женскаго полу того острожка, которыя рѣдко отЪ ней всѣ отлучаются. СверьхЪ того во время хватанья бываетЪ она одѣта вЪ двои или вЪ трои хоньбы, опутана сѣтьми рыболовными, и ремнями увязана такЪ, что она не можетЪ поворотиться какЪ статуя; и есть-ли женихЪ улучитЪ вЪ малолюдствѣ свою невѣсту, то бросается сЪ великимЪ стремленїемЪ, деретЪ на ней хоньбы и сѣти, чтобЪ коснуться тайнаго уда: ибо сїе у нихЪ вмѣсто вѣнчанїя почитается. Между тѣмЪ какЪ отЪ самой невѣсты, такЪ и отЪ другихЪ бабЪ и дѣвокЪ происходитЪ ужасной крикЪ; и хотя сама невѣста притомЪ непротивится, да и противиться не можетЪ, однако охранительницы поступаютЪ сЪ женихомЪ не милосердо, бьютЪ его, таскаютЪ за волосы, терзаютЪ лице и всякїя средства употребляютЪ, чтобЪ

ему

ему не дать схватать невѣсты. И буде жениху пощастливится предпріятіе свое произвесть въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалостнымъ голосомъ, ни, ни. Въ семъ состоитъ вся важность брачнаго ихъ сочетанія, однако сіе получить жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходитъ иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждаго хватанія принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времяни справляться съ силою и раны залѣчивать; а есть примѣры, что нѣкоторые по семилѣтнемъ хватанье вмѣсто невѣсты получили увѣчье, будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватаетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно; на другой день увозитъ ея въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній, а для празднованія брака возвращается къ невѣстинымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времяни.

У Мордвы и Чувашъ, когда отецъ вознамѣрится женить своего сына, то прежде подсылаетъ къ невѣстину отцу постороннихъ людей, и спрашиваетъ, намѣренъ ли онъ отдать свою дочь за N? когда согласной на то получитъ отвѣтъ, то сошедшися съ обоихъ сторонъ отцы и матери договариваются сперва о калымѣ, то есть

вы-

выкупѣ, также кому держать свадебныя издержки, какъ то попойку, и сколько точно и договорясь на пр. на ведрѣ вина, бочкѣ пива и меду, жениховъ отецъ приготовляетъ по своему договору, и переноситъ въ домъ невѣстинъ, кладетъ также калымъ или выкупъ за невѣсту 8, 9, 10 руб. и болѣе, смотря по состоянїю обѣихъ сторонъ. Приведши все сїе въ порядокъ съ жениховой стороны отецъ и мать просятъ всю невѣстину родню въ гости въ ея домъ, а женихова родня при томъ не бываетъ. Въ оный день сошедшися гости пьютъ и веселятся, а дѣти ни мало сего не знаютъ; и такимъ образомъ сдѣланной договоръ иногда долгое продолжается время. Въ самой день свадьбы объявляютъ жениху и невѣстѣ ихъ отцы, что у нихъ будетъ сей день свадьбы, и собравшися жениховъ отецъ съ матерью ѣздятъ къ невѣстину отцу и матери; а невѣста уже тогда бываетъ въ готовности къ браку. Вся церемонїя ихъ состояла въ томъ, что невѣстинъ отецъ взявъ свою дочь за руку, а мать хлѣбъ и соль, вручаютъ ея свекору и свекровѣ. Невѣста поблагодаривъ своимъ родителямъ за все попеченїе и воспитанїе, и оплакавъ всѣхъ своихъ ближнихъ, покрывается бѣлымъ холстомъ до пояса, и выводится изъ отеческаго дому чрезъ своего брата до саней или телеги. Такимъ образомъ родня съ невѣ-

стиной стороны проводивъ ея до половины дороги, возвращается вся назадъ, а съ половины дороги встрѣчаетъ родня женихова: ибо при самой свадьбѣ съ невѣстиной стороны никто не бываетъ. Какъ пріѣдутъ къ женихову двору, тогда жениховъ братъ или ближайшій сродникъ беретъ невѣсту за руку, и введши въ избу, сажаетъ за столъ; потомъ кличутъ жениха, который нахлуча шапку садится подлѣ невѣсты. Жениховъ отецъ при собраніи всѣхъ гостей и сродниковъ, беретъ поставленной на столѣ длинной пирогъ аршина въ полтора за конецъ, и подымаетъ другимъ концомъ пирога, наложенное на невѣсту покрывало, говоря сіи слова: вотъ тебѣ свѣтъ, будь щастлива къ хлѣбу, животу и къ размноженію семьи. Потомъ перемѣняетъ ей свекоръ прежнее имя и называетъ *Мезява*, большая, естьли женится старшій сынъ, *Серняєа*, середняя; *Вежава*, меньшая, по старшинству ихъ мужей. Тогда женихъ и сродники увидятъ невѣсту, а невѣста своего жениха или мужа. Послѣ сего начинаютъ пиршество, которое продолжается смотря по богатству свекора. Въ семъ состоятъ всѣ ихъ свадебныя обряды и таинства.

Случается у нихъ, что обрученіе или помолвка бываетъ еще во время малолѣтства дѣтей, когда отцы знаютъ, что ихъ малолѣтные дѣти, и лѣтами и имуществомъ

вомъ между собою равны; то во время народнаго сонмища мѣняются другъ съ другомъ рогами съ табакомъ, говоря: смотрите добрые люди, что мы между собою сватовья; а какъ сїе засвидѣтельствуютъ, тогда они уже и называются сватовьями до возрасту своихъ дѣтей. Естьли же по возрастѣ которому нибудь изъ отцовъ бывшей договоръ не понравится на пр. естьли женихову отцу не понравится невѣста и откажется, тогда невѣстинъ отецъ отдаетъ свою дочь за другаго; напротивъ того, естьли невѣстину отцу не понравится женихъ, тогда онъ иначе отказаться не можетъ, какъ заплативъ отъ 6 до 12 рублевъ.

Какъ они были еще язычниками, то хотя дозволялося имъ брать столько женъ, сколько кто содержать въ стоянїи, однако смотря по кресть янскимъ достаткамъ, никто болѣ трехъ женъ не имѣлъ. Двухъ сестеръ родныхъ брать у нихъ за грѣхъ не почиталося, съ тѣмъ только различїемъ, естьли первая сестра умретъ, и такъ зять сватается на другой сестрѣ, приходитъ къ тестю и требуетъ себѣ въ замужство; естьли же тесть на сїе согласиться доброволько не похочетъ, то можетъ отъ зятя къ тому и принужденъ быть такимъ образомъ. Когда зять пришедъ къ тестю говоритъ, отдашъ ли за меня, *Енай*, то есть своячиницу, а тесть отвѣтствуетъ: нѣтъ; тогда

тогда зять потаенно принесенной хлѣбъ, или колачь вынявъ изъ подполы, старается положить на столъ. И естьли ему сіе удастся сдѣлать и сказать, вотъ хлѣбъ и соль береги мою *Енай*. Проговоривъ сіи слова, женихъ долженъ скорымъ свой животъ спасать бѣгствомъ; ибо когда его въ такомъ случаѣ догонятъ, то бьютъ нещадно, а естьли уйдетъ благополучно, тесть принужденъ бываетъ отдать свою дочь. Въ прочемъ до крещенія Мордва имѣла право продавать своихъ женъ съ прижитыми дѣтьми, когда онѣ имъ не полюбятся, и брать другихъ. Напротивъ того неимущіе, которые не въ состояніи дать выкупъ за невѣсту, стараются подцѣпить гдѣ нибудь дѣвку удальствомъ, на такой конецъ подговариваютъ шайку удалыхъ ребятъ, и потаенно пріѣзжаютъ въ ту деревню, гдѣ подговорена дѣвка; а иногда изъ базаровъ и другихъ мѣстъ увозятъ противу воли дѣвокъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ совершается съ ними простая наша пословица; или добыть, или домой не быть; ибо когда нагонятъ съ дѣвкою, то за добычу должно отплачиваться боками, а иногда и головою. Естьли удастся увести благополучно, то и владѣетъ ею; однако и тутъ калыму или выкупу избыть не можно, но платитъ его изподоволь. Съ того времяни, какъ они начали больше имѣть обращенія съ Рускими,

 нѣ-

нѣсколько и свадебные ихъ обряды перемѣнилися; они сваталются по Рускому обыкновенію примѣшивая и свои обряды, а особливо въ самой тотъ день, когда невѣста къ вѣнцу приуготовлена. Ее одѣваютъ въ красное платье, т: е: красной кумачникъ, красную рубашку и красные сапоги, на всѣ пальцы обѣихъ рукъ надѣваютъ перстни разныхъ цвѣтовъ съ привѣшенными къ нимъ небольшими цепочками, къ которымъ прикрѣплены такъ же на иныхъ серебреныя, на иныхъ мѣдныя копѣйки, а на иныхъ полушки. Голову покрываютъ ей красною фатою, такъ что бы лица видѣть не можно было, передъ нею ставятъ скамейку, на которой лежитъ хлѣбъ, ведро пива и соль. Подлѣ ее садится пожилой мужикъ съ образомъ, предъ которымъ малой мальчикъ держитъ свѣчу; между симъ времянемъ подходятъ къ ней ея сродники и нагибаютъ свою голову подъ фату, которыхъ она каждаго порознь оплакиваетъ. Во время сей церемоніи одинъ играетъ на гудкѣ, а прочіе по ихъ обряду приплясывая поютъ, вой, вой. Тутъ подчиваютъ пивомъ или медомъ всѣхъ предстоящихъ, и всякой себѣ за честь вмѣняетъ быть при такомъ случаѣ пьянымъ. Съ жениховой стороны никто тутъ не бываетъ, кромѣ отца или брата, свахи и двухъ дружекъ. Свахина и одного дружки должность состоитъ въ томъ, что бы плясать

сать и подносить, а другой дружка стоя передъ невѣстою безмолвенъ, держитъ въ рукахъ обнаженную саблю, которую помахиваетъ онъ времяни до времяни, и ударяетъ въ потолокъ или матицу. У печки на столѣ кладутъ постелю и все приданое невѣсты, на которомъ садится или невѣстина сестра, или другая какая подруга, и у сей дружка приданое выкупать долженъ. Когда невѣста всѣхъ своихъ сродниковъ оплачетъ, тогда дружка съ саблею идетъ напередъ, потомъ отецъ невѣстинъ, или ближайшій сродникъ съ образомъ, а мать или бабушка со свѣчею. Двое изъ поѣзду берутъ невѣсту подъ поясъ, а третій же: главный дружка за ноги, и такъ ея выносятъ на дворъ; между тѣмъ невѣста, какъ бы неохотно оставляя домъ своихъ родителей, хватается руками за матицу и держится, сколько ея силъ есть: отецъ и мать или блажайшія ея сродники стараются развесть ея руки и помогаютъ вынести ее вонъ. Въ самыхъ еще дверяхъ хватается она въ другой разъ за косякъ, гдѣ то же съ нею дѣлается. Какъ вынесутъ невѣсту на дворъ, то дружка съ саблею кричитъ, что бы всѣ зрители стояли рядомъ, и что бы никто невѣстѣ на встрѣчу не попался, ибо встрѣча тогда за худой знакъ почитается. Между тѣмъ запираютъ избныя двери и никого изъ избы не выпуска-

скаютъ, пока невѣста не будетъ посажена въ сани или телегу, и не покрыта бѣлою скатертью съ бахрамами. Въ поѣздѣ передъ невѣстою ѣдетъ отецъ или братъ жениховъ, за нимъ невѣста, сваха и дружка, на одной упряжкѣ. За невѣстиною упряжкою ѣдутъ ея подруги, и прочей поѣздъ до половины дороги, невѣсту привозятъ въ церковь, гдѣ женихъ дожидается. Послѣ вѣнчанія изъ церкви женихъ ѣдетъ напередъ, невѣста позади, а за невѣстою поѣздъ; по приѣздѣ домой, женихъ принимаетъ невѣсту и ведетъ въ избу; но прежде, нежели входятъ въ оную, оба становятся одною ногою на порогъ избной, гдѣ имъ сперва жениху ставятъ на ногу горячую съ хмѣлемъ сковороду, нарочно къ сему приуготовленную, которой съ ноги оную сбрасываетъ столь далеко, сколь ему заблаго разсудится: по томъ ставятъ сковороду на ногу невѣстѣ, которая такъ же сбрасываетъ; но тутъ домашнія примѣчаютъ, сколь далеко она сковороду скинетъ, и заключаютъ, что чѣмъ далѣе сковорода отлетитъ отъ ея ноги, тѣмъ она сердитѣе и сварливѣе будетъ; въ противномъ случаѣ уклонною и смиренною быть надѣются. Послѣ сей церемоніи входятъ всѣ въ избу, садятся за столъ и пируютъ, при которомъ пиршествѣ никто изъ невѣстиной родни не бываетъ, и молодая надѣваетъ свое дѣ-

дѣвичье Мордовское платье, заплетаетъ косу и повязывается повязкою. Невѣстины отецъ и мать и прочїе сродники до тѣхъ поръ ни съ нею, ни съ ея мужемъ не видятся, пока съ ея стороны не будетъ прислано, что бы ея родня къ ней приѣзжала, и такъ иногда сїе свиданїе чрезъ полгода или цѣлой годъ случается. Сїе для того бываетъ, что она до тѣхъ поръ, пока послѣ свадьбы не увидится со своимъ отцомъ, или кто ея выдавалъ, имѣетъ право пользоваться дѣвичьею красотою, и носить дѣвичье платье; а увидясь со своими, оной лишается, оболокшись уже въ женской уборъ.

У Татаръ, по рѣкѣ Черемшану живущихъ, когда женихъ или его родители, гдѣ выберутъ невѣсту, то сватаютъ чрезъ постороннихъ людей, и естьли дѣло пойдетъ на ладъ, то за самой первой пунктъ почитается калымъ или выкупъ, и самый бѣдный долженъ платить по крайней мѣрѣ тридцать рублей, а богатые по сту, по двѣсти и дороже покупаютъ себѣ женъ. Принужденїя въ женидьбѣ у нихъ нѣтъ, а особливо женскому полу; по чему при собранїи родственниковъ и постороннихъ людей отецъ спрашиваетъ у невѣсты, любъ ли ей женихъ, и охотно ли она за него идетъ? согласной ея отвѣтъ рѣшитъ все дѣло; ибо призвавъ Муллу, который прочитавъ моли-

тву,

тву, дозволяетъ невѣстѣ съ женихомъ вмѣстѣ сидѣть за завѣсомъ; а прочїе пьютъ и веселятся. Естьли женихъ въ состоянїи заплатить выкупъ, то беретъ въ то же время съ собою невѣсту: въ противномъ случаѣ невѣста остается у отца до тѣхъ поръ, пока женихъ всего не выплатитъ выкупу по частямъ. Между тѣмъ женихъ имѣетъ право тайно отъ времяни до времяни посѣщать свою невѣсту, что у нихъ за пазуху ходить, называется; ибо только до пазухи невѣстиной, а не далѣе женихова вольность простираться должна. Когда же весь выплатитъ калымъ, то собираются паки къ невѣстину отцу на пиршество, и упившися гости разъѣзжаются по домамъ; а женихъ съ невѣстою и другими сродниками, такъ же и съ приданымъ уѣзжаетъ въ свой домъ; гдѣ призвавъ Муллу совершаетъ бракъ. Мулла спрашиваетъ только три раза, женился ли? прибавляя имя жениха, на что ему отвѣчаетъ дружка тѣми же словами, женился; спрашиваетъ такъ же троекратно невѣсту, вышла ли? на которой вопросъ отвѣчаетъ сваха, вышла; ибо женихъ и невѣста Муллѣ не кажутся, но сидятъ, или въ другой избѣ, или за занавѣсомъ. По сихъ вопросахъ, Мулла прочитаетъ молитву, и тѣмъ кончится вся тайнобрачная. По прошествїи двухъ или трехъ дней, зять призываетъ къ себѣ въ домъ тѣстя и всю жен-

нину

нину родню, съ которою и пиршествуютъ, при чемъ всякъ по своему достатку награждаютъ новобрачныхъ, какъ то скотомъ, платьемъ и прочимъ.

Хожденіе за пазуху имѣетъ кромѣ облегченія въ выкупѣ и другія основанія, тутъ женихъ приходитъ къ невѣстѣ въ расплохъ, и можетъ увѣренъ быть о ея качествахъ, ибо естьли онъ что за нею подозрительнаго примѣтитъ и засвидѣтельствуется другими, дозволяется отказаться ему отъ невѣсты заблаговремянно, и возвратить назадъ часть даннаго выкупа.

Женидьба дѣтей у Калмыковъ зависитъ единственно отъ воли родителей. Но прежде, нежели онѣ сватовство предпріять могутъ, приходятъ къ своему Гелню, и объявляютъ ему имя жениха и невѣсты, годъ и число, въ которое родилися. Гелунь справляется въ своемъ Сударѣ и объявляетъ соизволеніе Бурхановъ: естьли по Гелюнову мнѣнію худое будетъ предвѣщаніе о свадьбѣ, то ни подъ какимъ видомъ бракъ совершиться не можетъ, развѣ отцы одарятъ столько Гелюня, что онъ сими подарками можетъ и Бурханское соизволеніе перемѣнить въ хорошее предзнаменованіе.

Когда получатъ отъ Гелюня доброе предвѣщаніе, тогда уже договариваются о калымѣ при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ. Невѣста обыкновенно жениху принесть

дол-

должна новую кибитку, нѣсколько всякаго скота, и ясыръ, то есть: услужниковъ и услужницъ.

Бракъ совершаетъ Гелюнь [2] во время новомѣсячія съ своими обыкновенными обрядами: сперва приводитъ ихъ къ Бурханской присягѣ во взаимной вѣрности; потомъ выводитъ ихъ изъ кибитки, приказываетъ имъ глядѣть на солнце и читаетъ свои молитвы, при которыхъ женихъ съ невѣстою бьютъ земные поклоны; иные говорятъ, что жениха съ невѣстою обводятъ троекратно около кибитки, другіе напротивъ того увѣряютъ, что сіе не правда; но всѣ при бракосочетаніи обряды состоятъ въ молитвахъ. По совершеніи молитвъ, Гелюнь накладываетъ на нихъ руки, и тѣмъ кончитъ. По вѣнчаніи невѣсту сажаютъ въ кибиткѣ за занавѣсъ, а женихъ садится въ переди; родня съ обѣихъ сторонъ беретъ сырую овчину, и тянутъ ее сколько силъ есть: и естьли женихова родня втянетъ въ кибитку невѣстину родню, то невѣстина родня принуждена бываетъ держать свадебную попойку; и обратно при начатіи пиршества, невѣсту вводятъ въ свою кибитку, гдѣ она съ женскимъ поломъ торжествуетъ, при играніи музыкальнаго согласія, состоящаго въ чебызгѣ, волынкѣ и гудкахъ: ибо молодой по ихъ установленіямъ возбраняется видѣться съ свекоромъ и съ старшею

шею жениховою роднею, да и отца своего не прежде, какъ по прошествіи года посѣтить дозволено, и тогда она отъ него совершенной свой пай получаетъ, какъ то верблюдовъ, скотъ и проч.

При совершеніи бракосочетанія, Мокшанцы сажали невѣсту въ собраніи всѣхъ своихъ пріятелей на рогожу, относили къ жениху въ покои и отдавали ему, говоря сіи слова: вотъ тебѣ волкъ овца, въ которомъ случаѣ невѣста по благопристойности притворяется столь неистовою, сколько силъ ея станетъ. Еще и нынѣ имѣютъ они такое обыкновеніе, что когда невѣста послѣ обвѣнчанія возвращается изъ Россійской церькви, то должна она безпрерывно голосомъ вопить; да и нѣкоторыя изъ нихъ въ такой горести царапаютъ себѣ лице немилосердо, при томъ же у невѣсты бываетъ лице закрыто фатою, или вышитымъ полотенцомъ. Еще и нынѣ держатся они того обыкновенія, что на другой день послѣ свадьбы, старшій изъ сродниковъ взявъ хлѣбъ съ привѣшеною къ нему небольшою шапкою и пряжкою, которую носятъ на груди, приноситъ въ даръ молодой, ставитъ трижды ей на голову, и при томъ не всегда по порядку говоритъ сіи три слова: тятей, мезей, пивей, только выговариваемое на послѣди слово должно быть обыкновенное имя молодой.

Кал-

Калмыки Яицкіе сговариваютъ своихъ дѣтей, не токмо въ младенчествѣ, но и во чревѣ, и при томъ съ такимъ договоромъ, естьли у одного родится сынъ, а у другаго дочь, то неотмѣнно должны они сочетаться бракомъ, и сіе обрученіе содержать ненарушимо. Молодыхъ людей обыкновенно сводятъ тогда, когда уже имъ отъ роду четырнатцать лѣтъ или болѣе; еще за два года до свадьбы дается женику вольность ходить къ невѣстѣ, и съ нею играть: но естьли она обрюхатѣетъ еще до свадьбы, то принужденъ онъ задабривать ея родителей подарками, не смотря на то, давно ли происходило обрученіе или не давно; однако должно еще до свадьбы договориться съ невѣстинымъ отцемъ и матерью, о даваемомъ числѣ лошадей и другаго скота. Напротивъ того ея родители приготовляютъ въ приданое за нею платье, потребные въ дому вещи и постелю, состоящую изъ узорчатыхъ, и по краямъ обшитыхъ шелковою или бумажною матеріею войлоковъ и такихъ же одѣяловъ; сверьхъ того даютъ еще новую изъ бѣлаго войлока сдѣланную кибитку. Предъ свадьбою навѣдываются у Гелюня о благополучномъ къ тому днѣ. Когда должно быть свадьбѣ, то невѣста со своими родителями и сродниками поѣдутъ къ жениху, поставя новую кибитку; Гелюнь читаетъ при всѣхъ поѣзжа-

ѣзжатыхъ нѣкоторыя молитвы надъ женихомъ и невѣстою; послѣ чего по его приказанію расплетаютъ у невѣсты всѣ косы, и заплетаютъ волосы, только въ двѣ косы, такъ какъ носятъ бабы; потомъ Гелюнь снявъ шапки съ жениха и невѣсты, отходитъ съ Гетсюломъ въ поле, и тамъ окуриваетъ оныя ладаномъ, читая при томъ молитвы; а возвратясь оттуда, отдаетъ шапки дружкѣ и свахѣ, которые и надѣваютъ оныя на голову жениху и невѣстѣ. Потомъ подчиваютъ гостей, и невѣстинъ отецъ обыкновенно даетъ скота на пиршество. Какъ гости разойдутся, то невѣста остается въ кибиткѣ у жениха, и ей нѣсколько времяни не дозволяется выходить изъ кибитки, ниже къ ней приходить кромѣ матери и сродницъ. Сказываютъ, что на свадьбахъ у князей произходятъ великія увеселенія, а имянно: бываетъ знатное пиршество, при которомъ случаѣ находится предводитель у тѣхъ, которые носятъ кушанье въ большихъ деревянныхъ сосудахъ; предводитель ѣдетъ на переди на бурой лошади, въ великолѣпномъ плащѣ; чрезъ плечо повѣшенъ длинной кушакъ изъ тонкаго полотна, а у шапки виситъ черной лисей или куней мѣхъ. Въ день бракосочетанія, во всѣхъ улусахъ читаютъ духовныя особы молитвы, а свѣтскія на свадьбѣ веселятся, бѣгаютъ на лошадяхъ въ запуски

пуски, борются, стрѣляютъ изъ луковъ и проч.

Калмыкамъ по ихъ вѣрѣ не позволяется имѣть много женъ, но сей законъ не столь строго наблюдаютъ, что бы знатный или начальникъ иногда не имѣлъ у себя двухъ или трехъ женъ; однако сіи примѣры рѣдко случаются. Хотя и не позволено имъ разводиться съ женою, однако то часто бываетъ, а особливо у знатныхъ, естьли Калмыкъ имѣетъ причину быть не доволенъ женою, или она сама похочетъ развестися; то ему вольно раздѣть ея до нога и прогнать плетью; естьли же онъ хочетъ разстаться съ нею честнымъ образомъ, то озоветъ ея сродниковъ къ себѣ на пиръ, аетъ женѣ осѣдланную лошадь и столько кота, сколько хочетъ или можетъ дать, съ симъ добромъ отъ себя отпускаетъ.

Вотяки послѣдуя примѣру своихъ предковъ, сватаютъ дѣвицъ по договору, сколь много надобно за нее дать калыму, когда договоръ заплаты кончится, то женихъ беретъ невѣсту въ свой домъ, и цѣлую недѣлю пользуется ея пріятностями; но по прошествіи сего времяни, отецъ невѣстинъ пріѣхавъ къ своему зятю, беретъ ея обратно, и цѣлой годъ держитъ въ домѣ своемъ такъ крѣпко, что она не можетъ имѣть никакого свиданія съ назначеннымъ ея женихомъ. Въ сей годъ женихъ печется, дабы

запла-

заплатить потребное число калыма, а невѣста съ своей стороны оказываетъ последнія услуги своимъ родителямъ; но какъ все уже будетъ готово, то сдѣлавъ все нужное къ свадебнымъ обрядамъ, дѣлаютъ пиръ, и посреди собравшихся гостей, отецъ жениху вручаетъ свою дочь.

У самыхъ гостепріемнаго покоя дверей останавливается она на раскинутомъ сукнѣ, и ждетъ пока духовный человѣкъ принесетъ въ жертву стаканъ пива, и сотворитъ къ богамъ молитву о ниспосланіи молодымъ щастія въ наживѣ хлѣба, дѣтей и богатства. Освященное оное пиво даетъ онъ пить молодымъ, и сіе служитъ, какъ будьто брачнымъ таинствомъ; послѣ сего разноситъ дѣвка съ невѣстиной стороны медъ или пиво, а сама невѣста прося каждаго гостя выкушать подносимое, становится при томъ на колѣни, и до тѣхъ поръ не встаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между тѣмъ не укладывая еще молодыхъ спать, ѣдятъ изрядно, попиваютъ, пляшутъ, и такъ далѣе.

Киргизцы платятъ калымъ за невѣсту смотря по своему достатку, и смотря на красоту и природу сваташемой дѣвки: самая посредственная плата за невѣсту должна состоять въ одномъ пленникѣ, въ тридцати или въ сорока лошадяхъ, и въ нѣкоторыхъ военныхъ снарядахъ. Передъ днемъ

браката

брака, отецъ невѣстинъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своего жилища становитъ бѣлую кибитку, въ которой обыкновенно отправляются брачные обряды между женихомъ и невѣстою, къ ней привязываютъ богатоубранную женихову лошадь, и тамъ же кладутъ наилучшую его одежду.

Естьли невѣста по день сочетанія своего сохранила себя безпорочну, то брачное пиршество отправляется съ веселіемъ; естьлижъ случится тому противное, то бывшіе при оной церемоніи сваты заколютъ убранную женихову лошадь, и въ мѣлкіе куски изрѣжутъ его одежду, означая тѣмъ неблагополучіе сочетавшихся. Въ такомъ случаѣ отецъ невѣстинъ служитъ ругательству собравшихся гостей, и при томъ лишается взятаго за дочь свою калыма. Такіе примѣры у нихъ весьма рѣдко случаются, потому что дѣвокъ просватываютъ они по большой части малолѣтныхъ. Утромъ брачнаго дня невѣсту, сидящую на богатомъ коврѣ, носятъ четыре дѣвки прощаться со всѣми ея подругами; сіе прощаніе есть знакомъ изключенія ея изъ дѣвокъ: и съ сего то дня женихъ можетъ видѣться съ своимъ тестемъ, что по сей день у нихъ не бываетъ.

Они наибольше подстерегаютъ Калмычекъ, потому что они по ихъ скаскамъ къ удовлетворенію похоти наилучшее имѣютъ

тѣло-

тѣлосложенïе и долѣе всякихъ другихъ женщинъ равняются съ молодками: по чему и знатные Киргизцы на нихъ женятся, когда согласятся принять Магометанской законъ; напротивъ того какъ Персïанки, такъ и Персïана Кызылбаши толико имъ ненавистны, что выдаютъ ихъ и за своихъ невольниковъ. Когда кто въ первые жениться хочетъ, то даетъ за природную Киргизскую дѣвку около пятидесяти лошадей, двадцати пяти коровъ, до ста овецъ, нѣсколько верблюдовъ или невольника, и латы. Я положилъ здѣсь среднюю цѣну, скудные женихи даютъ и гораздо меньше, богатые же и въ нѣсколько кратъ больше; другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платятъ и того еще больше, и такъ далѣе.

Лопари женятъ и за мужъ выдаютъ дѣтей по своей единственно волѣ, уважая при томъ одно только имѣнïе, а потому и безобразная дѣвка, когда только не скудна можетъ выйти за хорошаго человѣка. Холостымъ не дозволяется у нихъ жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжевать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ располагается договоръ о бракѣ съ такою превеликою точностïю, какъ будьто о какой куплѣ, хотя въ прочемъ запросы бываютъ и нарочито непомѣрны, даваемое женихомъ за невѣсту награжденïе принимается

мается щетомъ, и состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, или мяхкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣсты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ простоволоса; а въ другую пору всегда повязана голова, какъ у бабъ, такъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощенїе есть не иное что, какъ очередное пиршество, на которое идучи несетъ всякъ съ собою, какъ съѣстное, такъ и напитки. Забавляются же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ игрою въ гуська; сїя игра подобна шахматной, и производится тринадцетью камешками представляющими гусей и лисицу. Увеселяются также борьбою, прыганьемъ черезъ держимыя вдоль шесты, разсказыванїемъ забавныхъ басенъ нескладнымъ и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ пѣнїемъ и пляскою. Молодые живутъ первый годъ у тестя и у тещи, а потомъ перебираются въ свой шалашъ.

Въ домѣ, гдѣ быть свадебному пиршеству, ставятъ на столъ Черемисы домашняго Идола, передъ которымъ творитъ Картъ молитву, потомъ бываетъ обѣдъ и начинаются веселости, состоящїя въ пляскѣ по гуслямъ, волынкѣ, шибберъ и губномъ органѣ кобашъ; въ оранье пѣсенъ и сему подобномъ; между тѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабье одѣянїе, сиречь снимаютъ съ нее покрывало, и надеваютъ ей

ей на голову, вмѣсто худой нарядную высокую шапку или повязку. Женихъ взявъ ее за руку, отводитъ въ гостѣпріемной покой, гдѣ она во время творимой Картомъ молитвы стоитъ на колѣняхъ, а потомъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣста сама, однако спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому посторонними бабами. Уложа молодыхъ. запираютъ подклетъ; на другой день по утру приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заступивши мѣсто роднаго невѣстина отца, мущина, держа въ рукѣ добрую плѣть, и ежели примѣтитъ, что невѣста въ дѣвствѣ вела себя не цѣломудренно, то погрозясь оною совершаетъ на другой день свои угрозы; такимъ же образомъ, пропуская только больше либо меньше послѣ сочетанія времяни, наказываютъ мужья женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣчаютъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они также въ пированьѣ и весельѣ; а какъ станутъ напослѣдокъ расходиться гости, то всякъ выпевъ послѣдней стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христіанской законъ Черемисами, такихъ свадебъ, на которыхъ бы не происходили сіи языческіе

 обряды,

обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ или лѣтъ; но бѣдный странствующій удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу: онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда отцу такое за дочь награжденіе, какое самъ вздумаетъ: и такимъ образомъ безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Ежели кто вздумаетъ изъ Чувашъ обитающихъ по Волгѣ жениться, то сватъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко; обыкновенная невѣстамъ цѣна простирается отъ двадцати до пятидесяти руб.; иные запять и за десять рублей получаютъ также себѣ женъ; напротивъ того богатые даютъ за невѣсту и до осьмидесяти руб.; невѣстино приданое состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣяніи, бываетъ почти равное платимымъ женихомъ за нее деньгамъ. Торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (хотя).

По заключеніи онаго бываетъ особый съ дарами поѣздъ; женихъ пріѣзжаетъ съ родителями своими къ невѣстѣ платить за нее договорныя деньги, даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками или холстомъ. Невѣстинъ отецъ для сугубаго въ женидьбѣ счастія, приноситъ въ жертву пшеничный хлѣбъ и небольшое количество меду сырца; онъ держитъ даръ свой противъ солнца и творитъ молитву; послѣ

чего

чего ѣдятъ, пьютъ, веселятся и напослѣдокъ опредѣляютъ когда быть свадьбѣ.

Во время свадьбы сидитъ невѣста занавѣся лице за отгородкою; напослѣдокъ вышедъ оттуда, ходитъ прискорбно въ гостѣпріемной избѣ кругомъ, а дѣвки носятъ передъ нею пиво, медъ сырецъ, и хлѣбъ; какъ обойдетъ она въ третій разъ избу, то женихъ срываетъ съ нее покрывало, цѣлуетъ ее и мѣняется съ нею перстнями; съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гостямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, и напослѣдокъ уходитъ опять за отгородку, гдѣ бабы, вмѣсто худой дѣвичьей шапки надѣваютъ на нее бабью побогатѣе убранную хушну.

Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по утру происходитъ о дѣвичьей непорочности слѣдствіе; ежели окажется, что она до замужства жила не цѣломудренно: то невѣстинъ прислужникъ подастъ старѣйшинѣ съ пивомъ такой стаканъ, у коего на днѣ пробуравлена дырочка, которую зажавъ пальцомъ удерживаетъ пиво, но какъ скоро гость возметъ стаканъ въ свои руки, то начинаетъ напитокъ бѣжать изъ дырочки; гости поднимаютъ превеликой смѣхъ, и приводятъ тѣмъ невѣсту въ стыдъ: другихъ не бываетъ никакихъ слѣдствій. На другой

той день принимаетъ молодая гостей уже такъ какъ хозяйка; въ разсужденіи чего и веселья бываетъ больше, нежели въ первый день; пляшутъ же они по гуслямъ, по волынкѣ и по губному органу. Крещенныя вѣнчаются въ церквѣ спустя иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играютъ больше у жениховыхъ родителей, и она походитъ нѣсколько на очередную пирушку, потому что всякой гость несетъ что нибудь съ собою. Въ прочемъ ставятъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ которой воткнута стрѣла; тутъ кто изволитъ изъ гостей кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

У Казанскихъ и Оренбургскихъ Татаръ передъ свадьбою невѣста должна нѣкоторое мѣсто очистить отъ волоса; у простыхъ людей исправляютъ дѣло сіе на дѣвишникѣ бабы бритвами: знатнѣйшія же употребляютъ къ тому заранѣе особливую мазь (Т. Сурахъ), которою и мужья бороды свои для уменшенія мажутъ, и которая составляется изъ опермента и негашеной извести, растворя ихъ на водѣ или на постномъ маслѣ; сею мазью потираютъ они въ банѣ причинное мѣсто нѣсколько разъ не сряду, но пропуская по немногому времени; а когда волосъ вновь пустится, то опять за мазь принимаются. Нѣкоторые выдергиваютъ волосы, дабы навсегда изба-

избавиться отъ частаго и тягостнаго бритья, и съ самымъ корнемъ. Дѣвки собравшись на дѣвишникъ къ невѣстѣ, у которой лице бываетъ занавѣшено, оплакиваютъ вмѣстѣ съ нею перемѣну ея состоянія; въ невѣстиной же пѣснѣ, которую поютъ двое мужчинъ, почитается сія перемѣна желательною. Наканунѣ свадьбы относятъ невѣсту въ вечеру посадя на коверъ, въ томъ домъ, гдѣ быть свадьбѣ, и тутъ то видится она съ новыми своими родственницами.

Весь обрядъ бракосочетанія ихъ состоитъ въ томъ, что Мулла спрашиваетъ въ слухъ жениха и невѣсту, желаютъ ли они вступить въ супружество, и получа подтвердительной отвѣтъ, какъ на сіе, такъ и на то, что договоръ о всемъ уже сдѣланъ, объявляетъ ихъ читая молитву, сочетавшимися бракомъ. А какъ потеряніе дѣвичьей чести почитается у нихъ за великое безчестіе, то немолчаливой женихъ можетъ въ день свадьбы, какъ по справедливости, такъ и напрасно сорвать еще съ тестя и тещи клепаньемъ своимъ какой ни есть подарокъ.

Многія Башкирцы имѣютъ по двѣ жены, а больше рѣдко у кого бываетъ. Употребительный у нихъ выкупъ за невѣсту калымъ состоитъ въ скотѣ, и простирается отъ пятнатцати до двухъ сотъ головъ; при

 чемъ

чемъ лошади, рогатой скотъ и овцы почти по равному даются числу. За невѣстою идетъ часть сего выкупа въ приданомъ, и потому въ прежнія возвращается руки. По причинѣ изобилія въ кумызѣ, и сообразуясь своей бодрости, играютъ они свадьбы только лѣтомъ. Передъ сочетаніемъ, Муллою совершаемымъ, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невѣстѣ споръ; при чемъ первыя одерживаютъ верьхъ, и потомъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ выводятъ у нее волосы, и сіе торжество называется у нихъ Таки Алганъ. При сочетаніи даритъ Мулла жениху стрѣлу, и говоритъ: будь храбръ, содержи и защищай свою жену. На всякую свадьбу убиваютъ для Бишбармака по одной лошади. Въ первую ночь остается у молодыхъ двое мужчинъ, и столько же женщинъ; на другой день получаютъ гости отъ молодыхъ небольшіе дары, какъ то: нитки, холстъ, платки, иголки и прочее.

Увеселенія ихъ во время свадебъ и праздниковъ состоятъ кромѣ пированія: въ пѣніи, пляскѣ, борбѣ, бѣганіи на лошадяхъ взапуски, стрѣляніи въ цѣль, и смѣхотворныхъ представленіяхъ, въ коихъ они передразниваютъ людей и звѣрей, и сія игра называется у нихъ черный иноходецъ. Они играютъ не только на балалайкѣ, но и на гудкахъ сдѣланныхъ изъ пустыхъ травяныхъ

ство-

стволиковъ, къ чему нѣкоторые и баса припѣваютъ. При пѣнiи употребляютъ они искони такое изобрѣтенiе, которое въ иномъ мѣстѣ не постыдно бы было объявить и за новое, а имянно: они носятъ для обороны отъ комаровъ особливыя опахалы, которыя нашимъ почти подобны, и въ ихъ то складкахъ пишутъ они свои пѣсни. Пѣсни ихъ гласятъ о славныхъ богатыряхъ, странствующихъ удалыхъ головахъ, превращенiяхъ и проч. и служатъ наипаче къ соблюденiю въ памяти дѣлъ славныхъ ихъ предковъ, которыя и воспѣваютъ они съ великимъ восторгомъ. Когда напослѣдокъ женихъ собирается вести невѣсту свою домой, то она ходитъ изъ юрты въ юрту прощаться съ благодаренiемъ и плачемъ; и при семъ случаѣ надѣляютъ ее иные скотомъ, а иные домашнею рухлядью. Въ родительской юртѣ, обнимаетъ она кумызной мѣшокъ, благодаритъ ему, что столь долго ее питалъ, и прицѣпляетъ къ нему небольшой подарокъ. Весь станъ провожаетъ молодыхъ нѣсколько верстъ, и всѣ пьютъ при раставанье взятой съ собою въ малыхъ мѣшкахъ кумызъ.

У Чулумскихъ Татаръ, сватъ идучи къ невѣстѣ, беретъ съ собою новую Китайскую трубку и Китайской же курительной табакъ, объявляетъ тамъ причину своего пришествiя, и удаляется на короткое время.

Ежели онъ по возвращеніи своемъ примѣтитъ, что трубка его совсѣмъ не употреблялась, то почитаетъ сіе за отказъ; буде же увидитъ, что изъ нее курено, то торгуетъ невѣсту на платье, мягкую рухлядь, скотъ и прочая. Цѣна простирается цѣнная на деньги отъ пяти до пятидесяти руб. по соглашеніи препровождаютъ женихъ и невѣста первую ночь въ новой юртѣ, при чемъ между сею и тестевою юртою содержится огонь. Въ число происходящихъ обыкновенно на свадьбахъ увеселеній, состоящихъ какъ и у другихъ Татаръ въ пированьѣ, пѣсняхъ, пляскѣ и проч. принадлежитъ и то, что женихъ при помянутомъ огнѣ борется съ невѣстиными родственниками; ему надобно одержать при томъ побѣду: и великая силѣ его честь, ежели онъ можетъ самъ собою безъ посторонней помощи управиться. Вмѣсто постели служитъ молодымъ разосланной войлокъ. Невѣста противится на оной ложиться; и понеже она проситъ при семъ случаѣ помощи у замужней своей пріятельницы, то сія должна учить ее, какъ ей впредь съ мужемъ жить, за что получаетъ въ подарокъ праздничное платье. Ежели невѣста не имѣетъ признаковъ своей честности, то молодой, тихимъ образомъ отъ нее уходитъ, и къ безславію молодой не прежде къ ней возвращается, какъ раздѣлавшись

вшись съ похитителемъ ея чести, послѣ чего все забывается.

У Мордвы по пріѣздѣ невѣсты въ жениховъ домъ приходитъ его мать со сковородою, наполненною сухимъ хмѣлемъ, которой зажигаетъ она горящею лучиною и ставитъ сковороду къ правой ногѣ невѣсты, а она отталкиваетъ оную ногою; сіе дѣлаютъ трижды, и каждый разъ сгребаютъ просыпанный хмѣль на сковороду. При семъ случаѣ примѣчаютъ, что ежели сковорода упадетъ на оборотъ, то есть дномъ къ верьху, то молодымъ предвѣщаетъ всякое злополучіе; ежелижъ она ляжетъ внизъ дномъ, то почитаютъ сіе за счастливое предзнаменованіе. Потомъ кричатъ, давай пива: и какъ скоро подадутъ, то невѣста снимая нѣсколько колецъ съ рукъ опускаетъ въ братыню, изъ которой потомъ пьютъ гости. Наконецъ раздаютъ грешневую крутую кашу, собравшимся изо всей деревни старымъ и малымъ, каждому по чумичкѣ, и кладутъ иному въ шапку, иному въ полу, а иному и за пазуху.

Древніе Россіяне при брачныхъ сочетаніяхъ поступали слѣдующихъ образомъ: между протчихъ церемоній, передъ поѣздомъ въ церьковь, садятся женихъ съ невѣстою рядомъ, или на соболи, или на какой нибудь другой мѣхъ. чешутъ свахи имъ головы, обмакивая гребень въ меду или въ винѣ, ко-

 торое

торое держитъ въ ковшѣ нарочный. Потомъ осыпаютъ ихъ осыпаломъ, то есть деньгами и хмѣлемъ, тутъ же зажигаютъ брачныя свѣчи, которыя бывали съ лишкомъ по пуду, смотря на имѣніе брачныхъ; зажигали же ихъ особою Богоявленскою свѣчкою. Въ церковь возили съ собою вино въ скляницѣ, и когда священникъ дастъ пити жениху и невѣстѣ, то при послѣднемъ разѣ женихъ разбиваетъ скляницу съ оставшимся виномъ объ полъ, и топчетъ бутылку ногою. Брачныя свѣчи ставятъ потомъ соскавши ихъ вмѣстѣ къ кадку во пшеницу на цѣлой годъ въ сѣнникѣ, въ головахъ у постели. Сѣнникъ приготовляютъ къ тому слѣдующимъ образомъ: поставятъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ образа, а въ головахъ постели, надъ дверями и окнами по кресту воздвизательному; по всѣмъ четыремъ угламъ воткнутъ по стрѣлѣ, и на нихъ по соболю или по куницѣ, и взоткнутъ по калачу; на лавкахъ по угламъ же поставятъ по оловянику меду. Постелю стелютъ ни двадцати одномъ ржаномъ снопѣ, и какъ подадутъ послѣднее на столъ кушанье, то есть жаркое, то дружка обернувъ блюдо съ жаркимъ, калачемъ и съ солонкою, верхнею скатертью, понесетъ въ сѣнникъ къ постелѣ, а потомъ поведутъ и молодыхъ. Въ дверяхъ у сѣнника отецъ посаженой сдаетъ съ рукъ на руки новобрачную

ную ее мужу, и говоритъ увѣщательную, о содержанiи на узаконенныхъ порядкахъ супруги, рѣчь; и когда придутъ къ постели, то тысяцкаго жена надевъ на себя двѣ шубы, одну такъ какъ должно, а другую сверьхъ того на выворотъ, осыпаетъ опять молодыхъ осыпаломъ, то есть деньгами, хмѣлемъ и зернистымъ хлѣбомъ, и кормитъ ихъ уже на постелѣ. По утру приходятъ тѣжъ свадебные чиновные, и подымаютъ одѣяло съ молодой стрѣлою, и свидѣтельствуютъ ее непорочность, потомъ водятъ молодыхъ въ мыльню, а послѣ кормятъ ихъ кашею, и тогда молодая даритъ пришедшихъ гостей дарами и овощами. Когда молодой на другой день по утру бываетъ въ мыльнѣ, тогда теща присылаетъ ему все платье, то есть такое, въ какомъ изъ бани до покоевъ дойти можно. Въ церквѣжъ во время вѣнчанiя подстилали молодымъ подъ ноги камку, или другую какую матерiю, а сверьхъ ее соболи или куницы, или другую мягкую рухлядь. Въ прочемъ во все время брачнаго сего торжества, когда молодой возметъ за руку свою молодую, то долженъ вести ся до назначеннаго мѣста не опуская ее руки, а инако вѣчное будетъ между ими несогласiе.

У Малороссiянъ жениховъ отецъ, посылаетъ двухъ сватовъ къ невѣстину отцу, и даетъ имъ хлѣбъ, которые, ежели будетъ

на

на то согласіе, оставляютъ хлѣбъ въ залогъ у отца невѣсты, а отъ него берутъ другой на обмѣнъ, и потому назначаютъ день свадьбы. На все время свадьбы избирается изъ дѣвокъ одна *свѣтилка*, которая во время стола сидя въ большомъ углу, держитъ увитую калинными вѣтвями съ ягодами козацкую саблю, на которой прилѣплена восковая зажженная свѣча трейчатка. Послѣ вѣнчанія женихъ и невѣста отходятъ изъ церкви по своимъ домамъ; а пообѣдавъ женихъ *благословляется* отъ отца и матери хлѣбомъ и солью, ѣдетъ къ невѣстѣ въ домъ. По срединѣ невѣстина двора поставляется тогда квашня, накрытая скатертью, а на ней хлѣбъ и склянка горѣлки. Мать невѣстина выходитъ въ стрѣчу въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ, или кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ; которой даритъ зятю, а онъ выливаетъ изъ него на гриву своей лошади, и отдаетъ пустой горшокъ старшему *боярину*, которой бросаетъ его въ сторону, и буде горшокъ разобьется, то молодая родитъ сына, а когда уцѣлѣетъ, то дочь. Потомъ братъ или сродникъ продаетъ невѣсту, говоря, что она въ пятинатцатилѣтнѣе время пребыванія у нихъ съѣла и выпила, пять бочекъ бураковъ, то есть свеклы, три бочки капусты, четыре вола или быка, шесть кабановъ или боровъ,

вовЪ, десять овецЪ, сто гусей, двести курЪ, семдесять пять утокЪ, двадцать кулей хлѣба, пять бочекЪ пива, двѣ бочки меду, пять бочекЪ горѣлки, то есть хлѣбнаго вина, за что получаетЪ двѣ или три копѣйки. По выѣздѣ изЪ невѣстина дома, стѣгаетЪ женихЪ ее нѣсколько разЪ плѣтью, и говоритЪ: *покидай нравы отца и матери и привыкай кЪ моимЪ.* При вЪѣздѣ вЪ жениховЪ домЪ, вЪ воротахЪ зажигается куль соломы, чрезЪ который должны всѣ переѣхать. По ужинѣ пришедЪ на подклѣтЪ невѣста разуваетЪ жениха, который бьетЪ ее голенищемЪ, и она получаетЪ лежащія вЪ сапогахЪ деньги. Ежели невѣста сохранила свое дѣвство, то всѣ гости идутЪ вЪ домЪ ее отца, и сЪ радости бьютЪ у него окны, ломаютЪ печи, лавки, столы, стулья, и все что ни попадется, за что отецЪ не токмо что не досадуетЪ, но еще и даритЪ ихЪ. ПотомЪ взявЪ невѣстинЪ красный передникЪ, по ихЪ *запаску*, привязываютЪ на высокій шестЪ, и выставляютЪ у воротЪ на цѣлый день вЪ знакЪ цѣломудрія невѣстина. По отпраздновании у вѣхо, приходятЪ опять вЪ домЪ жениховЪ, гдѣ свекорЪ взявши палку, тычетЪ ею вЪ глаза невѣстку, спрашивая у нее, не слѣпа ли она, а потомЪ подчиваетЪ горѣлкою. ПотомЪ дружка, женихЪ и всѣ гости идутЪ паки вЪ домЪ невѣсты, и при-

не

неся съ собою курицу окладенную вѣшвистою калиною и пирогами безъ начинки, называемыми по ихъ *Стульни*. Дружка разрѣзываетъ курицу и даетъ отцу голову и два пирога, тещѣ столькожъ пироговъ и гузку; а потомъ всѣмъ гостямъ по куску пирога и курицы. Такимъ образомъ препровождаютъ цѣлую недѣлю въ сихъ обрядахъ и пированіяхъ, при играніи на скрипнѣ и при пѣніи различныхъ пѣсенъ.

Описавъ свадебные обряды многихъ народовъ, обитающихъ въ Россіи, за нужное нахожу примѣтить, что ни гдѣ невѣста входя въ жениховъ домъ столь поносима не бываетъ, кромѣ города Торопца. Тамо женихъ и всѣ его домашніе нарочно призываютъ для того дѣвокъ, которыя при входѣ ее отъ вѣнца въ домъ жениховъ, стоя на крыльцѣ, поютъ между прочимъ: *намъ чильбы Василисчишка во трехъ шубахъ, ажно она беременна, ты несешъ ли люлечку, ты ведешъ ли нянечку Оглянисько ты назадъ, полюбовники стоятъ, да по грамоткѣ держатъ.* Сіе мнѣ кажется, ни увеселенія, ни чести, ни жениху, ни невѣстѣ не приноситъ. А вообразя тогдашнюю перемѣну состоянія дѣвицы, а притомъ и умной, ибо тамъ и знатное купечество сіе употребляетъ: то конечно представится, что сей ни гдѣ не употребляемый обычай походитъ много на сумазбродство.

ство. И ежели оной будетъ оставленъ, то конечно убытка изъ того въ свадебныхъ обрядахъ никакого не послѣдуетъ.

Сватовство у Малороссіянъ и Украинскихъ Слобожанъ, межлу простымъ народомъ происходитъ слѣдующимъ образомъ: Пришедшій въ возрастъ сынъ, обьявляетъ отцу своему, подъ веселый часъ, что ему такая то сосѣдняя дѣвушка понравилась, и онъ имѣетъ намѣреніе на ней жениться. Отецъ уважая прозьбу сына своего, и находя въ томъ необходимость, призываетъ къ себѣ двухъ стариковъ свойственниковъ, или сосѣдей своихъ, и предлагая имъ намѣреніе, сына своего, при чемъ и самъ сынъ пришедъ кланяется имъ весьма низко, и съ покорностію проситъ ихъ, чтобъ они приняли на себя трудъ, пойти къ такому то человѣку въ ихъ, или въ другомъ селѣ живущему, сватать дочь его ему въ жену. И получа на то ихъ согласіе, вручаетъ имъ каждому *по посоху* въ знакъ ихъ отъ него полномочія и посольства: и давъ имъ нарочно для сего изготовленный хлѣбъ, провожаетъ ихъ за вороты, откуды сіи сваты, или по тамошнему названію *старосты*, идутъ въ домъ отца невѣсты, къ которому пришедъ, кладутъ хлѣбъ на столъ и привѣтствуютъ хозяина обыкновенными словами, желая ему во всемъ благополучія. Хозяинъ проситъ ихъ сѣсть, спраши-

ваетъ

ваетъ ихъ о разныхъ вещахъ; они отвѣтствуя на хозяйскіе вопросы краткими рѣчами, постукиваютъ о полъ своими посохами, въ изъявленіе, что имъ не о томъ говорить надобно: при чемъ стараются изъявить свое намѣреніе прямыми словами. Хозяинъ услыша оное, проситъ времени на размышленіе, и естьли находитъ жениха достойнымъ его дочери: то входитъ въ хижку, или клѣть къ своей женѣ, и призвавъ туда дочь свою спрашиваютъ нравенъ ли ей женихъ? На что она, ежели ей нравится, отговаривается незнаніемъ и преданіемъ себя въ волю родительскую; въ противномъ случаѣ, вычисляетъ его пороки, и всемѣрно отказывается отъ супружества. И такъ естьли родители видятъ своей дочери согласіе, и находятъ въ предлагаемомъ имъ зятѣ свои выгоды, то вводятъ предъ сватовъ дочь свою, которая подноситъ на деревянной тарѣлкѣ каждому изъ нихъ по ручнику, или утиральнику полотняному долгому, шитому бумагою, а иногда шелкомъ, или золотомъ, въ изъявленіе согласія на ихъ предложенія. Сіи принявъ изъ рукъ невѣсты дары, перевязываютъ ихъ через плечо, и оставя въ залогъ посольства своего у хозяина принесенный ими хлѣбъ, а взявъ на обмѣнъ другой, идутъ въ домъ жениховъ съ радостною вѣстью. Женихъ видя возвращающихся послан-

сланниковъ своихъ съ знаками веселія, встрѣчаетъ ихъ у воротъ и вводитъ къ отцу, гдѣ назначаютъ они день свадьбѣ по общему ихъ и невѣстиныхъ родителей условію. Съ того времени до дня свадьбы, женихъ посѣщаетъ свою невѣсту, которая обыкновенно бываетъ окружена сверстными ей и съ нею бесѣдующими дѣвицами, ибо у нихъ до дня свадьбы пѣсенъ никакихъ не поютъ; такъже и женихъ невѣстѣ даровъ до того времени не приноситъ; равнымъ образомъ и приданаго отъ тестя не требуетъ, а предается въ томъ на его соизволеніе; при томъ имѣетъ дозволеніе препровождать съ невѣстою не только день, но и ночи въ уединеніи, съ обязательствомъ, что онъ ничего, противнаго цѣломудрію не предприметъ, что и исполняется.

Надобно знать, что у Малороссіянъ обыкновенно бракосочетанія совершаются въ день воскресный; почему на канунѣ онаго, то есть: въ суббату назначаются *дѣвичники* въ невѣстиномъ домѣ, куда по приглашенію невѣсты, собираются отбранныя дѣвушки, называемые *дружки*: то есть подруги, между которыми избирается одна *свѣтилка*, которая во время свадебнаго стола, сидя въ большомъ углу, держитъ на увитой калинными вѣтьвми съ ягодами козацкой саблѣ, зажженную восковую свѣчу

трой-

тройчанку, а въ вечеру къ ужину пріѣзжаетъ женихъ съ свойственниками и съ боярами къ невѣстѣ, у которой бываетъ нѣсколько дѣвицъ упомянутыхъ дружекъ, кои обыкновенно противъ бояръ, или молодцовъ бываютъ посажены за столъ, и тамъ раздаетъ женихъ дары отцу обѣихъ сторонъ отцу и матери и свойственникамъ, а дружки поютъ разныя свадебныя пѣсни и тѣмъ ужинаютъ, а по томъ танцуютъ при играніи на скрипкѣ и гуляютъ до полуночи.

Бояре и дружки въ воскресный день у заутрени бываютъ съ невѣстою и женихомъ, которые послѣ обѣдни вѣнчаются. Изъ церкви послѣ вѣнчанія женихъ съ боярами и съ своею бесѣдою отходитъ въ свой, а невѣста въ свой же домъ съ дружками, и у жениха кушаютъ бояре съ свѣтилкою, свахою, старостами, и дружками: при емъ сваха и свѣтилка пришиваетъ боярамъ, старостамъ и скрыпачу къ шапкамъ разные изъ лентъ на булавкѣ приткнутыя квѣтики, или цвѣтныя лоскутцы, и за то отъ каждаго изъ нихъ по одной или по двѣ копѣйки получентъ. Пообѣдавши садятся отецъ и мать жениховы на шубу, въ верьхъ шерстью вывернутую, держа въ рукахъ большой ситный или ржаный хлѣбъ. Сынъ кланяется сперва отцу, который его благословляетъ хлѣбомъ, а по томъ и матери кланяется равномѣрно въ ноги, и просить

симъ дозволенія объ отъѣздѣ въ домъ невѣсты, такъ же и мать благословляетъ его хлѣбомъ и отпущаетъ въ желанный путь.

Получа симъ образомъ отпускъ отъ родителей, женихъ съ боярами, старостами, свахою, свѣтилкою и съ дружками, ѣдетъ ко двору невѣсты, куда приближась, даютъ знать маршалки или дружки отцу и матери невѣстиной, что приѣхалъ ихъ зять, и кладутъ хлѣбъ на столъ и склянку горѣлки. Мать невѣстина даритъ дружку и подружаго ручниками, и повелѣваетъ имъ въѣзжать на дворъ, гдѣ по среди двора стоитъ квашня накрытая скатертью, а на квашнѣ хлѣбъ и склянка горѣлки. Тутъ выходитъ въ стрѣчу мать въ вывороченной шубѣ, сидя на вилахъ или кочергѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ, которой она даетъ, по привѣтствіи, зятю; а сей взявъ отъ нее, оный льетъ на гриву лошади и отдаетъ старшему боярину, бояринъ принявъ отъ жениха бросаетъ въ сторону, и примѣчаютъ, буде разшибется горшокъ, то родится сынъ, а когда уцѣлѣетъ, то дочь. По томъ женихъ сходитъ съ лошади, а на лошадь садится невѣстинъ братъ, или свойственникъ какой нибудь, и рыщетъ по улицѣ во всю конскую прыть, а за нимъ въ погоню бояре сѣвъ на лошадей гонятся, и уловивши

ши

ши его ведутъ во дворъ къ невѣстѣ, и тамъ его сущаго на конѣ потчиваютъ виномъ; причемъ поднощикъ говоритъ: прошу выкушать, а онъ ему кланяется и не беретъ чарки вина, которую дружко перепиваетъ, и наливъ въ другой разъ проситъ его, но онъ не беретъ. Дружко опять спрашиваетъ, чего ему надобно? денегъ, отвѣтствуетъ онъ; почему дружко вынувъ изъ кармана нѣсколько копѣекъ, кладетъ на тарѣлку и ему ихъ подноситъ. Онъ взявъ прежде деньги, а по томъ выпивши вино, слазитъ съ лошади, бояре съ легка стѣгаютъ его нѣсколько разъ по спинѣ прутиками, или плѣтками; но онъ отъ нихъ уходитъ, по томъ приходитъ къ сѣннымъ дверямъ, и взявъ обнаженную саблю, или большую палку, садится возлѣ невѣсты. А женихъ съ свахою и свѣтилкою стоятъ въ сѣняхъ за порогомъ, по томъ невѣстина мать выходитъ съ зажженою восковою свѣчею и зажигаетъ держимую свѣтилкою на саблѣ тройчатку, цѣлуются чрезъ порогъ и вводятъ жениха въ горницу съ позволенїемъ старосты, по отзыву дружка, на всякое предначинанїе требующаго его соизволенїя, гдѣ сидитъ невѣста съ подругами, а подлѣ невѣсты сидитъ вышеупомянутый малолѣтный братъ или свойственникъ ее, котораго спрашиваетъ дружко зачѣмъ ты здѣсь сидишь? я берегу сестру мою, отвѣтствуетъ

стъ онъ. Дружко говоритъ уже она не твоя, но наша. А ежели она ваша, то заплатите мнѣ за кормъ, что я на нее употребилъ, продолжаетъ сей отрокъ. А что ты на нее употребилъ? вопрошаетъ дружко. Весьма много, отвѣтствуетъ мальчикъ: 5 бочекъ бураковъ, 3 бочки капусты, 4 вола, 6 кабановъ, 10 овецъ, 100 гусей, 200 куръ, 75 утокъ, хлѣба 20 кулей, пива 5 бочекъ, меду 2 бочки, горѣлки 5 бочекъ, и прочичего, въ бытность ее въ нашемъ домѣ чрезъ 15 лѣтъ. Сіе выслушавъ дружко вынимаетъ изъ кармана двѣ, или три копѣйки денегъ, и положа ихъ на деревянную тарѣлку, на которой стоитъ налитая чарка простаго вина, подноситъ оную съ деньгами продавцу, которой видѣвъ малое число денегъ, не склоняется на уступку, и продолжаетъ торгъ свой до пяти, а иногда и до десяти копѣекъ. Получивъ оныя, выходитъ вонъ изъ за стола: и стоявшій до того посреди горницы женихъ, садится за столъ, въ рядъ съ невѣстою, въ смуромъ или бѣломъ суконномъ кафтанѣ одѣтою, обутою въ красные козловые, съ желѣзными ободками подбитые сапоги, въ шерстяной пестрой юпкѣ, по тамошнему называемой *плахтѣ*, въ красномъ передникѣ или *запаскѣ* и въ шитой узорами бѣлой холстиной сорочкѣ, имѣя на головѣ двѣ завитыя кружкомъ косы изъ природ-

ныхъ

ныхъ волосовъ, и во кругъ головы повязанные шелковыя разныя лѣнты съ долгими по спинѣ висящими концами, на шеѣ нѣсколько нитокъ красныхъ корольковъ, именуемыхъ монисто, и крестъ мѣдной, и на рукѣ кольцы мѣдныя; а женихъ одѣтъ въ два смурые кафтаны и въ шараварахъ того же сукна, въ поясѣ пестромъ шерстяномъ и въ красной суконной шапкѣ, обложенной черною овчиною, и въ черныхъ вымазанныхъ дегтемъ широкихъ, многими онучами наполненныхъ, ременными подвязками и мѣдными пряжками стянутыхъ сапогахъ, изъ коихъ въ одномъ лежатъ двѣ копѣйки денегъ, съ мѣднымъ перстнемъ на рукѣ и съ утиральнымъ платкомъ, шитымъ по холсту красною бумагою, на поясѣ на правомъ боку висящемъ. Въ семъ уборѣ сидятъ онѣ за столомъ окруженнымъ прежде реченными гостьми. По засѣданіи ихъ отецъ и мать и свойственники невѣстины вошедъ къ нимъ съ налитыми чарками вина, потчиваютъ ихъ и всю бесѣду; а по томъ спрашиваетъ дружко старосты обыкновеннымъ образомъ, дабы дозволено было подарки раздавать женихову отцу и матери и всѣмъ свойственчикамъ; первое отцу хлѣбъ, матери сапоги, свойственникамъ хлѣбы и платки, и дружкамъ по горсти орѣховъ и по два бублика или кренделя, отъ жениха; такимъ же образомъ и отъ невѣсты всѣмъ

свой-

свойственникамъ хлѣбомъ и платками, а боярамъ всякому по холстинному шитому или тканому бумагою платку; потомъ дружко проситъ дозволенія у старосты или посаженаго отца молодымъ и всѣмъ гостямъ итти на дворъ танцовать: староста, по троекратной къ нему прозьбѣ, изъявляетъ на то свое согласіе, и всѣ выходятъ на дворъ, и тамъ при играніи музыки до тѣхъ поръ пляшутъ, пока соберутъ на столъ и позовутъ къ обѣду. къ которому равнымъ образомъ по благословенію старосты входятъ, и занимаютъ всякъ свое мѣсто.

Столъ накрытъ шитою, или тканою скатертью сверьхъ килима или ковра, на которомъ поставлены деревянныя бѣлыя, или красныя тарѣлки и ложки, для всякаго нѣсколько ножей, а вилокъ нѣтъ. Передъ женихомъ и невѣстою стоитъ одна тарѣлка и двѣ ложки, лежащіе крестообразно, и ржаной хлѣбъ цѣлый, обсыпанный солью. По среди стола стоитъ каровай, или куличь, накрытъ крестообразно же двумя утиральниками, ткаными красною бумагою, и осѣняемый большею еловою, воткнутую въ него вѣтьвью. По зади ихъ въ углу, гдѣ стоятъ иконы, стоитъ сабля съ зажженными свѣчами; какъ женихъ, такъ и невѣста во весь обѣдъ ничего не ѣдятъ. По принесеніи перьваго кушанья, состоящаго обыкновенно изъ лап

ши

ши съ свининою и курицею, отецъ и мать потчиваютъ гостей и пьютъ за здоровье новобрачныхъ, то же дѣлается при щахъ, жаркомъ, и капустѣ, съ перцемъ состряпанной. Въ продолженіи стола невѣстина сестра, или свойственница снявъ съ жениха шапку, пришиваетъ къ ней здѣланный изъ розовой лѣнты цвѣтокъ, *квѣтка*, по тамошнему называемый; а при исправленіи сей должности поетъ пристойную пѣсню, и получаетъ за то отъ дружка нѣсколько копѣекъ. Въ сіе же время дружко по благословенію старосты прочитавъ *Отче нашъ*, и снявъ съ каравая ручники, беретъ одинъ себѣ, а другой поддружему, и перевязавшись черезъ плечо, разрѣзываетъ оный кулачь на части и разсылаетъ всѣмъ тутъ присутствующимъ. Всякій, взымающій участокъ кулича, даетъ за то копѣйку, или болѣе на разживу новобрачной: послѣ сего выходятъ на дворъ танцовать, въ чемъ упражняются до самаго вечера. Въ сумерки входятъ въ горницу, садятся за столъ тѣмъ же порядкомъ, гдѣ подается ужинъ. По окончаніи коего, невѣстины подружки простясь съ невѣстою и откланявшись, уходятъ въ свои домы, получа въ даръ по горсти орѣховъ и по нѣскольку бубликовъ или кренделей. Старшую дружку провожаютъ бояре при пѣніи, музыкѣ и пляскѣ до ее двора. По отходѣ коихъ, же-

женихъ съ невѣстою ужинаютъ за особымъ столикомъ во уединенномъ чуланѣ. Въ то время дружки и свахи собравъ невѣстино приданое на телѣгу или на сани, и посадя туда невѣсту съ свѣтилкою и съ свахою везутъ въ домъ къ жениху, которой съ боярами туда же ѣдетъ верхомъ, придержався правой стороны невѣстиной телѣги; примѣчать надобно, что женихъ вскорѣ по выѣздѣ изъ тестева двора, стегнувъ плѣткою нѣсколько разъ по спинѣ невѣсту, говоритъ ей! *покидай нравы отца и матери и привыкай къ моимъ.* При въѣздѣ въ жениховъ домъ по среди воротъ зажигается куль соломы, чрезъ которой переѣзжаютъ ѣдущіе съ невѣстою въ телѣгѣ, и всѣ слѣдующіе за ними; по томъ входятъ въ горницу, кланяются отцу и матери, садятся за столъ, и ужинаютъ тутъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ домѣ невѣсты. По окончаніи ужина дружко съ свахою и съ свойственниками ведутъ новобрачныхъ на подклѣтъ, и тамъ на нѣкоторое время оставляютъ ихъ однихъ. Невѣста при входѣ въ спальню разуваетъ жениха, которой, по скинутіи сапога, бьетъ ее голенищемъ по спинѣ, повелѣваетъ ей взять выпавшія оттуды прежде сказанныя деньги; по томъ ложатся спать на посланной по полу соломѣ, покрытой ковромъ или войлокомъ, который имъ вмѣсто одѣяла служитъ. По-

бывъ

бывъ тутъ нѣкоторое время, молодый призываетъ дружка и объявляетъ ему о цѣломудріи своей жены, который призываетъ всю бесѣду, и при видѣ знаковъ дѣвства, перемѣняютъ ей сорочку, и оставя ее съ мужемъ въ спальнѣ, идутъ въ покои отцевскіе, и тамъ изъявляютъ свою радость о благополучіи новобрачной, разными образами веселяся, одни поютъ, другіе пляшутъ и поютъ пристойные пѣсни. Потомъ идутъ къ невѣстину отцу со всѣмъ многолюдствомъ, и пришедъ туда, въ знакъ радости бьютъ окошки, печи, лавки, столы, стулья и все, что имъ ни попадетъ въ руки, такъ что иногда цѣлый домъ разламываютъ, не опасаяся за то не только отъ хозяина гнѣва, но еще и благодарности надѣются. И подлинно отецъ и мать невѣсты, слышавъ о благополучіи дочери своей, не сожалѣютъ о семъ убыткѣ; но еще и дарятъ принесшихъ сію радостную вѣсть утиральниками и платками, которые съ ними возвращаются опять къ женихову отцу, гдѣ препровождаютъ время до самаго разсвѣта въ разныхъ забавахъ.

На другой день въ Понедѣльникъ собираются гости въ домъ молодаго. По утру рано приходитъ старшій бояринъ къ молодой, и взявши у ней красный передникъ (*запаску*) привязываетъ его на высокій шестъ

и

и поставляетъ у воротъ, гдѣ виситъ онъ до самаго вечера, во изъявленіе цѣломудрія новобрачной: а по томъ дружки, сваха, бояре, сосѣди, свойственные и прочіе гости, взявъ въ предшествіи дружка хлѣбъ и склянку горѣлки, съ боярами и съ прочими веселыми, идутъ въ домъ къ старшей дружкѣ, и пришедъ туда ставятъ хлѣбъ и склянку горѣлки на столѣ. Старшая дружка выходитъ и потчиваетъ виномъ и поставляетъ имъ кушать. Поѣвши идутъ на дворъ, и при играніи на музыкѣ танцуютъ: а потомъ и ко всѣмъ дружкамъ ходятъ; такимъ же образомъ и къ боярамъ, и бываютъ у свахи и свѣтилки и у прочихъ; обойдя же по ряду всѣхъ, идутъ къ молодому и спрашиваютъ дозволенія у его отца, вести молодыхъ въ церковь. Отецъ позволяетъ, и надѣвъ на молодую кибалку, или намѣтку и чепецъ, то есть головной женской уборъ, и обложа его красною лѣнтою, отпущаетъ изъ дому, при чемъ даетъ дружко попу, дьячку, и понамарю по хлѣбу и по склянкѣ горѣлки, и приведя жениха съ многолюдствомъ къ церквѣ, гдѣ оставя ихъ на цвинтарѣ, или на монастырѣ поющихъ разныя пѣсни, дружко съ по[illegible] идутъ къ попу въ домъ, коему поставя хлѣбъ на столъ и склянку горѣлки, просятъ его, чтобъ ввелъ молодыхъ въ церковь. Попъ тре-

буетъ

беретъ отъ нихъ платы, и получа оную, идетъ къ церквѣ, гдѣ приступя къ дверямъ и прочтя молитву за порогомъ, беретъ новобрачныхъ и взводитъ въ церковь, въ коей читаетъ *покровенію главы* молитву, и покрываетъ молодую серпанкомъ, или фатою, окропя же ихъ водою, съ благословеніемъ отпущаетъ въ домъ.

По семъ всѣ свадебные гости идутъ къ отцу женихову въ домъ, гдѣ сажаютъ молодыхъ за столъ, куда приходитъ свекоръ, или жениховъ отецъ съ палкою, и тычетъ ею невѣстку въ глаза, спрашивая: не слѣпа ли она? и снявши съ нее серпанокъ, потчиваетъ ее виномъ. Въ сіе время дружко поставляетъ паточный медъ на тарѣлкѣ деревянной, коимъ намазавъ кусокъ калача, съѣдаетъ ево сперва самъ, а потомъ манитъ такимъ же кускомъ молодого и молодую, поднося къ ихъ рту и обманывая ихъ, паки самъ тотъ кусъ съѣдаетъ; а потомъ имъ отдаетъ намазанные ломти хлѣба, чѣмъ и протчихъ гостей потчиваютъ. По томъ по благословенію старосты выходятъ на дворъ для забавы пляскою: причемъ начинаетъ дружко танцовать, а потомъ старшій бояринъ, взявши тарѣлку и наполнивъ чарку вина, такъ же положа на тарѣлку нѣсколько денегъ, подноситъ молодой, которая принимаетъ деньги съ тарѣлки, выпиваетъ чарку вина,

а

а по томъ начинаетъ танцовать съ бояриномъ; такимъ же образомъ и со всѣми перетанцуетъ, и гуляютъ довольно, а потомъ входятъ въ избу, садятся за столъ, гдѣ отецъ и мать ихъ потчиваютъ. Въ сïе время дружко спросясь у старосты обыкновеннымъ образомъ, и прочтя *Отче нашъ*, разрѣзываетъ куличь и подноситъ отцу и матери, всѣмъ свойственнымъ и свадебнымъ гостямъ, кои дарятъ молодыхъ разнаго рода домашнимъ скотомъ и другими вещьми, для заведенïя имъ хозяйства. По томъ взявъ битую иногда же вареную, а иногда и сырую курицу, обклавъ вѣтьвистою калиною и красною нитяною бумагою, также пироги безъ начинки, называемые *стулни*, идетъ дружко съ молодымъ и со всею свадебною бесѣдою къ тестю и къ тещѣ, при пѣнïи и игранïи на скрыпкѣ; а пришедъ туда входятъ въ горницу и поставляютъ курицу съ хлѣбомъ на столѣ. Хозяева, или тесть и теща угощаютъ зятя и всѣхъ пришедшихъ. По томъ дружко раздробляетъ курицу и даетъ тестю пару пироговъ и курячью голову, тещѣ заднюю часть курицы и столько же пироговъ, а прочимъ гостямъ по ломтю пирога и по куску курицы. По семъ теща одѣвшись идетъ къ свату или зятнему отцу, со всею бесѣдою, гдѣ ужинаютъ и веселятся разными играми во всю ночь до

свѣта,

свѣта, а на завтрешній день, что есть во Вторникъ, собираются всѣ гости (изключая бояръ и подружекъ) ко обѣимъ свахамъ въ домы, и ходятъ компаніями изъ дому въ домъ и потчиваютъ другъ друга кушаньемъ и напитками, не оставляя и забавляются всякаго рода веселіями. Что и во послѣдующія дни чрезъ всю недѣлю, то есть до субботы продолжаютъ, чемъ и свадебные обряды оканчиваются.

СМѢТА

Во что обходится свадьба простолюдиму.

Съ Невѣстиной Стороны

На подарки.

	Р.	К.
Свекру, или женихову отцу - -	—	20
Свекровѣ, или матери жениховой, сапоги красныя козловыя, цѣна - - - - -	—	50
Золовкѣ, сестрѣ жениховой, сапоги, цѣна - - - -	—	50
Дѣверю, брату егожъ - -	—	1

Дру-

	Р.	К.
Другимъ свойственникамъ и свойственницамъ, смотря по числу ихъ серпанковъ и калачей примѣрно, около - - -	—	2
Боярамъ платковъ, по 10 копѣекъ платокъ, всего на - -	—	60
Подружкамъ дѣвицамъ орѣховъ и кренделей на - - -	—	20
Свахѣ, свѣтилкѣ и старостамъ разнаго званія дары, всего на -	—	80
Сѣна лошадямъ тестинымъ на -	—	30

Столовыхъ припасовъ.

Разнаго Хлѣба на - - -	3	—
Вина простаго 2 кадки, или 9 ведръ, цѣна - - - - -	6	—
Мяса разнаго и сала свинаго на	2	20
Соли четверть пуда - - -	—	10
Рыбы свѣжей и вяленой, также и масла коноплянаго на - -	—	90
Перцу на - - - - - -	—	10
Итого	17	41

Съ Жениховой стороны.

За вѣнчаніе попу, дьячкамъ и понамарю - - - - -	1	50
Тестю, или невѣстину отцу	—	20

Тещѣ,

	Р.	К.
Тещѣ, или невѣстиной матери, серпанокъ (т. е. фату) цѣна -		50
Шурину и свояченицѣ, то есть сестрѣ и брату невѣсты, по парѣ калачей - - -	—	4
Свойственникамъ и свойственницамъ, смотря по числу ихъ, серпанковъ и калачей примѣрно, около - -	—	2
Подружкамъ, дѣвицамъ, бывшимъ на свадьбѣ, орѣховъ и кренделей - - - -	—	20
Боярамъ наквѣтки покупаются свѣтилкою красные лѣнты -	—	5

Столовыхъ припасовъ.

	Р.	К.
Разнаго Хлѣба на - - -	3	—
Вина простаго 2 кадки, или 9 вѣдръ, цѣна - - - -	6	—
Мяса разнаго и сала свинаго -	2	20
Соли четверть пуда - - -	—	10
Рыбы свѣжей и вяленой, такъ же и масла конопляннаго на -	—	90
Перцу на - - - -	—	10
И того	16	79

А всего со обѣихъ сторонъ 33 Р. 20 К.

Брови

Брови свербятъ, у кого засвербятъ брови, тотъ смотрѣти будетъ на потныхъ лошадей, то есть пріѣхавшаго къ нему изъ далека гостя, и ему кланяться, или кланяться будетъ за сдѣланное ему какое нибудь благополучіе.

Бугъ рѣка, Славянами была обоготворяема, черпали изъ нее воду съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ.

Бударинъ фарпостъ, близко Яицкаго городка. Уральскіе козаки вѣрятъ, что при жизни ихъ родителей зарыта въ Аврагѣ насыпанная деньгами лодка, по ихъ Бударъ называемая, которой и по сіе еще время найти они не могутъ, хотя и великое къ тому стараніе прилагаютъ. А потому прозванъ Аврагъ, фарпостъ и рукавъ рѣчки Бударинъ Ерикъ.

Булавка, булавки давать никому не должно, чтобъ не раздружиться или не поссориться; а когда необходимо должно давать булавку, то надобно ею принимателя поколоть, тогда уже будетъ безссорно.

Булумеръ, Болгарскій городъ, развалины коего находятся въ пригородѣ *Билярскѣ*. Въ древнемъ ономъ городѣ Булумерѣ или Булярѣ, владѣлъ нѣкоторый храбрый государь, и обогатясь многою корыстію отъ побѣжденныхъ народовъ; а потомковъ своихъ почитая за недостойныхъ владѣть своими сокровищами, построилъ

въ

въ городѣ высокій столбъ; а подъ нимъ подземную палату, и скрылъ тамо все свое богатство съ волшебными заклинаніями, которое еще и теперь тамо находится. Нѣкоторые люди пытались подрыться къ заклятой храминѣ, но приближась увидѣли при самомъ входѣ ужасную черную сабаку, прикованную на цепяхъ, и стрегущую внутрь лежащія сокровища. Она бросилась на похитителей съ великою яростію, и ужасный голосъ ея принудилъ ихъ возвратиться въ свои домы; куда пришедши лишилися они чувствъ и разума.

Бурханъ, вѣрятъ Калмыки и другіе народы, что Бурханы, ихъ боги, прежде были отмѣнитые люди, которые въ свою жизнь много здѣлали отмѣннаго предъ прочими. Всѣ страсти попрали, три главные добродѣтели совершили, шесть родовъ душевныхъ научили, и по проповѣди Сангарди шесдесятъ одному народу одинъ законъ проповѣдали.

Бѣлбогъ, божество Славянъ Варяжскихъ, имѣлъ кровавый образъ, покрытый множествомъ мухъ, его почитали они добрымъ богомъ. Мухи означали его питателемъ тварей; жертвовали ему веселіемъ, играми и радостнымъ пированіемъ.

Бѣглючи, такъ называютъ Калмыки своихъ святыхъ или угодниковъ, кои опочиваютъ во обиталищѣ Далай-Ламы, который

рый по ихъ мнѣнію такую имѣетъ силу, что предстательствомъ своимъ можетъ изъ беззаконника произвесть во святые.

Бѣсовское городище, городокъ стоявшій на берегу рѣки Камы, бывшій Болгарскаго еще владѣнія, недалеко отъ построеннаго послѣ города Казани. Во ономъ городкѣ былъ храмъ нѣкотораго идола, который идолъ, какъ увѣряютъ, многіе чудеса производилъ и давалъ отвѣты, также исцѣлялъ и отъ болѣзней; ежели кто проходилъ мимо его капища, не принеся ему ничего въ жертву, то оныхъ умерщвлялъ, и лодьи идущія по рѣкамъ опрокидывалъ и потоплялъ; оный идолъ или бѣсъ передъ взятіемъ Казани изчезъ изъ капища своего въ видѣ дыма, прорекъ прежде о плѣненіи Казанцовъ.

Бѣсы. Камчадалы чертей больше почитаютъ, нежели своихъ боговъ, потому что больше ихъ боятся. *Смотр*: Вѣра.

Вѣцать, Черемисы называютъ симъ именемъ лѣшаго, присвояя ему повелительную силу надъ лѣшими, звѣрями и птицами, и что онъ можетъ дѣлать звѣриные промыслы удачными и нещастливыми.

Вдова, у Камчадаловъ вдовы за себя ни кто не возметъ, ежели съ нее грѣха снято не будетъ; а сіе состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею человѣка посторонняго. И оное всякій Камчадалъ за безчестіе себѣ

щи-

щиталъ, чтобъ снять такимъ образомъ со вдовы грѣхъ; но пріѣхавшіе на Камчатку козаки многихъ вдовъ разрѣшили.

Вилка и Крючокъ любовные. *Смотр:* Любовь.

Вода, въ Январѣ мѣсяцѣ пить изъ рѣкъ припадкою воду, почитается у Камчадаловъ за великой грѣхъ; но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ, или бараній рогъ вмѣсто ковша употребляемый.

Водяной дѣдушка, сіи особыя черти живутъ въ водѣ, а особливо въ мутной и подлѣ мѣльницъ: они купающихся безъ креста уносятъ въ воду, а особливо малыхъ ребятъ, и тамъ, какъ увѣряютъ глупые, имѣютъ великолѣпные и богато убранные палаты.

Волкъ, Камчадалы во время праздника грѣховъ очищенія, дѣлаютъ Волка изъ сладкой травы и медьвѣжьяго жиру, котораго при нѣкоторыхъ торжественныхъ обрядахъ съѣдаютъ. *Смотр:* Грѣховъ очищеніе.

А прочіе простаки и обманщики сушатъ сердце волчье, и истолокши его бросаютъ на дорогу въ то время, когда невѣста или женихъ ѣдутъ въ церковь, то будто отъ того лошади шарахнутся, и становяся надыбы далѣе не пойдутъ.

Волосъ, или *Велесъ*, Славенскій богъ скотовъ, его считали на второй степени

по Перунѣ, имѣлъ храмъ въ Кіевѣ, и по многимъ другимъ городамъ.

Волосы, остригая волосы суевѣры, берегутъ ихъ также, какъ и ногти въ особомъ мѣстѣ, и кладутъ съ собою во гробъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ въ каждомъ ихъ волоскѣ потребуютъ отчета.

А ежели кто завязывая волосы оставитъ ненарочно локонъ, или прядъ волосовъ незавязанныхъ, то вѣрятъ, что оное предвѣщаетъ ему дорогу.

Волоты, сіи страшилища были великаны и значили у Славянъ то же, что у Грековъ Гиганты, имъ приносили жертвы.

Волхвъ или *Волховецъ*, сынъ Князя Славена создавшаго городъ Славенскъ. Древніе наши писатели придавали ему знаніе чародѣйства и силу волхвованія. Новгородскій лѣтописецъ объявляетъ объ немъ, что онъ на берегу рѣки, именемъ Мутной, прозванной по немъ Волховымъ, построилъ городокъ и разбойничалъ по сей рѣкѣ, превращаяся въ крокодила и производя многія чудесныя дѣйствія силою своего волхвованія. Почему сочли его нѣкоторые тогдашніе язычники богомъ: но наконецъ, повѣствуетъ тотъ же лѣтописецъ, задавили его черти. Почитатели его, погребли онаго на берегу Волхова, отправили ему великолѣпную тризну, а надъ могилой его по тогдашнему обычаю насыпали бугоръ, ко-

 торой

торой потомъ провалился, и ямины тоя и по днесь сказываютъ видны еще остатки.

Волшебники, для волшебства употребляютъ они большею частію волшебный барабанъ, который у Россійскихъ лопарей не иное что, какъ продолговатый, съ одной стороны кожею обтянутый ящикъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ, представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, также звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ и сему подобнаго. Волшебникъ положа на оную кольцо и ударя колотушкою, которую составляетъ мохнатый оленій рогъ, можетъ узнавать по тому изображенію, на коемъ ляжетъ припрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ до прошедшаго и будущаго касающіеся вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ демоновъ, при чемъ тѣло ихъ обмираетъ въ то время, а душа тогда уходитъ на сборное мѣсто чертей, и тамъ съ ними совѣтуетъ, что отвѣтствовать, а иные предсказываютъ по трясенію луковой тетивы, качаніемъ ноги, и по небеснымъ знакамъ. Предсказываютъ и самыя бездѣлицы, благополучные и нещастные дни, знаютъ напередъ, когда будетъ дождь, но и сами могутъ располагать погодою и вѣтромъ, въ состояніи удерживать и насылать гадину, дѣлаютъ женъ и стада плодоро-

дородными; предсказывают также по щелямъ, какіе окажутся на брошенныхъ въ огонь овечьихъ лопаткахъ, или хвостовыхъ составахъ, они узнают воровъ, отгадывают вѣроломство въ любви, успѣхъ въ путешествіяхъ и прочая. *См. Шаманы и ворожеи.*

Воробей водяной. Сія птичка водится въ Сибири и другихъ близкихъ оному мѣстахъ, она ныряетъ въ нарочито глубокія рѣки, для собиранія на днѣ мѣлкихъ водяныхъ червяковъ, и выходитъ оттуда сухая. Многіе увѣряютъ, что ежели жиромъ сей птички, котораго весьма немного набрать можно, или кровью оныя намазать хотя одинъ разъ человѣческіе члены, то уже они вѣчно отъ мороза предохранены будутъ. Суевѣры воробьевъ вообще почитаютъ проклятою птицею, вѣря сами и другихъ увѣряя, что они въ то время, когда Христа распинали, приносили паки ко кресту тѣ гвозди, которые ласточки кравши у Римлямъ уносили, и за то въ наказаніе воробьи имѣютъ на ногахъ оковы, которыхъ люди видѣть не могутъ, для того никогда ногами не переступаютъ, а все прыгаютъ, ибо въ разсужденіи тѣхъ оковъ переступать не могутъ.

Воровство. У всѣхъ дикихъ народовъ, кромѣ Камчадалъ, воровство похвально, и поступается въ томъ жестоко, но не за

кра-

кражу, а за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажетъ искуства. Якутъ хотя вѣдаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то, не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ нещастія тѣмъ утѣшается, что онъ ѣлалъ жирную кобылятину.

Ворожба, *Цыганы* въ семъ ремеслѣ великое берутъ преимущество, и нашъ простой народъ весьма вѣритъ, что Цыганы въ предсказаніи будущаго великіе знатоки, не смотря на то, что они ихъ обманываютъ, окрадываютъ, и что слова ихъ никогда не сбываются. Есть еще по городамъ сегожъ ремесла кофейницы, которыя глядя въ чайную чашку, выливши изъ оной густой кофе, предсказываютъ то, чего сами не знаютъ, а прибыль дѣлятъ со слугами, которые ихъ предъ тѣмъ увѣдомляютъ о домашнихъ обстоятельствахъ. Ворожатъ о пропажѣ домашней решетомъ и псалтырью, вѣшая ихъ на веревочку, и когда при упоминовеніи имени чьего, псалтырь или решето повернется, то признаютъ того за дѣйствительнаго вора, и дѣлаютъ ему истязанія.

Ворожеи, *колдуны*, *чернокнижники*, *чародѣи*, *волхвы и кудесники*. Ворожеями называютъ тѣхъ, кои посредствомъ нѣкоторыхъ травъ, кореньевъ и наговоровъ на вино,

вино, масло и воду, вылѣчиваютъ разныя болѣзни или оныя насылаютъ. Заподлинно утверждаютъ, что они знаются съ дьяволами. Съ ними заключаютъ контрактъ, и во всемъ отъ нихъ помощи, что касается до добра и худа, получаютъ; когда же умираютъ, то волшебную свою книжку отказываютъ кому нибудь изъ родни или изъ друзей своихъ; а естьли не откажутъ, то по смерти своей ходятъ въ полночь въ савонѣ въ свой домъ и требуютъ той книжки; отъ котораго посѣщенія, наводящаго ужасъ всѣмъ домашнимъ, инако избавиться не можно, какъ выкопавъ такого мертвеца, положить паки во гробъ ничкомъ, подрѣзать ему пяты и вколотить между плечами осиновой колъ, прочитавъ заклинательныя молитвы, зарыть паки землею. Также когда сіи колдуны обучаютъ своихъ учениковъ такому чародѣйству, берутъ съ собою образъ, кладутъ его на землю ницъ ликомъ, велятъ на оной стать ученику и отъ него отрицатися. Кто найдетъ такую черную книгу и станетъ читать, то немедлѣнно предстанутъ множество дїаволовъ, и станутъ просить работы. Буде работы дать имъ онъ не приищетъ, то его убиваютъ. Обыкновенно оные ворожеи портятъ на свадьбѣ, либо гостей, либо жениха, или невѣсту. Дѣлаютъ между мужемъ и женою несогласіе, жениха въ то

вре-

время не дѣйствующимъ, а у невѣсты скрываютъ тайное естество, которое иногда находятъ подъ горшкомъ, лукошкомъ, решетомъ и проч. Присаживаютъ килы, бросаютъ порошокъ на дорогу, и будто лошади жениховы и невѣстины становятся надыбы, и нейдутъ съ мѣста. Испорченныя ими женщины кличутъ разными голосами животныхъ, а особливо сабакою и кошкою, и выкликиваютъ имяна ихъ испортившихъ, при чемъ плачутъ и себя бьютъ и терзаютъ. Для отвращенія такихъ опасностей, кои по большой части случаются въ деревняхъ, призываютъ другихъ ворожей, и платятъ за то деньги, и сіи отговорщики порчей слывутъ у нихъ Доками.

У Киргизцовъ чародѣевъ щитается шесть чиновъ, первые называются фалча, которые предсказываютъ изъ книгъ и по звѣздамъ, и сіе искуство почитается за науку: потомъ слѣдуютъ предсказатели, Яурунчи называемые, которые по бараньей лопаткѣ предсказываютъ о будущихъ дѣлахъ, и на всякой вопросъ отвѣтъ дать умѣютъ. Сказываютъ, что такую лопатку должно оскоблить ножемъ, а не прикасаться къ ней зубами: ибо въ противномъ тому случаѣ она негодится къ чародѣйству. Естьли прорицателю предложатъ вопросъ, или онъ самъ что задумаетъ, то кладетъ оную лопатку на огонь и ждетъ, пока на пло-

плоской сторонѣ появятся сѣдины и трещины, по коимъ онъ и предвѣщаетъ. Сїи люди, по ихъ объявленїю, такъ искусны, что могутъ угадывать, какъ далеко находится отправившїйся въ путь человѣкъ.

Третїй родъ чародѣевъ называется Бакша, и Киргизцы симъ больше всѣхъ другихъ вѣрятъ. Естьли просятъ у нихъ совѣта, то они велятъ сперва привести хорошую лошадь, барана или козла, для употребленїя въ жертву: потомъ Бакша начинаетъ пѣть чародѣйныя стихи, бить въ обвѣшенной кольцами чародѣйной барабанъ, Кобицъ называемой, и напослѣдокъ скакать и ломаться. Все сїе дѣлавъ съ полчаса, убиваетъ приведенной скотъ на жертву, и кровь изпущаетъ въ особливой сосудъ, кожу беретъ себѣ, а мясо ѣдятъ при томъ находящїеся, и собравъ кости пестритъ красною и синею краскою, и бросаетъ отъ себя къ западу, куда выливает и испущенную кровь изъ скота. Напослѣдокъ еще нѣсколько времяни чародѣйствует заклинанїями, и отвѣтствуетъ на вопрос

Еще есть чародѣи, Рамча называемые, которые льютъ коровье масло, или сало въ огонь, и по цвѣту пламени предсказываютъ: при чемъ также приносятъ жертву и употребляютъ заклинанїя; но сихъ чародѣевъ мало почитаютъ. Сверьхъ того есть еще колдуны, а по большой части колдуньи,

Джа

Джа Алугаръ называемыя, которыя околдовываютъ невольниковъ и другихъ плѣнниковъ, такъ что они на своемъ побѣгѣ заблуждаются, и опять попадаются въ руки своему господину, или хотя они и уйдутъ, однако опять скоро попадутъ Киргизцамъ въ неволю. На такой конецъ вырываютъ они у плѣнника нѣсколько волосъ изъ головы, спрашиваютъ его имя, и ставятъ посреди кибитки на разчищенномъ и солью посыпанномъ мѣстѣ, на которомъ они обыкновенно раскладываютъ огонь; потомъ колдунья чинитъ заговоры, и въ то время приказываетъ плѣннику трижды отступать назадъ, на свои ступени плевать, и кажлой разъ выскакивать изъ кибитки. Напослѣдокъ сыплетъ плѣннику на языкъ нѣсколько золы, на которой онъ стоялъ, и тѣмъ колдовство кончится. Яицкіе козаки вѣрятъ, что естьли плѣнникъ объявитъ настоящее свое имя, то сіе колдовство бываетъ дѣйствительно.

Воронъ, когда прилетитъ воронъ, и сядетъ на кровлѣ покоевъ, и будетъ кричать, то знаменуетъ, что непремѣнно въ томъ домѣ умереть кому нибудь скоро должно.

Воръ, когда что нибудь въ домѣ покрадено будетъ, а воръ неизвѣстенъ, то для отысканія вора употребляютъ слѣдующіе средства: берутъ псалтырь учебную,

у-

ущемляютъ между листами оной ключь, и держатъ поднявши обѣими указательными перстами, а другой читаетъ изъ оной псалтыри псаломъ. *Богъ боговъ, Господь глагола, и призва землю отъ востокъ сонца до западъ.* И увѣряютъ, что естьли прямо на вора загадано будетъ, то висячая псалтырь будтобы сама начнетъ вертеться; къ томужъ употребляютъ и решето, вѣшая его также. Еще берутъ ружье и зарядивъ его пулею или дробью, и взведя курокъ кладутъ на столъ, и велятъ всѣмъ своимъ людямъ цѣловать его въ дуло, вѣря точно, что когда станетъ цѣловать воръ, то курокъ самъ спустится, и ружье выстрѣливъ убьетъ его, яко виновнаго.

Воскъ, изъ дому своего воску выносить не должно, увѣряютъ, что пчеловодство отъ того бываетъ не прибыльно. А какъ утверждаютъ, что многіе разбойники заговариваютъ ружья, такъ что пуля его никогда разбойника вредить не можетъ: то когда оныя пули будетъ облѣпливать воскомъ и ими стрѣлять, то никакой разбойникъ или чародѣй заговорить оной не можетъ, и будетъ конечно убитъ.

Восла, или *Осла*, Сибиряки почитаютъ оную за нѣкоторый злой духъ, который у нихъ по улусамъ для мученія или умерщвленія людей ходитъ. Сіе разумѣютъ они

въ

вЪ такой силѣ, будто сей злой духЪ мертвыми тѣлами питается, и изЪ того заключаютЪ, что онаго можно умилостивить принесенiемЪ вЪ жертву какой нибудь скотины, дабы онЪ у больнаго животЪ оставилЪ. Остяки, Тунгузы и Якуты уповаютЪ обмануть демона воспы зажиганiемЪ у себя накладеннаго на щоки и на носЪ трута, чтобЪ здѣлались отЪ того на лицѣ ямы, какЪ рябины; а духЪ бы воспы думалЪ, что на томЪ человѣкѣ уже до того была воспа: ибо они уже знаютЪ, что буде кто однажды былЪ вЪ сей болѣзни, на того вЪ другой разЪ рѣдко приходитЪ. Они удаляются вЪ самые густые лѣса, чтобЪ ихЪ немогЪ найти демонЪ воспы: и вЪ то время, когда воспа ходитЪ, обыкновенные ихЪ жилища бываютЪ пусты. Никто изЪ нихЪ тогда на большую дорогу не выѣзжаетЪ. СверхЪ сего укрѣпляютЪ они такiежЪ свои убѣжища вЪ лѣтнѣе время засѣкою, а зимою для лучшаго отвращенiя отЪ себя воспы снѣжными валами. Воспу или демона воспы надѣются напряженными самострѣльными луками устрашить, или и вредЪ ему учинить, равномѣрно какЪ они натянутые луки на лосей и на другихЪ большихЪ звѣрей выставливаютЪ, сЪ которыхЪ, когда звѣрь привязанную кЪ нимЪ нить тронетЪ, стрѣлы спрыгиваютЪ, и звѣря вЪ бокЪ уязвляютЪ. То

такіежъ самострѣльные луки ставятъ они и при входахъ у своихъ укрѣпленій на воспу.

Враги, Камчадальскіе враги живутъ въ воздухѣ, и бываютъ возрастомъ съ трехъ лѣтняго младенца. Камчадалы вѣрятъ, что они къ бабамъ ихъ въ ротъ входятъ, и вселяются въ нихъ числомъ до пятидесяти, и больше; онижъ напускаютъ на Камчадаловъ болѣзни, за то, что рубятъ кусты березника и ракитника, въ которыхъ ихъ враги тогда обитаютъ.

Встрѣча, когда покойникъ, попъ или монахъ, монахиня, женщина, дѣвица, свинья, или лысая лошадь на встрѣчу попадутся первые, то въ тотъ день успѣха въ дѣлахъ ожидать не должно; а когда кто встрѣтится съ полнымъ, то есть полныя ведры воды, или другое что, то значитъ успѣхъ въ намѣреніи.

Вѣдьмы, увѣряютъ простаки и обманщики, будто есть такія люди, а особливо старухи, кои посредствомъ нѣкоторыхъ мазей и кувырканія чрезъ двенадцать ножей, оборачиваются во всякихъ звѣрей и птицъ, а особливо въ волковъ, свиней, сорокъ, и копны сѣна; также и другихъ людей оборачиваютъ, и дѣлаютъ худое и доброе, по ихъ произволу, своимъ ближнимъ; и сіи обороченныя люди называются *оборотни*. Бываютъ же наиболѣе, какъ врутъ

сue-

суевѣры, упомянутые оборотни въ малой-Россіи и въ Кіевѣ. Въ Москвѣ сорокъ по той причинѣ нѣтъ, что святый Алексій, Митрополитъ Московскій, примѣтивъ одну вѣдьму подъ образомъ сороки, заклялъ оныхъ, чтобъ въ Москву никогда не влетали. Также когда нѣкоторыхъ убитыхъ медьвѣдицъ обдирали, то вмѣсто медьвѣжьяго мяса подъ кожею находили иногда бабу въ сарафанѣ.

Вѣра, богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего *Кутху*, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были; о сотвореніи которой, объявляютъ двояко: иные говорятъ, что Кутху сотворилъ землю изъ своего сына, называемаго Сымскалинъ, котораго родила жена его Илькхумъ гуляя съ нимъ по морю, а другіе что Кутху съ сестрою Кутлыжичь землю снесли съ неба, и утвердили на морѣ, а море сотворилъ Утлеигынъ, которой и по нынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ обще согласны, что Кутху до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливымъ богамъ приписываютъ, сверьхъ того признаваютъ и адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ

ныхъ братьевъ, также какъ древнїе Греки и Римляне.

Кутху по сотворенїи земли оставилъ небо и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родивъ другаго сына именемъ Тыжилъ-Кутху, да дочь Сидуку, которые пришедши въ совершенной возрастъ, сочетались бракомъ. Между тѣмъ, какъ самъ Кутху, такъ жена его и дѣти носили платье изъ листья шитое, и питались березовою и таловою коркою; ибо звѣри, по ихъ объявленїю, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Кутху оставя сына своего и дочь, съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался не вѣдаютъ, токмо то объявляютъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и долы сдѣлались отъ его путешествїя, ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ; и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

Утыжилъ-Кутхи, послѣ отца родился сынъ Амлея, да дочь Сидукамшичь, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословїя они не знаютъ: то утверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праотцевъ.

Тыжилъ-Кутху при умноженїи своего рода началъ размышлять о лучшемъ содержанїи, вымыслилъ вязать изъ крапивы сѣти и ловить рыбу; а какъ лодки дѣлать, оное

ему

ему еще отъ отца показано. Сотворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣляя пастухомъ надъ оными нѣкоего Пилячучя; подъ котораго вѣденіемъ состоятъ они и до нынѣ, началъ шить изъ кожъ ихъ кухлянки и парки.

О Пилячучѣ сказываютъ, что онъ ростомъ весьма малъ, носитъ платье разсамачье, которое у Камчадаловъ весьма высоко почитается; ѣздитъ на птицахъ, особливо же на куропаткахъ, и будто нѣкоторымъ по нынѣ случается видать и слѣды его.

Въ прочемъ никого глупяе не представляютъ, какъ своего Кутху, чего ради и не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ, и ни чемъ такъ, какъ именіемъ его не забавляются; расказывая про него такія непристойности, о которыхъ и писать гнусно. Между прочимъ, и то въ порокъ ему ставятъ, что онъ столько горъ и стремнинъ сдѣлалъ, и столько мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что столько дождей и бурь производитъ и безпокоитъ ихъ. И для того всходя зимою на высокія горы или спускаясь, ругаютъ его всякою бранью; тожъ дѣлаютъ и при другихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Бога вообще называютъ они Дустехтичь, которое имя нѣкоторымъ образомъ и почитаютъ, такъ какъ Аѳиняне невѣдомаго бога. Ставятъ столбъ на пространныхъ

ныхъ равныхъ и тундристыхъ поляхъ, обвязываютъ его тоншичемъ, и не проходятъ мимо не брося куска рыбы или чего другаго. Не собираютъ ягодъ, которыя растутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря, ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбей, что и безъ того надлежало бросать; въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азiатскiе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами.

Сверьхъ того всѣ мѣста, по ихъ мнѣнiю опасныя, какъ напримѣръ: огнедышущiя и другiя высокiя и крутыя горы, кипячiя воды, лѣса и прочее, населены отъ нихъ нѣкоторыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ[?] называютъ они Камули, или малыя души, ибо душа по Камчатски Камулечь. Сiи боги или по тамошнему враги живутъ на высокихъ, особливо же дымящихся и огнедышущихъ горахъ: чего ради Камчадалы не токмо всходить на нихъ, но и близко приступиться не смѣютъ. Питаются они, по мнѣнiю ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время приносятъ на каждомъ паль-

 цѣ

цѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ; вмѣсто дровъ употребляя китовое сало и кости. Такія мѣста проходя Камчадалы бросаютъ что нибудь съѣстное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они Ушахчу, и сказываютъ, якобы они походятъ на человѣка. Жены ихъ носятъ младенцовъ къ спинѣ приросшихъ, которые непрестанно плачутъ. Они по Камчатскому суевѣрію людей съ пути сводятъ и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они Митгъ, и приписываютъ ему рыбей видъ; онъ по ихъ мнѣнію владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на баты себѣ: ибо они отнюдь не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пилячучѣ или Билюкаѣ, о которомъ выше объявлено, баснословятъ они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими Камулами, и будто громъ, молнію и дождь низпускаетъ, а радугу почитаютъ за подзоръ на его платье. Сей Билюкай, по ихъ суевѣрію, опускается иногда съ облаками на горы, ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной

слѣдъ

слѣдъ Билюкаевъ ни что иное есть, какъ струйки на поверхности снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напротивъ того имѣютъ отъ него и опасенїе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣтей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, и употребляетъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчь поставляются. Жена у него Тиранусъ.

Они признаваютъ и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ Канною. Около нижняго Камчатскаго острога показываютъ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее стрѣляютъ, отъ чего она вся стрѣлами изнатыкана.

Гаечь, по ихъ есть начальникъ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣтей Кутховыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его Савинѣ творенїе вечерней зари и утренней.

Туила трясенїю земли причиною ставятъ, будто оно происходитъ отъ того, когда Туилова сабака козей, на которой онъ ѣздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

О Богѣ разсуждаютъ они, что онъ ни щастiю, ни нещастiю ихъ не бываетъ причиною, но все зависитъ отъ человѣка; свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ, души безсмертными, которыя съ тѣломъ соединившись возстанутъ и вѣчно жить будутъ, въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ, токмо съ тою выгодою, что будетъ тамъ во всемъ вящшее изобилiе, и никогда не имѣютъ терпѣть голоду.

Всѣ твари, до малѣйшей мухи, послѣ смерти возстанутъ, и подъ землею жить будутъ. Свѣтъ поставляютъ плосковиднымъ, подъ землею полагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу землю почитаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у насъ бываетъ лѣто, тогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣто, то у насъ зимнее время.

О воздаянiи будущемъ сiе токмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ тамъ богатыми, а богатые убогими, а чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнiю не надобно; ибо говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и отмщенiе.

Въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяются, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечь именемъ, которой родился отъ Кутхи, и прежде всѣхъ на Кам-

чаткѣ

чашкѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли и къ нему преселились, и будто онъ желая научить свое потомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрту, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, разсказывалъ. Но понеже многїе отъ того страху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали потомъ юрты свои оставлять, въ которыхъ человѣкъ умретъ, и новыя строить, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобїю Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечь, по ихъ объявленїю, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ Камчадаловъ умершихъ, и кто прибудетъ въ новой и богатой сабачьей кукляикѣ и на хорошихъ сабакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ сабакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ сабакахъ, тому дарустъ хорошее платье, хорошихъ сабакъ и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенїю. Тогда умершїе начинаютъ строить себѣ юрты и балаганы, упражняются въ звѣриной, птичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселится по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различїемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь безпокойства не чувствуютъ; для того, что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобилїе,

 каково

каково было на Камчаткѣ во времена Кутховы; ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времяни до времяни становится хуже и все противъ прежняго умаляется, потому что животныя купно съ промышлениками своими поспѣшаютъ переселяться на тотъ свѣтъ.

Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлетворить желанію и страстямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отъ чего опасаются, или истинной, или мнимой погибели, по своему суевѣрію; такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убійства, ни самоубивства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ, однимъ словомъ ни чего того, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ утопающаго избавить отъ погибели, для того что, по ихъ суевѣрію, тѣмъ, кои избавятъ, самимъ утонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, которымъ случается выбиться, принимать въ жилье страшное беззаконіе, по тѣхъ поръ, пока они съѣдятъ всѣ свои припасы дорожные, а потомъ надлежитъ имъ раздѣться до нага, и бросся свое платье, какъ скверное, войти въ свою юрту. Пить горячія воды, мыться въ нихъ, и всходить на огнедышущія горы за несумнѣнную почитаютъ погибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопію-

щій

щій на небо, и прочія такія безчисленныя забабоны, о которыхъ и писать гнусно. Грѣхъ у нихъ и надъ кислою рыбою драться, или ссориться, грѣхъ съ женою совокупляться, когда съ сабакъ сдираютъ кожи: грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви, грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ, грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ; и другія подобныя сему мѣлочи, отъ которыхъ опасаются какого нибудь противнаго приключенія, какъ отъ драки и ссоры надъ кислою рыбою совершенной погибели, отъ совокупленія съ женою во время сниманія сабачьихъ кожъ коросты, отъ соскабливанія снѣгу съ обуви бури, отъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ, нещастія въ ловлѣ и чирьевъ, отъ точенія ножей и топоровъ, въ дорогѣ погодъ и бури, что однакожъ не столь удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей, но то болѣе удивительнѣе, что они такое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянутыхъ боговъ своихъ почитаютъ они и разныхъ животныхъ и другую тварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки соболей и лисьи. Китовъ и касатокъ уговариваютъ они словами, когда увидятъ на промыслѣ, ибо они опрокидываютъ лодки

ихъ

ихъ: также медьвѣдя и волка, и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имяни, только говорятъ, Сипангъ, бѣда.

У Калмыковъ духовенство на разныя раздѣляется статьи. Главу у нихъ представляетъ *Лама* или первосвященникъ; подъ нимъ черные священники, называемые *Гемонь*; за Гемонями слѣдуетъ *Гегиль* или дьяконъ; за Гегилемъ *Мачжи* или дьячекъ; а послѣднее мѣсто занимаетъ *Гебку* или понамарь.

Лама или глава ихъ духовенства, знатную представляетъ особу во всей Калмыцкой ордѣ Санъ его происходитъ отъ такъ называемаго Далай Ламы, главнаго первосвященника во всемъ Зюнгорскомъ владѣніи, который жительствуетъ въ Тибетѣ. Власть его почти неограниченна: ибо по крайней мѣрѣ безъ его совѣта и согласія и самъ Ханъ ничего предпріять не можетъ. Онъ имѣетъ великіе доходы со всѣхъ улусовъ, не выключая и самихъ владѣльцовъ. Другіе священники ставятся отъ Ламы, которые также въ народѣ сильны и почтительны, и можно сказать, не худо простаковъ обираютъ. Лама имѣетъ особливыя священническія одѣжды и высокую каменьми убранную шапку, называемую *Гунзыть*, которую присылаетъ ему Далай Лама. Священническое или Гемоново одѣяніе состоитъ въ одномъ обширномъ одѣялѣ,

ялѣ, которое укладено другаго цвѣта матерiею на подобiе клетокъ, такъ что каждая клетка имѣетъ внутренний кошелекъ на подобiе часоваго кармана; на головѣ у нихъ бываетъ шляпа бѣлая съ большею по срединѣ цвѣтною кистью. Другiе чины священства никакого особеннаго одѣянiя не имѣютъ, но разнятся отъ другихъ Калмыковъ въ томъ, что головы имѣютъ бритыя на голо: напротивъ того другiе Калмыки оставляютъ на темѣ волосы, и заплетаютъ ихъ въ косу. У Калмыковъ можно узнать и малыхъ ребятъ, которые въ священнической назначены санъ: ибо они также обриты, какъ и настоящiе священники. Священники у нихъ бываютъ безженны, и болѣе должны поститься предъ прочими Калмыками. Все ихъ воздержанiе состоитъ только въ неяденiи извѣстныхъ животныхъ, какъ то, верблюдовъ и лошадей, но только довольствуются баранами и говядиною. Всякое хмѣльное питье по ихъ закону священникамъ запрещается; хотя не рѣдко и у нихъ можно примѣтить пьяныхъ поповъ.

Особливой родъ священниковъ составляютъ такъ называемые *Сузюкти*, которыхъ съ монахами сверстать можно: ибо они кромѣ молока и пшена ничего не ѣдятъ, и имѣютъ особливую набожности машинку, называемую *Курдю*. Машинка сiя состоитъ

изъ

изъ продолговатаго цилиндра, обтянутаго кожею или сукномъ. Сквозь цилиндръ вдоль пропускаютъ шпиль, насаженной на палочку, длиною четверти въ три; къ одному боку цилиндра на ремешкѣ прикрѣпляется свинцовая гирька, называемая *Агиръ*. Цилиндръ наполненъ списанїями ихъ всего закона. И такъ когда они молиться начинаютъ, берутъ сей Курдю, и съ благоговѣнїемъ приложивъ его ко лбу, ставятъ предъ собою, и дѣлая небольшое движенїе палочкою, приводятъ цилиндръ въ движенїе, который до тѣхъ поръ вертѣтся долженъ, пока онъ читаетъ молитвы. Они думаютъ, что такой цилиндръ весьма ихъ Бурхану угоденъ, и что онъ во время вертенїя читаетъ написанныя въ немъ молитвы. Такую Курдю получаютъ они отъ Ламы за немалую плату. Сїи же священники отъ другихъ разнятся и въ томъ, что носятъ черезъ плечо длинную бѣлую повязку, подобную той, какую употребляютъ нѣкоторые Католицкїе Каноники.

Прочїе церковно-служители подчинены священникамъ, и въ совершенномъ у нихъ находятся послушанїи. Должность ихъ помогать священникамъ при служенїи, и обучаться ихъ закону, дабы со временемъ достойными показаться священническаго сана.

Калмыки много такихъ мировъ утверждаютъ, какъ сей видимый, и описываютъ

ниж-

нижнюю пропасть, воображая, что она ни кѣмъ не создана, но отъ вѣка сама собою произошла. Мысли ихъ столь глубоко въ сію бездну проницаютъ, что они поставили ей и измѣреніе, и полагаютъ шесть миліоновъ сто шестнадцать тысячь *Берей* (*) въ ширину и глубину. Изъ сей бездны нѣкогда по ихъ мнѣнію, поднялися златыя облака, которыя совокупясь во едино произвели сильной дождь, отъ котораго начало свое получило море или Океанъ. Отъ онаго Океана произошло всякое дыханіе и прозябаемое; да и всякіе ихъ Бурханы (боги). Но какъ отъ паденія водъ сдѣлалася пѣна, которой они и предѣловъ положить не могутъ, то изъ нее явилася вышшая твердь. Около сей же пѣны полагаютъ они семь небесъ и восемь Океяновъ, которые также самобытны. Воздвигнутые нѣкогда изъ бездны вѣтры поколебали вышшую твердь; отъ чего произошелъ четвероугольный столбъ, называемый *Сумеръ Аула*, которому основаніе полагаютъ ниже морскаго дна, а верьхъ надъ водою. Каждый столба бокъ составляетъ нѣсколько тысячь бере. Первой бокъ столба представляютъ себѣ серебренымъ, другой лазоревымъ подобнымъ яхонту, третій золотымъ, а четвертой темновишневымъ. Отъ сего столба производятъ всѣ перемѣны дня, та-

кимъ

(*) *Бере* составляетъ около осми верстъ.

кимъ образомъ: когда появляется заря, то солнечные лучи ударяютъ въ серебреной бокъ, и отъ того начинается разсвѣтъ; предъ полуднемъ солнечные лучи преломляются въ яхонтовомъ бокѣ; въ самой полдень солнце стоитъ передъ золотымъ бокомъ; а къ ночи темновишневый бокъ отторгаетъ лучи солнца. Солнце, воображаютъ они себѣ, сдѣланное изъ стекла и огня, что доказываютъ примѣромъ зажигательнаго стекла, о которомъ они столь же мало имѣютъ понятія, какъ и о солнцѣ. Въ округѣ солнца щитаютъ до осми сотъ берей. Луну представляютъ себѣ, что она состоитъ изъ воды и стекла. Кругъ ей опредѣляютъ гораздо меньше солнца. Звѣздъ щитаютъ десять тысячь милїоновъ и нѣсколько сотъ тысячь.

Посреди тверди и около столба, по ихъ мнѣнїю, находятся четыре большїе мира, и между оными еще восемь малыхъ.

По правую сторону ставятъ нашу землю, и называютъ Замбутипъ.

Другїй миръ называется Улюмжи, Юси, Тутупъ; третїй Укиръ Тутупъ, а четвертый Муудоу Тутупъ.

Нашъ миръ названъ Замбутипъ для того, что на немъ много родится дерева Язумбу, Барирха называемаго.

Вто-

Вторый миръ прозванъ по тому, что по ихъ мнѣнію обитаютъ въ немъ великаны или великорослыя люди.

Третїй миръ получилъ свое наименованїе отъ того, что въ немъ никакой другой скотины, кромѣ коровъ не видится: ибо по Мунгальски Укиръ значитъ корову.

Четвертый миръ Муудоу Тутупъ прозывается, что въ немъ обитаютъ особливаго свойства люди, которыя живутъ по тысячѣ лѣтъ, и изъ нихъ за семь дней до кончины всякому слышится голосъ, называющїй человѣка по имяни, и предвѣщающїй ему кончину: по чему тѣ люди, созывая своихъ сродниковъ и ближайшихъ, прощаются и учреждаютъ свои дѣла заблаговремянно. Но какъ они воображаютъ себѣ сихъ людей столь долговѣчныхъ, и при томъ безъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ, то мечтѣ своей помогаютъ, будто бы сїи люди бездушны: изъ чего слѣдуетъ, что всѣ болѣзни по ихъ воображенїю отъ души происходить должны.

За всѣми мирами и превышшими облаками поставляютъ жилище Тенгровъ; а за оными огромное желѣзное кольцо, по видимому для укрѣпленія тверди.

Хотя всѣ сїи миры сосѣдственны, однако никто изъ смертныхъ изъ одного въ другой переходить не можетъ: но сїя вся выгода сохранена только для однихъ Бурхановъ.

Тен-

Тенгрïми называютъ они нѣкоторой родъ безплотныхъ силъ или духовъ, которыхъ ни ангелами, ни людьми назвать не можно, и должно имъ опредѣлить среднее существо между людьми и ангелами. Тенгровъ раздѣляютъ они на двенадцать статей, изъ которыхъ первую составляютъ четыре Махара. Жилище ихъ находится близъ нашего мира. Ростъ ихъ долженъ быть сто двадцать пять саженъ. Надъ Махарами обитаетъ вторая статья, составленная изъ тридцати трехъ тенгровъ. Сïи ростомъ бываютъ во сто пятдесятъ саженъ.

Четвертый родъ Тенгровъ надъ оными, называется Байскуланту Тенгри, которые ростомъ прежнихъ превозходятъ.

Пятая статья заключаетъ въ себѣ Тенгровъ вышиною близъ четырехъ верстъ, которыхъ называютъ Хубилгаскани.

Шестую, седьмую и осмую статью составляютъ Тенгры такого же роста, и называются первые Тюрсюте Тенгры, другïе Юсюринъ, Зюринъ, Тенгры. Послѣднïя три статьи содержатъ въ себѣ самыхъ великорослыхъ Тенгровъ, которыхъ ростъ до ста шестнадцати тысячь бере простирается. Оные суть Делгерегичй Баенъ, (*), Еуле Уге Тенгры, Юцюсъ А исты Тенгры, Хубилгискани Елгенъ Те ы.

По

(*) Добродѣтельные Тенгры.

По разности ихъ роста приписываютъ имъ и разную долговѣчность. Напримѣръ: о первыхъ воображаютъ Тенгровъ, что они живутъ человѣческія пятдесятъ лѣтъ, а Терсюши Тенграмъ одинъ день, который составитъ пять сотъ нашихъ лѣтъ. Другимъ Тенграмъ неисчетныя лѣта приписываются, то есть Хубилгаскани Едледекъ Тенгры должны жить 200,206,000 лѣтъ. Но какъ и самобольшее время миноваться можетъ, и съ онымъ Тенгры изчезнутъ; то приписали имъ совсѣмъ особливой родъ размноженія, представляя себѣ, что нижніе Тенгры распложаются отъ обниманія и цѣлованія; вышніе Тенгры отъ единаго любовнаго взору зачинаютъ во чревѣ; а иные отъ усмѣшки зачинаютъ дѣтей. Изъ сего заключать должно, что и Тенгры ихъ бываютъ обоего пола.

Въ нашемъ мирѣ описываютъ они четыре главныя рѣки, вышедшія изъ нѣкоторыхъ мѣсовъ. Первую изъ нихъ называютъ *Ганга*, другую *Шидра*, третію *Байчю*, а четвертую *Антара*. Между сими рѣками опредѣляютъ пастьву нѣкоему ужасному слону, называемому *Газаръ Сакичиктъ Ковенъ*, то есть землехранительный слонъ. Знаки его слѣдующіе: вышина и длина его повыше нѣсколько одной *бере*. Наружность тѣла вся бѣлая какъ снѣгъ, выключая головъ, которыхъ онъ имѣетъ тридцать

 три

три красныя: всякая голова у него снабдена шестью хоботами; на каждомъ хоботѣ по семи колодцовъ; изъ каждаго колодца произрастаетъ по семи цвѣтовъ; на каждомъ цвѣту сидитъ по дѣвицѣ. Сїе отмѣнное животное пасется въ сихъ мѣстахъ по четыре мѣсяца въ годъ, и въ то время прогуливается на немъ Хурмукту Тенгры, имѣя свое сѣдалище на средней головѣ.

По срединѣ нашего мира поставляютъ они престолъ высокаго Сакжи Муни, и кругомъ его шесть городовъ. Сакжи Муни, называютъ они Бурхана нынѣшняго вѣка: ибо каждый вѣкъ по ихъ мнѣнїю долженъ быть управляемъ особливымъ Бурханомъ. Въ прошедшемъ вѣкѣ былъ Бурханъ Майдари, а въ послѣдующемъ вѣкѣ преемникомъ будетъ *Мавзуширн*, котораго царство они поставляютъ противу Сакжи Муни. Позади онаго владѣнїе *Логашиново*; а по лѣвую сторону *Самбилангово*.

Бурханы были прежде отмѣнныые люди, которые въ свою жизнь много сдѣлали отмѣннаго предъ прочими: всѣ страсти попрали, три главныя добродѣтели совершили, шесть родовъ душевныхъ научили: и по проповѣди *Сангарди* шестдесятъ одному народу одинъ законъ проповѣдывали.

Въ началѣ Замбутина, то есть сего мира люди жили долговѣчны, и сїяли свѣтлостїю, имѣли крылья и отмѣнны были

си-

силою, питалися единою какою то благостїю по ихъ *Ради Дїанаръ*, и раждались чрезъ преселенїе душъ по ихъ *Хубилганъ*, и въ великомъ всѣ были прохлажденїи.

Но какъ приспѣло нещастливое время, тогда земля произрастила одну пищу, или траву, зовомую *Шиме*, которой вкусъ былъ сладокъ, какъ медъ. Одинъ изъ людей прожорливой вкусивши сїю пищу, разгласилъ многимъ ея приятность, и въ самое то время всего они лишилися. Свѣтлость ихъ померкла и летанїе миновалося; и такъ всѣ пробывъ малое время въ темнотѣ, вдругъ имъ отворился свѣтъ отъ солнца, и другихъ небесныхъ свѣтилъ.

Какъ Шиме перевелася, то всѣ люди питалися земляньмъ масломъ, которое красновато цвѣтомъ и вкусомъ, какъ медъ. Но когда и оное изтощилось, то люди ѣли нѣкоторой родъ тростника, на ихъ языкѣ *Балазимисъ* называемаго. Но и симъ они немного пользовалися: ибо пекущїйся объ утреннемъ запасся онымъ тростникомъ на будущей день. Примѣру его другїе послѣдовали, отъ чего и тростникъ уменшился, и въ скоромъ времяни къ ихъ нещастїю со всѣмъ изчезъ. Тогда сдѣлался великїй гладъ, и люди впали въ беззаконїе, убивая другъ друга, и причиняя всякїя насильства и обиды: и отъ сего времяни они производятъ всѣ пороки. На конецъ согласилися пахать па-

шню. На такой конецъ избрали себѣ одного премудрѣйшаго изъ нихъ, который раздѣлялъ имъ пашню порядочно, научилъ домостроительству, и они его за такое благодѣяніе сдѣлали своимъ начальникомъ, отъ котораго всѣ Калмыцкіе Ханы начало свое получили.

По прошествіи многихъ вѣковъ, начали умалятъся преимущества благоденствія лѣтъ. Напослѣдокъ люди, по ихъ мнѣнію, и до того дошли, что болѣе десяти лѣтъ не жили. По числу ихъ лѣтъ уменшался и ихъ розрастъ: люди были величиною въ локоть, а лошади съ зайца, и пятимѣсячный младенецъ вступалъ въ супружество; на конецъ сдѣлалися тяжкія болѣзни и моръ, отъ чего люди и перевелися.

Послѣ того былъ пре..щающій гласъ отъ Тенгровъ, что чрезъ семь дней упадетъ дождь, состоящій изъ всякаго орудія, котораго люди убоялся запаслися на семь дней пищею, и побѣжали въ пещеры темныя. Въ то время вся земля отъ крови побагровѣла, и исполнилася множествомъ труповъ и костей. на которые упалъ дождь, и очистилъ всю непотребную мертвенность и унесъ въ дальнѣйшій Океянъ. Потомъ низпалъ дождь прохлажденія и благоволенія и прохладилъ землю. Напослѣдокъ пустился ливень, который снесъ на землю пищу, а за оною платье и прочія людямъ по-

потребы. Тогда люди сего Замбутина очувствовалися, и стали прилѣжны и добродѣтельны, и между собою согласны: и симъ кончился одинъ Галапъ или вѣкъ (*).

По прошествїи онаго Галапа низпосланъ былъ Мавзушириновъ Хубилганъ въ сей Замбутинъ съ запономъ, котораго возрастъ и красота была несказанная, такъ что людей привела въ удивленїе: и они его вопрошали, отъ чего онъ такъ прекрасенъ и проч.? Тогда имъ отвѣчалъ сей Бурханъ: для того, что я блудъ и прочїя всѣ страсти превозмогъ, ни какую душу не потреблялъ; по чему отъ всѣхъ и отмѣненъ: послѣдуйте мнѣ во всемъ, то и вы будете таковы, какъ я: что услыша люди, всѣ злыя дѣла отринули и возлюбили добродѣтель, за что и превзошли лѣтами своихъ праотцовъ, и съ начала по осмидесяти тысячь лѣтъ жили; а потомъ паки оставя истинной путь, подвержены были всѣмъ перемѣнамъ, о которыхъ сказано выше. Послѣ оныхъ перемѣнъ на мѣсто Мавзушири-

на

(*) Сей вѣкъ начавшїйся отъ сотворенїя мира, изъ Океяна называютъ Калмыки благополучнымъ, по тому что въ оной вѣкъ произрасли тысяча цвѣтовъ называемыхъ *Падма* (шапки), которые предзнаменовали рожденїе тысячѣ Бурхановъ; а кто таковы сїи Бурханы, не только я, но и вся Калмыцкая орда сказать не можетъ.

на, вступилЪ Сакжи Муни, который и нынѣ еще продолжается.

Главнѣйшіе Галапы у нихЪ раздѣляются на четыре части: первый называется *Аху ГалапЪ*, второй *Ебдереку ГалапЪ*, третій *Хоосунъ ГалапЪ*, четвертый *Токмоху ГалапЪ*.

Первый ГалапЪ, т: е: Аху-ГалапЪ состоитЪ вЪ томЪ, что оный начинается отЪ осмидесяти-тысячнаго долгоденствія, и продолжается до десятилѣтняго умаленія человѣческой жизни. ГалапомЪ (*) называютЪ вѣкЪ, но не такой, какЪ на примѣрЪ у насЪ Эпоха отЪ Адама до потопа, отЪ потопа до Авраама и проч. У нихЪ каждый ГалапЪ или вѣкЪ начинается отЪ разрушенія, или преставленія свѣта двумя предѣлами, т: е: приращеніемЪ и умаленіемЪ, какЪ то уже и выше объявлено. Такой ГалапЪ называется верхнимЪ или долголѣтнимЪ. ВЪ семЪ долголѣтнемЪ Галапѣ заключаются еще малые Галапы междумѣтные.

Второй ГалапЪ начнется отЪ того, что во адѣ всякое животное вновь родиться не будетЪ, отЪ чего и наружность Замбутина повредится; по чему сей ГалапЪ и названЪ будетЪ Ебдереку ГалапЪ, т: е: разорительный.

Тре-

(*) ГалапЪ собственно происходитЪ отЪ ГалЪ огонь: ибо наибольшая часть ГалаповЪ, по ихЪ мнѣнію отЪ огня начало свое имѣютЪ.

Третій Хоосунъ Галапъ назовется отъ того, что вся бездна опустится до предѣла, гдѣ должно паки утвердится; отъ чего и наименованіе ему пустой или Хоосунъ Галапъ.

Четвертый Токтоху Галапъ начнется отъ того, когда нѣкая буря по ихъ *каман-драль*, по утвержденіи вышепомянутой бездны, отъ перворожденія въ оной всякаго животнаго возпослѣдуетъ, и потому назовутся онѣ Токтоху Галапъ, т: е: утвердительный.

Между каждымъ изъ вышеобъявленныхъ Галаповъ, поставляютъ они восемь междуумочныхъ Галаповъ, изъ которыхъ семь огнемъ, а осьмый водою кончится. Между семью огненными Галапами должно по ихъ мнѣнію случится еще по семи меньшихъ огненныхъ галаповъ, и между каждымъ изъ оныхъ по одному водному галапу или потопу, которые заключитъ уже вышепомянутый бурный галапъ.

Огненные галапы разрушеніе свое имѣть будутъ отъ царства Айха Діани съ низу.

Водные галапы разрушаются отъ другихъ діановъ съ низу же.

Отъ вихря или бури галапъ уже не разрушится, но приметъ паки свое начало. Такимъ образомъ представляютъ они вѣчность всего мира, а далѣе умъ ихъ проницать не можетъ.

За самоважнѣйшій грѣхъ почитаются недовѣріе къ закону и хула на Бурхановъ, удержанная Бурханамъ подать и непочитаніе священническаго чина. За ними слѣдуетъ убійство, не только людей, да и всякаго животнаго, даже до послѣдняго несѣкомаго и прочая. У нихъ вымышленъ нѣкій судія, котораго *Ирликъ Ханъ* называютъ. Престолъ ему поставляютъ между небомъ и землею на срединѣ, окруженный тьмами черныхъ тенгровъ, предъ нимъ всякая душа должна предстать на судъ со своими приставами, выключая великихъ угодниковъ, которые прямо возходятъ на небо, аки столбъ огненный; приставы ихъ суть черные и бѣлые тенгры, т: е: злые духи и хранители, которыхъ каждое дышущее имѣетъ. Приставы должны быть при семъ судѣ стряпчими. У Ирликъ Хана есть и древнія записки, называемыя *АлганъГоли*, въ которыя вносятся вся содѣянная людми. Въ оныя онъ не рѣдко заглядываетъ, что бы отъ стряпчихъ, или отъ самаго судящагося не быть обмануту. Спорныя дѣла вѣситъ онъ на вѣскахъ. Въ одну чашку кладетъ грѣхи, а въ другую добрыя дѣла; и которая чашка перетянетъ, потому бываетъ и расправа. По ихъ мнѣнію надобно твердо имѣть въ памяти, что кто добраго на семъ свѣтѣ сдѣлалъ, и оное смѣло предлагать Ирликъ Хану; иначе боязливые ино-

иногда вмѣсто рая попадаются въ муку, за тѣмъ, что иногда приставамъ не придетъ на память то, что его оправдать или осуждать можетъ; а Ирликъ Ханъ по множеству дѣлъ, иногда и полѣнится заглянуть въ свою шнурованную книгу. Заблужденїе сїе утверждаютъ многими выходцами съ того свѣта. Я одну только басню приведу въ примѣръ.

Нѣкоторый пьяница, будучи осужденъ на судѣ Ирликъ Хана, ввержень былъ въ одно мытарство, преисполненное остраго оружїя, куда препроводили его *Яргачи* (*) по шести дорогамъ, убитымъ острыми гвоздями. Во время его мученїя и стенанїя, молитвою и властїю нѣкоего Бурхана Хочжо Боди Сано до осми тысячь мучащихся душъ изъ глубины всѣхъ осмнадцати мытарствъ извлечены были, за то что они читали Доржо Зодбу. Мучащемуся пьяницѣ пришло на память, что и онъ нѣкогда сїю Дорсу Зодбу списалъ, и при поклоненїи и молитвѣ просилъ помощи отъ онаго. Приставы слыша сїе имя, тотчасъ доложили своимъ начальникамъ, и дѣло дошло до самаго Ирликъ Хана. Онъ приказалъ грѣшника себѣ представить, и допрашивалъ его, подлинно ли онъ сїю добродѣтель въ жизни своей совершилъ, что Доржу зодбу одинъ разъ списалъ. Пьяница увѣрялъ Ирликъ Хана,

 сколь-

(*) Приставы или караульные при мытарствахъ.

сколько его силЪ было, а ИрликЪ ХанЪ справясь вЪ Алганѣ Голи, нашелЪ его слова справедливыми, и просилЪ у него прощенія за учиненное ему мученіе. Но что бы большее ему сдѣлать возмездіе, посадилЪ его возлѣ себя на золотомЪ престолѣ, показывалЪ ему многая тайная, и обѣщалЪ возвратить его паки вЪ жизнь, дабы онЪ проповѣдывалЪ Доржу Зодбу. Пьяница отговаривался отЪ сего благодѣянія, представляя, что живущее вЪ мирѣ всякое животное будетЪ стремится на его гибель: ибо я вЪ жизнь мою убивалЪ овецЪ, сайгаковЪ, лошадей, рыбЪ, сусликовЪ и всякихЪ несѣкомыхЪ, и всякую ползающую и пресмыкающуюся душу. ИрликЪ ХанЪ немедлѣнно повелѣлЪ предстать предЪ себя всѣмЪ животнымЪ, которыхЪ помянутой пьяница на томЪ свѣтѣ умерщлялЪ, и приказывалЪ имЪ, чтобЪ они ни какого зла ему на семЪ свѣтѣ не чинили. Вся помянутая тварь за сіе приказаніе вознегодовала, и недовольна была судомЪ ИрликЪ Хана. ИрликЪ Хану вЪ семЪ случаѣ ни чего болѣе не оставалося, какЪ прибѣгнуть кЪ гирямЪ правосудія. ОнЪ взялЪ свои вѣски, и вЪ одну чашку вмѣстилЪ всѣхЪ животныхЪ, а вЪ другую Доржу Зодбу; но Доржа Зодба перевѣсила всѣхЪ тѣхЪ животныхЪ: чего они убояся, сдѣлали всѣ поклоненіе и просили прощенія. За сіе ихЪ ИрликЪ ХанЪ отпослалЪ на мѣсто упокоенія, а пьяницу воз-

возвратилъ на сей свѣтъ для прославленія Держи Зодбы (*).

Возвратившійся изъ царства мертвыхъ пьяница со многими другими, которыхъ и столистная книга едва вмѣстить можетъ, проповѣдалъ Калмыкамъ будущее ихъ состояніе на томъ свѣтѣ. Они видѣли три дороги и бѣлой градъ. Дороги сіи начинаются отъ нѣкоей аспидной горы, которая земнымъ жителямъ видится на подобіе облака. Первая дорога серебреная, другая мѣдная, а третья желѣзная. Желѣзная дорога ниже всѣхъ, и ведетъ къ бѣлому граду, который есть жилище Ирликъ Хана. Оная дорога на конецъ, по мнѣнію ихъ, истончевается въ волосъ, и многихъ хлопотъ избавляетъ Ирликъ Хана: ибо не помнящіе за собою

(*) Кажется отъ сего заблужденія происходитъ, что Калмыки охотнѣе ѣдятъ падалину, нежели убитую скотину, говоря: что первая зарѣзана Бурханами; и такъ ѣства ея безгрѣшна. Повѣсть сія также подтверждаетъ, что Калмыки вѣря преселенію душъ, разумную душу приписываютъ всякой дышущей тварѣ; и что всякая тварь должна явится на судѣ Ирликъ Хана, и получить воздаяніе, или наказаніе за свои дѣла. Калмыкамъ примѣромъ служитъ главнѣйшій ихъ Бурханъ Санжи Муни, котораго душа нѣкогда обитала въ зайцѣ; и тогда онъ увидѣвъ гладомъ тающаго человѣка, предалъ себя на добровольную ему снѣдь. Сіе также подтверждаетъ, что ихъ Бурханы не отъ небеснаго, но отъ Калмыцкаго отродія.

бою никакого благодѣянія, тонкой сей путь превозмочь не могутъ, но обрушась попадаются на мѣсто казни.

Мѣдная дорога лежитъ повыше, и провожаетъ къ жилищу тридцати трехъ Тенгровъ, что есть среднее мѣсто упокоенія: а серебреная дорога, которая всѣхъ выше, и лежитъ на востокъ къ раю, обитаемому Абидомъ Бурханомъ.

За главнѣйшій рай почитаютъ, какое то Сукавидино мѣсто. За симъ мѣстомъ слѣдуетъ рай Амидабы Бурхана, обладающаго двутысячнымъ небомъ. Самое послѣднее мѣсто представляютъ себѣ у тритцати трехъ Тенгровъ, гдѣ только одной вольности ожидаютъ. Въ прочемъ у нихъ такое множество раевъ, что и перечесть трудно, потому что они каждому Бурхану приписываютъ особливое небо, въ которомъ онъ водворяется съ душами праведныхъ.

Иные по ихъ мнѣнію будутъ мучимы во адѣ, гдѣ изобилуетъ всякое оружїе, и которымъ они будутъ посѣкаемы на мѣлкїя части: а какъ отъ того умертвятся, то паки отъ нѣкоего небесного гласа возстанутъ. Сїе мученїе грѣшные претерпѣвать должны двѣсти миліоновъ тысячь лѣтъ, по прошествїи которыхъ выпущены будутъ, и вселятся въ тѣла, живущїя на семъ свѣтѣ. И такъ можетъ быть изъ

дре-

древняго Калмыка родится капустный червь или сладкопоющій комаръ.

Второе мытарство составляютъ адскія темныя пещеры, въ которыхъ всегда будутъ раздавливать людей двумя желѣзными досками; и сему мученію время предписано вдвое передъ прежнимъ.

Въ пятомъ мытарствѣ будутъ грѣшныхъ Калмыковъ жарить на сковородахъ и вертлугахъ, какъ рыбу или птицу.

Шестая статья грѣшныхъ Калмыковъ ввержена будетъ въ смрадъ, гдѣ всякое злововніе. Иныхъ низринутъ въ рѣку, въ которой вода безпрестанно кипитъ бѣлымъ ключемъ. Другіе поселены будутъ на крѣпкой бѣлой землѣ, которая ничего не произрастаетъ. Въ оной безпрестанной гладъ и нагота господствуетъ, гдѣ люди копая руками землю, отрутъ оныя по самыя плечи. Коварнымъ людямъ и смутителямъ приуготовлено кровавое море, въ которомъ они плавать должны. Роскошные богачи, не творящіе милостыни, отягчатся собственною своею тяжестію: глава у нихъ будетъ яко холмъ великій, шея и ноги истончатся на подобіе волоса, а тѣло представлять будетъ огромную гору. Для непочитателей Бурханскихъ словъ и святотатцевъ, сдѣланъ огромный котелъ, наполненный смолою, въ которомъ сіи грѣшные вариться будутъ. Для убійцъ всякаго живот-

вотнаго подѣланы крючья, на которыхъ вѣшаютъ ихъ за ребро. Крюки сіи нѣкоторою силою опускаются съ людми на низъ, гдѣ другія крюки ихъ задѣваютъ, и отрываютъ части человѣческаго тѣла, которое паки прирастаетъ. Пренебрегателямъ и гнушающимся ихъ Бурханскаго преданія черныя тенгры вкладываютъ въ уши раскаленную сажу, и такое мученіе претерпѣвающіе, всегда другъ другу на уши шептутъ, сообщая причину своего мученія: однако слова ихъ бываютъ непонятны. Тати и прелюбодѣи мучатся въ студеномъ озерѣ, которые по закатѣ солнца, даже до возхожденія онаго въ водѣ замерзаютъ, а при солнечномъ сіяніи паки вытаскиваются изъ онаго, такъ что отъ примерзанія нѣкоторые члены въ водѣ остаются; къ вечеру паки въ оную же воду погружаются, что бы члены ихъ срослися, и проч.

Инымъ, не знаю, за какое преступленіе претираютъ кости; иныхъ колесуютъ; а иныхъ толкутъ на мельницахъ въ ступѣ.

Осмнадцатое или послѣднее мытарство назначено для всякаго другаго животнаго, гдѣ на лошадяхъ безпрестанно ѣздятъ: другую скотину морятъ гладомъ; иныхъ увѣчатъ побоями и проч.

сред-

Средства, помощію которыхъ думаютъ они по смерти избавиться отъ ада.

Первый пунктъ составляетъ прошеніе за умершихъ ихъ Бурхановъ, а особливо, когда къ тому щедрымъ подаяніемъ священническій чинъ поощренъ будетъ; читаніемъ по умершимъ разныхъ книгъ, устами благоговѣйныхъ Гелюновъ, какъ то книги называемой Эркетю, содержащей славныя дѣла ихъ Бурхановъ; *Дойшинъ Бурхани*, Бурханское наставленіе и проч., а главное мѣсто между всѣми занимаетъ *Доржо Зодба.* Сія книга содержитъ въ себѣ непонятныя вещи для Калмыцкой головы, и значитъ сокровенную тайну, которую никто разумѣть не можетъ, кромѣ великаго Бурхана. Польза происходящая отъ сея книги, утверждена многими примѣрами благополучныхъ душъ, возвратившихся съ того свѣта; и она въ такомъ почтеніи у Калмыковъ, что почти всякій изустно ее знаетъ, хотя содержанія ни кто не понимаетъ; да и толковать ее за грѣхъ вмѣняется.

Какъ Калмыки народъ кочевой, то и идоложертвенныя капища, *Бурхани Эрго*, у нихъ состоятъ изъ кибитокъ. У нихъ есть особливый столъ или налой, на которомъ они ставятъ своихъ Бурхановъ. Около сего стола вѣшаютъ столбы называемые *Килъ*, сдѣланные изъ разныхъ парчей

чей. Къ идолослуженїю ихъ принадлежатъ и музыкальныя орудїя, какъ то мѣдныя съ гремушками блюды, называемыя *Ценъ*, трубы *Кангырча* и бубны *Кенгерца*; сїе музыкальное согласїе употребляется у нихъ только въ годовые праздники. Годовыхъ праздниковъ щитаютъ они три: первый называется *Сага Сара*, вторый *Зула*, а третїй *Цаганъ Сара*. *Сага Сара* празднуется у нихъ съ начала Маїя мѣсяца; и съ сего праздника починается у нихъ новый годъ. *Зулу* торжествуютъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ; а *Цаганъ Сару* передъ масленою, въ честь нѣкоей дѣвицѣ, которая, по ихъ мнѣнїю, при начатїи свѣта побѣдила тьму непрїязненныхъ силъ. Сїи три богомолїя бываютъ у нихъ всеобщїя, на которыя съѣзжаются почти изъ всѣхъ улусовъ къ Ламѣ. Тутъ дѣлаютъ новыя капища, *Цаца* (*) называемыя, и выбираютъ къ сему угористое мѣсто. Цацу украшаютъ выше сказанными уборами. По срединѣ ставятъ столъ, а на столѣ ставятъ своихъ Бурхановъ. Въ Цацѣ освѣщаютъ все плошками наполненными

(*) Древнїя ихъ капища назывались *Кидъ*: ибо лѣтописцы ихъ свидѣтельствуютъ, что они въ старину были некочевой народъ; да и нынѣ симъ Калмыцкимъ именемъ называютъ одну пещеру, находящуюся при Соленомъ озерѣ, отстоящемъ отъ Черного Яру въ шестидесяти верст., на Яицкой степи.

ными коровьимъ масломъ; а свѣтильня неотмѣнно должна быть бумажная. Тутъ каждый Калмыкъ старается со своей стороны способствовать сему празднеству. Зажиточные предъ Бурханами ставятъ благовонныя свѣчи; а другіе возжигаютъ съ коровьимъ масломъ плошки, и ставятъ по горѣ около Цацы. Тутъ бьютъ всякую скотину, и шесть чашъ называемыхъ *Такилсїинъ Цегуце* съ сарацинскимъ пшеномъ вмѣсто жертвоприношенїя ставятъ передъ Бурханами, вмѣщая въ оныя по малой части всякаго животнаго. Во время служенїя въ Цацѣ бываетъ объявленная музыка. Лама со всемъ причетомъ отправляетъ службу состоящую въ молитвахъ. Черные Калмыки (**) ходятъ около Цацы, и по троекратномъ обходѣ предъ дверьми Цацы, кладутъ по три земные поклона, взирая на Бурхановъ, и возлагая руки свои на голову.

Когда читаютъ важнѣйшїя молитвы, тогда молятся съ сокрушеннымъ сердцемъ, подгибая правую ногу, а лѣвую скорча, и сложивъ ладони. Но что бы никакїй предмѣтъ не могъ поколебать ихъ мыслей, защуриваютъ глаза и потупляютъ голову. Принесенную жертву Бурханамъ, ни кому ѣсть не дозволяется, но пускаютъ оную въ текучую воду, напримѣръ: ручей, рѣку

 и

(**) Черные называются всѣ тѣ Калмыки, которые не принадлежатъ къ священническому чину.

и проч.; а остальную скотину ѣдятъ богомольцы. Первую участь получаетъ духовенство, и каждый изъ своего блюда по три щепотки откладываетъ, какъ нѣкую жертву Бурханамъ, приговаривая за каждою щепоткою *Урбанердини* (*).

Сiи откладныя щепотки простые Калмыки съ особливымъ благоговѣнiемъ принимаютъ и ѣдятъ, какъ нѣчто благословенное. Такое обыкновенiе наблюдаютъ ихъ *Гелюни* во всякое время, когда ѣсть начинаютъ; и естьли не прилучится посторонний Калмыкъ, три окладныя щепотки бросаютъ въ огонь и сожигаютъ.

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ построены Цацы, всякiй проѣзжающiй Калмыкъ останавливаться долженъ, и заплатить Бурханамъ подать чѣмъ ни есть. Естьли у кого не прилучится съ собою денегъ, то въ Цацѣ оставляютъ, или стрѣлу, или подкову, или другую какую вещь. Въ случаѣ же недостатка Бурханъ долженъ довольствоваться конскими волосами, или обрѣзанными ногтями. Кромѣ сихъ мѣстъ всеобщаго идолослуженiя, каждый Гемонъ имѣетъ собственное себѣ капище. Оно въ той же находится кибиткѣ, въ которой жи-

(*) Урбанердини значитъ трехъ святыхъ или троицу, и подъ симъ именемъ они разумѣютъ трехъ Бурхановъ, Санжимуни, Мавьушари, Майдари.

жительствуетъ и Гемонь; и Бурханы по большой части бываютъ въ заключенiи. Когда Гемонь вынимаетъ своихъ Бурхановъ, то ставитъ на столъ каждаго при простертномъ земнопоклоненiи, и сидя читаетъ молитвы: а другiе Калмыки ходятъ около кибитки, и кланяются Бурханамъ въ дверяхъ кибитки. По окончанiи молитвъ, каждый Калмыкъ входитъ въ кибитку, и кланяется Бурханамъ по три раза, и по разу Гелюню, который на него налагаетъ свою руку. Когда Бурхановъ Гемонь вынимаетъ изъ заточенiя, то каждаго, естьли они литые, омываетъ чистою водою; и та вода почитается у нихъ за святую или цѣлительную.

Вѣра Черемисская происходитъ отъ неизвѣстнаго имъ времяни, и одно преданiе ихъ предковъ, служило имъ къ сохраненiю древняго своего закона. Между множествомъ боговъ ими почитаемыхъ первенствующiй есть Тинзябръ Юма (*), то есть Богъ живущiй на небесехъ; и сей сотворилъ небо, землю и все то, что видятъ ихъ глаза. Жертва ему приносимая супь различныхъ

(*) Слово Тинзябръ Юма, значитъ Бога всемогущаго. Черемисы почитаютъ его съ великимъ благоговѣнiемъ; но нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что дѣла смертныхъ людей совсѣмъ ему не принадлежатъ; а сдѣлалъ онъ надъ ними судiями и властителями прочихъ ихъ боговъ.

родовъ животные. По немъ почитаютъ они Киреметя, который есть духъ свирѣпый и могущественный; а вѣра ихъ заставляетъ думать, что большая часть благополучія ихъ въ волѣ сего страшнаго Бога: но былъ ли онъ человѣкъ, или какое другое чудовище, того они не знаютъ. Во время нужды, и во дни болѣзни своея убиваютъ они лошадей и коровъ, которыхъ приносятъ ему въ жертву, по среди отрощеннаго лѣсу. Смѣшное ихъ воображеніе достойно также увѣдомленія: ибо они думаютъ, что убіенная ими лошадь не умираетъ, но только пресeляется въ жилище для услугъ Киреметя, которому жертва сія паче всѣхъ угодна. По мнѣнію ихъ, надобности человѣческія и богамъ ихъ необходимы.

Читая исторію о древнихъ Скифахъ, находимъ мы сему подобное обыкновеніе. Они въ день погребенія царей и начальниковъ своихъ убивали, не только лошадей, но и нѣсколько изъ ихъ служителей, воображая, что погребенные и по смерти во всѣхъ человѣческихъ вещахъ имѣютъ нужду; а при томъ казалось имъ, что и самое сластолюбіе можетъ еще услаждать умершихъ; и для сего убивали по одной изъ бывшихъ ихъ наложницъ: и такое ужасное обыкновеніе употребляли они и по смерти каждой годъ.

Черемисы обитавшіе между древними Скифами сохранили остатки сего древняго суевѣрія, и можно думать, что сей ими называемый Киреметь не былъ ли какой нибудь знатный человѣкъ, изъ ихъ поколѣнія происходившій. Обыкновеніе, царствующее тогда между ослѣпленными народами, принудило и ему сдѣлать такое же погребеніе; а не разумѣвшіе потомки принявъ сей обычай за законъ, и не имѣя никакого понятія о существѣ его, назвали его богомъ, сохранивъ при томъ и обычай до сего дня.

Сей свирѣпый богъ имѣетъ у себя друга называемаго Ширтъ, который также силенъ награждать ихъ моленія, и гораздо снисходительнѣе перваго. Жертва ему приносимая состоитъ изъ овецъ и изъ другихъ малыхъ животныхъ.

Капко Ороло не признаваемъ отъ нихъ за Бога, но любимымъ ихъ слугою, и онъ будто бы стоитъ непрестанно при вратахъ жилища Киреметева, и должность его возвѣщать ихъ прозьбы и быть свидѣтелемъ усерднаго ихъ моленія. Для сего чтутъ они его, принося ему иногда и жертву.

Извѣстно уже всѣмъ, что язычники обитающіе въ Россійскихъ предѣлахъ, никаковыхъ храмовъ для моленія своего, такъже изображенія боговъ ими почитаемыхъ

 со-

совсѣмъ не имѣютъ, кромѣ однихъ Калмыкъ: но дубъ, береза, растущіе въ лѣсахъ, суть изображеніе ихъ божества, и приносятъ жертву по среди имъ посвященнаго лѣсу (*). Въ праздничные дни и во время нуждъ своихъ сходясь они на сіе избранное мѣсто, молятъ боговъ своихъ сохранителей.

При жертвоприношеніи наблюдаютъ они слѣдующіе обряды: скотина приведенная на заколеніе, должна быть тучна и здорова: ее убиваютъ посреди избраннаго лѣсу близъ раскладеннаго изъ дровъ огня. Какъ скоро снимутъ съ нее кожу, то отрѣзываютъ уши, ноги, сердце, легкое и печенку; а сіе уже раздѣляютъ на три части, изъ коихъ одну бросаютъ въ огонь, признавая и въ немъ нѣчто спасительное; другую посвящаютъ Киреметю, которую также предаютъ огню; а остальныя части варятъ въ котлахъ и ѣдятъ сами. Жреновъ или особливыхъ священниковъ они не имѣютъ: но какъ скоро имъ понадобится сдѣлать какое либо жертвоприношеніе, то выбираютъ человѣка престарѣлаго, который и управляетъ вышсописанными обрядами.

Въ

(*) Сіи молитвенныя мѣста, какъ Черемисы, такъ и Чуваши называютъ Киреметь, по имени Бога ими почитаемаго.

Въ прочемъ сей народъ изъ самой древности, не имѣя ни какихъ установленныхъ законовъ, и пребывая всегда во глубинѣ невѣжества и незнанія, имѣетъ множество еще другихъ священныхъ обрядовъ, и почти каждое жительство Черемисами населенное, имѣетъ свои особливыя обыкновенія. Между ими есть четыре извѣстныя божества, которыхъ они называютъ, Одешкеръ, Пувашъ, Куклешъ и Изкиженъ; но власть ихъ несравненно менѣе противу первыхъ: и для того не всѣмъ изъ нихъ знакомы, а бываютъ только хранителями нѣкоторыхъ домовъ ихъ, покоя и благополучія.

Пугорша Юма есть изъ числа начальныхъ боговъ почитаемыхъ въ Башкиріи живущими Черемисами. Его молятъ о скотѣ, о хлѣбѣ, о пчелахъ и о всемъ, что въ житіи человѣческомъ потребно; а жертва ему приносимая суть всѣхъ родовъ животныя.

Другій называемый Піасаръ или Піамъ-аръ, имѣетъ власть равную съ Пугоршею; но жертвы имъ различны; ибо Піасару посвященъ черный быкъ, и всѣ другія чернаго вида животныя, такъ какъ Шукшѣ, третьему изъ числа ихъ первенствующихъ боговъ, посвященъ бѣлый гусь, прочіе ихъ боги суть сіи.

Кургубуршъ Юма, живетъ на землѣ, однакожъ ни кто его увидѣть не можетъ, кромѣ щасливыхъ и безгрѣшныхъ людей.

Юманашъ, по сказанію Черемисъ, обитаетъ иногда въ водѣ, а иногда въ лѣсу. Его молятъ, чтобъ даровалъ имъ дѣтей мужескаго пола, и приносятъ въ жертву чернаго барана.

Иргибашъ Юма, есть также изъ числа ихъ боговъ, и власть его равна съ другими.

Черемискія жены не жертвуютъ ни одному изъ сихъ боговъ, но для ихъ оставлены всѣ тѣ божества, которыхъ онѣ въ женскомъ родѣ почитаютъ, и которыя суть нижеслѣдующія:

1) Кичеба, есть матерь солнца, богиня согласія семейства, щастія и богатства. Она обитаетъ, по мнѣнію ихъ, внутри самаго солнца, и бываетъ ей публичное празднество отъ всѣхъ Черемискихъ женъ и дѣвицъ. Въ жертву убиваютъ молодаго теленка или барана.

2) Каба, есть такое божество, которое живетъ отдѣленно отъ всѣхъ другихъ боговъ. Когда солнце среди лѣта взойдетъ на полдень, то въ то время свѣтитъ оно возлѣ самаго ея жилища. Словомъ сказать: она живетъ въ неизмѣримой пучинѣ воздуха, и власть ея простирается вообще до

всѣхъ

всѣхъ человѣческихъ болѣзней, нуждъ и напастей.

3) Кудо-Шоче-Наба, живетъ вмѣстѣ съ богами обитающими на небесахъ; а нѣкоторые думаютъ, что она есть матерь Піамара. Черемискія женщины молятъ ее о дѣтородіи; а по сему можно ее познать за богиню дѣтородія.

4) Мушанъ Ченъ: сія есть послѣдняя изъ богинь, и не всѣмъ Черемисамъ извѣстно ея имя.

Обряды при женскихъ жертвахъ употребляемые, ни чемъ не разнятся отъ мужескихъ. Обычай ихъ запрещаетъ, что бы во время жертвъ Погуршѣ, и другимъ богамъ не было ни одной женщины: но напротивъ того и при торжественныхъ женскихъ жертвахъ не бываетъ ни одного мущины, кромѣ того, что по окончаніи надлежащихъ молитвъ могутъ мужья притти и совокупно съ ними веселиться. Женщины имѣютъ особливыхъ ворожей, такъ какъ мущины ворожецовъ, способомъ которыхъ познаваютъ онѣ, какая жертва богамъ будетъ пріятна.

Въ болѣзняхъ своихъ не призываютъ они на помощь ни Пугоршу, ниже одного изъ тѣхъ боговъ, которыхъ я описалъ: но для сего имѣютъ они особливаго Бога болѣзней, котораго называютъ Чукъ Киреметь, ему приносятъ жертву по предска-

занію ворожецовъ, какого рода и какой шерсти скотина потребна, дабы умилостивить Бога; а по сему прежде приношенія жертвы ворожецъ гадаетъ, потомъ сказуетъ, что Чукъ Киреметю будетъ пріятно. Сказаніе ворожеца имѣетъ точно такуюжъ силу, какъ бы самъ богъ ихъ говорилъ устами его, и требуемое имъ должно немедлѣнно исполниться.

Ворожецы бываютъ изъ числа тѣхъ людей, которые лукавѣе и умнѣе своихъ одноземцовъ; а по сему не трудно имъ ложными предсказаніями плѣнять простой и несмысленной народъ: ибо когда одинъ разъ удастся ему прорещи истинну, (что онъ легко можетъ исполнить, смотря по случаю нужды, хотящихъ принести жертвы), то симъ уже и заслуживаетъ вѣчное почтеніе у своихъ земляковъ.

Во время скотскихъ болѣзней, хотя сегожъ бога умилостивляютъ, но больше еще другихъ, которыхъ называютъ они Киреметь-Капка и Киреметь-Піимъ. Жертва имъ приносимая суть утки, тетеревы и рыбы ловимыя въ ихъ мѣстахъ.

Когда надлежитъ дѣлать всеобщее жертвоприношеніе, то старики собравшись вмѣстѣ дѣлаютъ совѣтъ, какую скотину принести въ жертву мнимому ихъ богу. Но толпа людей разномысленныхъ не скоро можетъ согласиться, и каждый разли-

личаясь намѣренiемъ своимъ отъ другаго, желаетъ, чтобъ жертва была приносима изъ тѣхъ животныхъ, которыя ему нравятся. Когда число разномысленныхъ будетъ умножаться, то тотчасъ призываютъ ворожецовъ, дабы они сказали, какая жертва богу будетъ прiятна. Ворожецы гадаютъ разными образами: иные мечутъ бобы; другiе смотрятъ въ воду, наливъ оную въ какой нибудь сосудъ, гдѣ по сказанiю ихъ и изображается видъ того бога, коему народъ принести жертву назначилъ. Совершивъ гаданiе, предсказываютъ они, что богу будетъ прiятна, или бѣлая лошадь, или бѣлая корова. По сему предсказанiю каждый деревенскiй житель обязанъ дать нѣкоторое число денегъ, на которыя покупаютъ богу угодную скотину. Съ вечера возвѣщаетъ староста одноземцамъ своимъ, дабы поутру сходились на мѣсто избранное для моленiя; куда сходятся всѣ на разсвѣтѣ дня въ самомъ лучшемъ своемъ убранствѣ, и однѣ женщины не могутъ быть участницами сего празднованiя. Въ присутствiи собравшагося народа, выводятъ назначенную въ жертву скотину, и тотчасъ ее зарѣзываютъ: потомъ варятъ въ нарочно приготовленныхъ котлахъ. Сваренное мясо раздѣляютъ всѣмъ поравну, а тутъ уже каждый Черемисянинъ разрѣзываетъ свой удѣлъ пополамъ, и одну часть оста-

оставляютъ для себя, а другую складываютъ всѣ въ одинъ котелъ: и какъ отъ множества кусковъ наполнится сей сосудъ, то сіе бросаютъ въ огонь и говорятъ слѣдующія слова: *огонь, отнеси нашу жертву къ богу.* Прочія ихъ моленія заключаются въ трехъ вещахъ: первое, что бы богъ далъ имъ хлѣба, скота и пчелъ. По окончаніи сихъ обрядовъ обѣдаютъ всѣ на жертвенномъ мѣстѣ, а послѣ уходятъ по своимъ домамъ, оставя кожу съ убитой скотины на томъ самомъ мѣстѣ, развѣсивъ ее на дерево.

Различіе между жертвами, приносимыми богу болѣзней, есть сіе, что въ числѣ другихъ на жертву убиваемыхъ животныхъ есть и заяцъ, и то, что голову и ноги убитой скотины бросаютъ въ огонь, что они уносятъ домой во время жертвъ Пугоршѣ и Пiабару. Бросая сіи части въ огонь, говорятъ они сіе: *огонь, отнеси къ Киреметю нашу жертву и скажи, чтобъ онъ болѣе не просилъ.* Гаданія при жертвахъ приносимыхъ Чукъ Киреметю бываютъ также отмѣнны; ибо тогда они разсматриваютъ внутренность животнаго; и ежели печенка, вынутая изъ его, не тонка и не пестра, то сіе предзнаменованіе служитъ въ ихъ пользу: когдажъ случится тому противное; то сей знакъ есть неблагополучія семьѣ, жертву приносящей.

Пер-

Первѣйшій праздникъ бываетъ у нихъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, которой только по прошествіи трехъ лѣтъ торжествуютъ. Въ сіе время приносятъ они жертву богу живущему на небесахъ, коего называютъ они Тинзябрь Юма, и убиваютъ для его по одной изъ всѣхъ родовъ домашнихъ скотинъ.

Другой день празднуютъ они предъ тѣмъ, какъ наступитъ время пашни. Въ сей день нѣтъ никаковой жертвы кромѣ того, что всѣ сбираются на избранное поле, и ставши на востокъ съ великимъ благоговѣніемъ падаютъ на колѣна свои и вопіютъ: *Боже, роди намъ хлѣбъ!* потомъ цѣлой день препровождаютъ въ пьянствѣ, въ борьбѣ, въ скаканіи на лошадяхъ и въ другихъ веселыхъ упражненіяхъ. Сей праздникъ есть одинъ, въ которой имѣютъ право и женщины и дѣвицы быть участницами сего моленія, и вообще со всѣми веселиться.

Черемисы оставшіеся при древнемъ своемъ идолопоклонствѣ, слѣпо повинуются собственнымъ своимъ духовнымъ, которыхъ называютъ *Мушанами* и *Машанами*, а первосвященникъ нарицается у нихъ *Югтитъ*: и сіи толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развратители, въ великой у нихъ чести. Число такого духовенства стало уже теперь очень не велико: но вмѣсто того избираютъ себѣ всякаго

каго мѣста миряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенія человѣка, котораго переименовавъ *Карчомъ*, даютъ ему и помощника подъ именемъ *Удше*.

Богъ называется вообще на ихъ языкѣ *Юма* и *Коююма* (высочайшій богъ), а чтобъ присвоить ему умственно всякія благости, то подъ именемъ *Юмонъ Аза* (мать божковъ) воздаютъ супругѣ его первое и самое большое по богѣ почтеніе. Прочіе добраго качества божки суть, по ихъ разсужденію, дѣтки или родственники оныхъ двухъ перзенствующихъ божественныхъ лицъ: и между ими то раздѣлено правленіе мира и расположеніе судебъ. Нѣкоторыхъ почитаютъ женатыми, а иныхъ холостыми, и называютъ ихъ вообще *Божьею семьею* (Юмонъ Шукча), что же касается до именъ ихъ боговъ, и до умоначертанія о исправляемыхъ ими дѣлахъ; то они въ томъ между собою несогласны, потому что одинъ мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другой меньше: притомъ же и въ случаѣ испрошенія милости по однимъ и тѣмъ же самымъ дѣламъ обращаются къ разнымъ божкамъ. Наибольше же прилѣпляются они къ слѣдующимъ богамъ, а именно: къ *Пурикшѣ* и *Пугуршь Юмѣ*, къ *Кудорчѣ Юмѣ*, подъ коимъ разумѣютъ они грозу, къ *Пуембарѣ Юмѣ*, который по видимому есть почитаемый Татарами про-

пророкъ, потому что сіи называютъ своего прорицателя Мугаметомъ Пуемберомъ, сирѣчь пророчествующимъ. Есть у нихъ не мало и богинь, въ числѣ которыхъ почитаютъ также *Кичебу*, мать солнца, *Кабу* и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ богамъ, а грѣшницы къ богинямъ.

Прародителемъ боговъ злыхъ качествъ почитаютъ сатану, (Шайтанъ), коего не собственнымъ его называютъ именемъ, но словомъ Іо. Онъ живетъ, по мнѣнію ихъ, въ водѣ и бываетъ особливо въ самый полдень лихъ. Лѣшихъ называютъ *Ведашами*, и присвояютъ имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и птицами власть; при чемъ думаютъ также, что они могутъ звѣриные промыслы дѣлать и удачными и нещастливыми. У нихъ есть и злыя богини; но случается, что подъ онымъ, и тѣмъ же самымъ именемъ причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтеніи. Но поелику они громоваго бога (Кудорча) наибольше страшатся, и притомъ вѣрятъ, что плодородіе земли отъ него зависитъ; то многіе ставятъ его въ видѣ одѣтой въ мужеское платье куклы, которую кладутъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ никакого

кого особливаго почтенія, кладутъ только ему черезъ нѣкоторое время по нѣскольку кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣшенныя къ нѣкоторымъ почтеннымъ деревамъ четвероугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересты вырѣзанныя, безъ всякаго въ разсужденіи лицъ или знаковъ изображенія, которыя называются у нихъ *Куда Вадашъ.* Въ прочемъ иные называютъ ихъ идолами, а другіе принесенными лѣшимъ жертвами: однако они у всѣхъ въ почтеніи, и какъ будто представляютъ жертвенники фауновъ.

Службу отправляютъ они богамъ своимъ не въ храмахъ, но на чистыхъ священныхъ мѣстахъ (Кереметь), которыя бываютъ или мирскія (Кога Кереметь), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащія (Шкѣ Кереметь). Они имѣютъ положеніе свое въ священныхъ рощахъ или лѣсахъ; а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести по крайней мѣрѣ одно либо и нѣсколько деревъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочитается. Самое знатное дерево посвящается Юмѣ, другое похуже онаго Юмонъ Авѣ, а прочія кое какимъ божествамъ. Кереметь есть окруженное деревами или другимъ какимъ заборомъ обнесенное мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оно отъ десяти до двадцати саженъ, и три имѣетъ входа: одинъ

къ

къ западу для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводятъ назначенную въ жертву скотину, а третій къ югу для ношенія воды. Подъ знатнѣйшимъ деревомъ стоитъ вмѣсто жертвенника столъ; а не подалеку отъ Кереметя сдѣлана крышка, подъ коею варятъ принесенную въ жертву скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Керемети, да и мущины должны заранѣе вымыться и чистенько приодѣться, и притомъ, когда только можно, не съ пустыми приходить руками. Многіе почитаютъ и самаго Кереметя сильнымъ и благодѣйствующимъ божествомъ; и по тому присвояютъ ему участь въ приносимыхъ жертвахъ и моленіяхъ. Пятница почитается наилучшимъ къ молитвѣ днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдохновеніи отъ трудовъ.

Въ жертву приносятъ лошадей, рогатой скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, утокъ, пшеничные пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ, какъ вареной, такъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ другимъ предпочитаются; пѣгіе совсѣмъ не годятся, а черные въ нѣкоторыхъ только случаяхъ могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары и котораго рода. Жертвенные напитки и пироги надобно приуготовлять дѣвкамъ. Дома ѣсть остатки жертвъ не запрещено и жен-

 щинамъ

щинамъ. Время къ жертвоприношенію опредѣляютъ всегда духовные, которые при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на столъ нѣсколькихъ бобовъ, размѣриваніе пояса и проч., вопрошаютъ своихъ боговъ, какъ о семъ, такъ и другихъ обстоятельствахъ.

Самый большій праздникъ касающійся до всего боговъ семейства, называется у нихъ *Юмонъ Байранъ*. Названіе Байранъ (праздникъ), такъ какъ и омываніе тѣла передъ праздниками переняли они у Татаръ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ смотря по обстоятельствамъ и достаткамъ покупающихъ жертвенную скотину мирянъ черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ четыре года, время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жертвоприношенію день раскладываютъ Мушаны или Карты въ Кереметѣ семь огней, которые въ одинъ рядъ простираются отъ сѣверо запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западѣ огонь посвященъ Юмѣ, ближайшій къ оному Юмонѣ Авѣ, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особливый Мушанъ или Картъ, Пудше; и передъ всякимъ огнемъ, разстилаютъ по сукну, на которое ставятъ жертвенные напитки, медъ сырецъ и пирожное. *Всякій* Удше становится съ жертвенною своею животиною передъ своимъ огнемъ: служащій Юмѣ держитъ жеребца, а состоящій передъ огнемъ Юмонъ

Юмонъ Авы корову, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скошъ или пшицъ. Миряне стоятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы поднявъ къ верьху пирогъ и сосудъ съ напиткомъ, творитъ въ слухъ молитву коротенькую, во время коей предстоящій народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ аминь! послѣ сего молится жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, обливаетъ всякій у дше скотину свою холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ знакомъ, а естьли нѣтъ такой примѣты, то поливаетъ ее еще нѣсколько кратъ: и буде она послѣ седьмаго поливанья не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скотину такъ, чтобъ кровь брызгнула въ огонь; и потомъ очистя внѣ Керемети мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою или намѣтомъ.

Изъ вареныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ жрецъ на блюдѣ въ верьхъ божеству своему сердце, легкое, печенки и голову, молится; а когда возношеніе сіе везлѣ уже кончится, то приносятъ къ жрецу Юмы, который какъ надлежитъ быть первосвященнику, всѣ блюда дѣлитъ на части и подаетъ всякому къ вѣрѣ своей усердствующему по особливой долѣ, которую тутъ же всякъ и съѣдаетъ съ почте-

 ніемъ

нïемъ. Послѣ сего творитъ опять жрецъ молитву. Такимъ же порядкомъ раздаетъ онъ пироги по кускамъ, а напитки по мѣркѣ: въ огонь же ничего не бросаютъ. Кости сожигаются; шкуру съ жеребца вѣшаютъ у Кереметя на дерево: а прочïя кожи делятъ жрецы по себѣ. Остатки жертвъ берутъ съ собою домой, и доѣдаютъ ихъ съ своими домочадцами, и при безпутныхъ иногда увеселенïямъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великïй праздникъ *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ разпахиванïю земли; то деревенскïе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою по желанïю своему что нибудь изъ пищи и питья въ жертву. Картъ при творенïи молитвы и вышеописанномъ поклоненïи мирянъ приноситъ богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жертву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостïю потому, что жены и дѣти ихъ приемлютъ также въ пированïи семъ участïе. *Напо*слѣдокъ взоравъ всякъ на пашнѣ своей по небольшей полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой жатвенной праздникъ (Уткиаде Байрамъ). Послѣ омовѣния ставитъ онъ всякаго рода снятой въ томъ году съ полей хлѣбъ съ небольшимъ количествомъ солоду, напитковъ

и

и испеченныхъ изъ самой свѣжей муки пироговъ, на блюдцахъ въ избѣ своей на столъ. Потомъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жертву противъ солнца, и съ покорностїю благодаритъ богамъ за ихъ благословенїе; послѣ чего угощаютъ своихъ приятелей.

Первенствующїй Вотятскїй богъ есть такъ называемый *Илмеръ*, коего жилище кладутъ они на небесахъ, и вѣруютъ, что все видимое ихъ глазами есть его творенїе. День празднества установленъ ему во время весны, и моленїе бываетъ по среди поля, куда сходятся женщины и мущины, прося его, дабы онъ умножилъ плодородїе въ ихъ земляхъ. Какъ сей Ильмеръ есть могущественнѣйшїй изъ всѣхъ другихъ боговъ, то жертва ему посвященная согласна съ его величествомъ, потому что всѣ закалаемыя животныя должны быть бѣлой шерсти, каковыя суть лошадь, корова, овца и теленокъ.

По Илмерѣ заступаетъ первое мѣсто богиня называемая Калдыни Мумасъ, о которой Вотяки сказуютъ, что она есть матерь Илмера. Вотятскїя женщины молятъ ее о рожденїи дѣтей, а дѣвицы о благополучномъ замужствѣ и въ жертву приносятъ бѣлую овцу. Сей богинѣ установлены два празднества: одно публичное, гдѣ совокупно все женское общество при-

носитъ ей обыкновенную жертву; а другое частное или домашнее, въ которомъ каждаго дому хозяйка можетъ ей жертвовать во время нужды своей.

Вторая богиня называемая Шунду Мумы, и есть матерь солнца. Ее молятъ во время оспы и другихъ болѣзней на дѣтяхъ ихъ случающихся. Всеобщее празднество уставлено для нее въ день святыя пасхи: а жертва ей приносимая есть пшеничный хлѣбъ и свареная изъ ячменныхъ крупъ каша. Вотяки въ деревняхъ живущіе, отправляютъ сіе празднество такимъ образомъ: избравъ въ полѣ или въ лѣсу какое нибудь чистое мѣсто, сходятся на разсвѣтѣ дня всѣ, какъ мужескій, такъ и женскій полъ, а старшій изъ ихъ общества пріемлетъ хлѣбъ, и чашу кашею наполненную въ руки свои: потомъ всѣ падаютъ на колѣна, и смотря на солнце, вопіютъ: мати солнца, спаси отъ болѣзни дѣтей нашихъ; выговоривъ сіи молитвы, преклоняются лицами къ землѣ; а послѣ возставъ, ѣдятъ всѣ вмѣстѣ жертвенную пищу. Конецъ празднества язычниковъ есть пьянство и другія веселыя упражненія являющія знаки торжества.

Вотяцкое суевѣріе, такъ далеко простирается, что самыя неодушевленныя вещи пріемлютъ отъ нихъ почтеніе боговъ. Изъ числа ими обожаемыхъ вещей знатнѣйшій есть, такъ называемый Модоръ, который

ни

ни что иное, какъ вѣтви пихтоваго дерева. Сколь благоговѣйно чтутъ они сїи священныя вѣтви, тому послужитъ доказательствомъ то, что они говорятъ о немъ; ,, Сїе
,, есть одно изъ первенствующихъ вещей
,, нами обожаемыхъ, и то самое, которое
,, называемъ мы Модоромъ или богомъ хра-
,, нителемъ домовъ нашихъ: и естьли ко-
,, снется имъ рука, не только инозаконныхъ,
,, но и тѣхъ самыхъ, которые ихъ обожа-
,, ютъ, то непремѣнно покой семейства мо-
,, его, и самое благополучїе наше разрушит-
,, ся какимъ нибудь нещастливымъ случаемъ,,
Должность снимать его съ мѣста, имѣетъ одинъ престарѣлый Вотякъ, живущїй въ ихъ деревнѣ; когдажъ онъ умретъ, то мѣсто его заступаетъ сынъ его, а буде нѣтъ кровнаго наслѣдника, то ближайшїй изъ родственниковъ его можетъ брать священныя вѣтви. По прошествїи каждаго года предъ вѣтвями, служащими имъ за образъ домашняго ихъ бога, убиваютъ на жертву молодаго теленка, коего уши кладутъ на ту доску, гдѣ лежатъ пихтовыя вѣтви, а та храмина, гдѣ оныя вѣтви пребываютъ, служитъ вмѣсто храма Модору посвященнаго: ибо жертвеннаго тельца убиваютъ посреди сего мѣста.

Естьли какому нибудь Вотяцкому дому понадобятся другїя вѣтви, то онъ не прежде можетъ ихъ получить, какъ по

смерти того старика, который предъ вѣтвями отправлялъ должность священника. Молодый его наслѣдникъ имѣетъ право удовольствовать желанїе просящаго: но все сїе долженъ онъ сдѣлать безъ корысти.

Черемиса, живущїе близъ береговъ рѣки Таныпа, чтутъ также оныя вѣтви, которыя называютъ они Лудоводошъ, то есть домашнїй богъ. Жертвоприношенїе различествуетъ только тѣмъ, что Черемиса посвятили ему чернаго барана. Сей богъ не есть общественный богъ для всего Черемискаго и Вотятскаго народа: ибо между ими есть такїе, которые не дѣлаютъ ему ни жертвы, ни почтенїя.

Какъ ни почитаютъ Вотяки пихтовыя вѣтви, однакожъ древеса ихъ не изъяты отъ употребленїя на домовыя строенїя. Они хранятъ только одно дерево, стоящее въ дремучемъ лѣсу, которое избравъ ихъ прародители назвали Модоромъ, и потомки ихъ довольствуются вѣтвями на нихъ выростаемыми.

Вотяки будучи издревле охотники до бортевыхъ пчелъ, вздумали, что надлежитъ обожать и дятла, какъ такое животное, которое живучи въ лѣсахъ причиняетъ вредъ бортевымъ деревьямъ. Они поймавъ плетеницами дикую утку, рѣжутъ въ своихъ лѣсахъ, и сїя есть жертва дятлу посвященная; внутренность ея оставляютъ въ

лѣсу

лѣсу на пищу дятлу, а прочее варя ѣдятъ сами.

Киреметь имѣетъ также почтенїе отъ Вотяковъ, и день празднества установленъ ему во время начатїя пашни. Тогда убиваютъ они въ жертву черного барана, котораго покупаютъ на общїя деньги; во время случающихся съ ними болѣзней ищутъ они спасенїя у Кереметя; а гаданїе лукавыхъ ворожецовъ объявляетъ имъ, какая жертва будетъ ему прїятна. Все дѣйствїе сихъ отгадчиковъ, которыхъ Вотяки Тунами называютъ, состоитъ въ томъ. Они взявъ деревянную ложку, наполняютъ ее водою; потомъ кладутъ въ нее серебреную копѣйку: но по чему узнаваютъ они желанїе боговъ, то, какъ таинство имъ однимъ извѣстное, не объявляютъ простому народу. Довольно того: люди непросвѣщенныя и непонимающїя ихъ коварнаго дѣйствїя, исполняютъ повелѣнїе ихъ такъ священно, что естьлибъ прореченная жертва стоила ему лишиться большей части своего богатства; однакожъ болѣзнїю стражлущїй человѣкъ безпрекословно все исполнитъ.

Остяки изъ давнихъ времянъ почитали нѣкоторую богиню, которая съ сыномъ своимъ нагая сидитъ на стулѣ: ей приносятъ многую жертву и дары, и просятъ, чтобъ даровала она имъ щастїе въ охотѣ, въ рыбной ловлѣ и въ прочихъ ихъ промыслахъ,

слахъ. Кто обѣщался принесть ей нѣчто въ жертву, и не исполнилъ своего обѣта, такой мучимъ и терзаемъ былъ до тѣхъ поръ, пока не освободился отъ своего обѣщанія; и ежели кто приносилъ жертву не отъ добраго сердца, такъ что онъ о томъ нѣсколько сожалѣлъ, тотъ умиралъ скоропостижною смертію.

Чуваша и Мордва, хотя просвѣщены святымъ крещеніемъ, однако между ими попадаются семьи, которыя живутъ по старой вѣрѣ, и рѣдкую можно найти деревню, при которой бы не были видны остатки прежняго ихъ богомолія. Они избираютъ на такой конецъ мѣсто нѣсколько отдаленное отъ своего жилища въ лѣсу, куда для тишины, и можетъ быть и для возбужденія потомковъ своихъ къ люблен'ю лѣсовъ, дабы тѣмъ удовлетворить ихъ сохраненію, удаляются: а не для сокрытія себя отъ иновѣрцовъ, какъ нѣкоторые пишутъ; ибо кому не извѣстно, что уже въ самую глубокую древность, язычники чрезъ такой набожности предмѣтъ сохраняли свои лѣса, посвящая ихъ въ покровительство разнымъ ими обожаемымъ идоламъ. Мѣсто богомолія Чуваша называютъ Ирзямъ, а Мордва Кереметь, и которое не иное что есть, какъ четвероугольная площадь тыномъ, или пряслами огороженная,

ная, и имѣетъ трои ворота, съ востока, запада и сѣвера. Съ восточной стороны вводятъ они жертвенной свой скотъ, въ западныя ворота входятъ люди, а чрезъ сѣверныя приносятъ воду. Неподалеку отъ восточныхъ воротъ вкапываютъ три столба, изъ которыхъ къ одному привязываютъ жертвенную лошадь, къ другому быка или корову, а къ третьему овецъ, и называютъ сіи столбы Тиржигать. При западныхъ воротахъ врываютъ еще три столба, *Оба* на ихъ языкѣ. По введеніи жертвеннаго скота, привязываютъ они прежде къ восточнымъ столбамъ, при томъ закалаютъ при западныхъ. По заклатіи жертвы, кожи животныхъ развѣшиваютъ на восточныхъ столбахъ, на которыхъ кожи мѣлкихъ животныхъ изчезаютъ, а крупныхъ, какъ-то, лошадей и рогатаго скота продаютъ, и покупаютъ на оныя деньги соль для будущаго богомолія. Въ сторону отъ западныхъ воротъ поставляютъ калду или повѣть, посрединѣ которой врываютъ два столбика съ поперешникомъ, дабы удобно можно было навѣшивать котлы, для варенія закладныхъ животныхъ; и сіе мѣсто называется у нихъ Харай Жигать, т. е. кухня. У сѣверныхъ воротъ сдѣланъ полокъ или широкая лавка, на которой они разрѣзываютъ свареное мясо на столько кусковъ, сколько богомольцовъ, и лавку сію называютъ Хума.

Когда

Когда они предпринимаютъ свое богомолiе, тогда всѣ вообще омываются водою, или въ банѣ, и надѣваютъ чистое платье: малолѣтныя остаются въ домахъ, а на богомолья ходятъ одни пожилыя обоего пола. Обыкновенное ихъ богомолiе отправляется по пятницамъ. Сей день они уже никакой работы не отправляютъ; но въ торжествованiи препровождаютъ время. Богомольные ихъ обряды состоятъ въ слѣдующемъ; со всей деревни собираютъ солодъ, сырой медъ и прочiя надобности къ варенiю пива и меда; и наваривъ довольное количество, выносятъ на мѣсто богомолiя, всякъ со своей стороны смотря по достатку; на оное же мѣсто приводятъ лошадь, корову, или овцу, или гуся живыхъ; но свиней никогда на мольбу не употребляютъ. Собравшiеся всѣ вмѣстѣ, Iомзя или старшiя изъ нихъ, убиваютъ приведенной скотъ на мѣстѣ, и обрядивъ разкладываютъ огонь, и варятъ все въ кашицѣ. Сваривъ все, разливаютъ по чашамъ кашицу, и разкладываютъ говядину; распорядивши, начинаютъ молиться на востокъ всемъ миромъ, и просятъ того, что кому потребно: вышнiй боже, дай богъ хлѣба, дай богъ скотину, дай богъ рабятъ за скотиною ходить, былъ бы я здоровъ; помилуй богъ: чего прошу, того дай: скотины больше дай, дай богъ дѣтей; богъ великiй государь! чего прошу,

того

шого дай: дай богъ больше денегъ. Прогоборя сїе, стоятъ долго во всякой тишинѣ, потомъ становятся на колѣна, и постоявъ на колѣнахъ, падаютъ три раза ничкомъ на землю. Удивительно, что сїе поклонение взято у Татаръ, которые такое же въ обыкновенїи имѣютъ. Мольба ихъ продолжается около четырехъ часовъ, а по окончанїи оной садятся за столъ, и по лавкамъ, ѣдятъ и пьютъ, что у нихъ было уготовано. Послѣ обѣда вторачно начинаютъ молиться, такимъ же образомъ чрезъ два часа; оставшееся послѣ ихъ стола все раздѣливъ по равну между собою, берутъ домой и одѣляютъ своихъ домашнихъ.

Сїе ихъ общее богомолье бываетъ во время недороду хлѣба, при томъ также въ изобильныя годы въ знакъ своей благодарности, когда уберутся хлѣбомъ въНоябрѣ мѣсяцѣ, которой они Цюгуй называютъ, во время засухи, мокроты и поветрїя.

Солнце и луну не только за божество почитали, но и приносили жертву солнцу въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а лунѣ въ новомѣсячїе, съ тою только разностїю, что симъ своимъ божествомъ не самоважную свою жертву упитаннаго жеребца, приносили, но другихъ животныхъ, какъ-то, овецъ, гусей и прочая, съ сею молитвою Мордва солнцу: Вышнее солнце

це свѣтитъ все царство, свѣти и намъ и на нашъ миръ. Новомѣсячїю, мѣсяцъ свѣтитъ во все царство, освѣщай насъ и хлѣбъ нашъ.

Кромѣ всеобщаго богомолїя бываетъ у нихъ участное, которое отправляется у каждаго въ домѣ. Время богомолїя избираютъ они передъ обѣдомъ, приготовя овцу, или гуся, которые должны быть домарощеные, ибо на молитву покупать животныхъ за грѣхъ вмѣняется; а бѣдные въ случаѣ недостатка на мольбу употребляютъ густую кашу; нарядивъ на столъ, ставятъ и зовутъ за оной всѣхъ своихъ домашнихъ, не выключая и женатыхъ дѣтей; а степенные или старикъ со старухою, ставъ у дверей, и отворивъ оныя, молятся такимъ же образомъ, какъ выше упомянуто. Естьли того дому старикъ не въ состоянїи отправлять сего богослуженїя; то просятъ посторонняго человѣка старику солѣтняго, или старше; а моложе брать не дозволяется. Такїя участныя богомолїя ввелися у нихъ въ то время, когда они болѣе стали быть знакомы съ Россїянами, и переняли у нихъ, такъ называемые годовые праздники.

У Чувашъ Алаторскаго уѣзда бываетъ въ срединѣ Керемети деревянная хижина съ дверью на востокъ, въ которой ѣдятъ жертву стоя; и для того поставлены тамъ длинные и скатертями покрытые столы. Въ

сре-

срединѣ оной хижины воткнутъ въ землю длинной сквозь кровлю проходящій шестъ, на которомъ въ верьху утверждено, съ низу плоское, а къ верьху острое желѣзное кольцо; сему значку не отдается никакого почтенія, и въ простыхъ отверстыхъ Кереметахъ никогда онаго не бываетъ.

Лопари будучи язычниками вѣровали, да и теперь вѣруютъ въ Юбмела, общаго бога; и думаютъ при томъ, что кромѣ его есть еще добрые и злые мужескаго и женскаго пола божки и богини меньшаго достоинства, живутъ и правительствуютъ они, по мнѣнію ихъ, либо въ небѣ, какъ Юмбелъ и Редіанъ, пріемлющій къ себѣ тѣхъ, кои жили благочестиво, либо на воздухѣ, какъ Беиве (солнце), Горангелисъ, называемый также Ая Иторъ, и значущій грозу, Буагъ, Олмаи располагающій бурями и порывистыми вѣтрами, либо на землѣ на святыхъ горахъ, какъ Леибъ Олмаь, богъ звѣроловства Мадеракко съ тремя своими дочерьми богинями, женскія дѣла устроющими и судящими, Саивс Олнгакъ, нагорные волшебниковъ боги и проч. Подъ земною же поверхностію обитаютъ, по ихъ разсужденію, и владычествуютъ, Ямбе Акко, мать смерти, у которой разлучившіяся съ тѣломъ души пребываютъ до самаго рѣшенія ихъ судьбины, а въ средоточіи земли или ада, гдѣ Пескалъ, глава злыхъ духовъ, господствуетъ

надъ

надъ беззаконниками Рота и другіе боги. Они вѣрують также, что и въ водѣ есть злые боги и богини; въ прочемъ боятся они кобольда, вѣдьмъ, лѣшихъ, русалокъ и проч. Разные Лопари имѣютъ не рѣдко совсѣмъ отмѣнную о всѣхъ вообще, или о нѣкоторыхъ только богахъ вѣру, и при томъ не токмо между собою не согласны въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдуютъ еще и чуждыхъ боговъ и духовъ.

Святыя горы служатъ имъ вмѣсто капищъ, и заимствуютъ всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣръ Стиренъ Алла, олень горы Стира: не меньше почитаютъ они святыя озера (Аилекасъ Яувра), и рѣки (Пассе Іокъ), во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя деревья, на коихъ видны разные Лопарями начертанные виды, а по близости оныхъ находятся сдѣланныя ими отъ трехъ до пяти футовъ въ вышину жертвенники. Мѣста сіи кажутся и принявшимъ уже Христіанской законъ Лопарямъ такъ страшны, что не смѣютъ безъ жертвы къ нимъ приближиться, и потому они въ околицѣ оныхъ, ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ, наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать такихъ мѣстъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянные безобразные изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенные идолы. Первыхъ называютъ они па-

жами,

жами, а послѣднихъ, кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ, и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ странно сгромощенныхъ камней, нарицаютъ Сеитами. Когда ловятъ они въ таковыхъ озерахъ рыбу, то должно имъ наблюдать безмолвіе, не водить за собою собакъ, не брать себѣ въ подмогу женъ и проч.

Жертвы приносятъ они по случаю болѣзней, падежа оленей, безплодныхъ женидьбъ и другихъ времянныхъ угнѣтенiй. Волшебникъ долженъ имъ сказывать, къ какому божеству надобно имъ обратиться, также какую и гдѣ надлежитъ принесть жертву и проч. на такой конецъ употребляетъ онъ иногда волшебной свой барабанъ, который есть не иное что, какъ продолговатый круглый съ одной стороны кожею обтянутый ящикъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представлены изображенiя небесныхъ свѣтилъ, также звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ и сему подобнаго. Волшебникъ положа на оную кольцо, и ударя колотушкою, которую составляетъ мохнатый оленiй рогъ, можетъ по мнѣнiю Лопарей узнать потому изображенiю, на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ до прошедшаго и будущаго касающiеся вопросы. Они призываютъ также барабаномъ своимъ

и духовъ. При чемъ тѣло ихъ обмираетъ, а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Держащіяся таковыхъ мнѣній люди, которыя при томъ и по сложенію своему пугливы, должны изобиловать сновидѣніями, страшилищами, суевѣріями и сказками: да у нихъ и подлинно всего того довольно: мѣдвѣдя н. п. называютъ они не симъ именемъ, но подшубнымъ старикомъ. Они вѣрятъ, что ихъ чародеи могутъ производить и прерывать вѣтры и дождь, также призывать и прогонять несѣкомыхъ, разговаривать съ духами и проч., но при томъ говорятъ, что громъ ихъ преслѣдуетъ, и что если бы не было грому, то волшебствомъ уничтожилась бы вселенная. Нѣкоторымъ реченіямъ и образованіямъ присвояютъ они особливыя силы, и держатся другихъ симъ подобнымъ нелѣпостей.

Народы обитающіе на Курильскихъ островахъ за Камчаткою, въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сіи стружки называютъ Ингулъ или Иннаху, содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами съѣдаютъ; а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостію оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ,

жекъ, въ прочемъ носятъ съ собою оныя стружки во всякіе опасные пути на море, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ Сувои, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, который тѣмъ умилостивить надѣются.

Гаданіи, оныя суть множественныя и различныя: ученыя люди выдавали сочиненія свои гадательные на нѣсколько вѣковъ, столѣтніе календари и времянныя гадательныя книжки, по теченію планетъ, или кому какъ вздумалось, гадаютъ картами, костьми, бобами, тыковными сѣменами и прочимъ. Древніе Славяне употребляли гадательства: 1. метаніе въ верьхъ деревянныхъ кружковъ, съ одной стороны бѣлыхъ, а съ другой черныхъ. Когда брошенные кружки упавъ ложилися бѣлою стороною въ верьхъ, то знаменовало сіе доброе предвѣщаніе; а когда упадали бѣлымъ въ низъ, то худое; когдажъ ложились одинъ бѣлымъ, а другой чернымъ въ верьхъ, то значило посредственное; 2. производилось конемъ святовидовымъ *см. Святовидъ*; 3. выводилось изъ оборотовъ и крику летающихъ птицъ; 4. изъ крика животныхъ и изъ встрѣчи оныхъ; 5. изъ движенія пламени и дыма; 6. по теченію воды по пѣнѣ и струямъ; 7. по располагаемымъ прутикамъ и прочая, а по деревнямъ нашимъ слѣдующія происходятъ:

1.

1. Поютъ дѣвушки, такъ называемыя подблюдныя пѣсни; собравшись ставятъ на столъ красное деревянное блюдо, покрываютъ его большимъ платкомъ, и кладутъ на платокъ кусокъ хлѣба и холоднаго угля, потомъ всякая загадываетъ на перстнѣ, на кольцѣ, на наперсткѣ, на запанкѣ, или на другой какой нибудь малой вещи, и перекрестя блюдо той вещью, кладетъ подъ платокъ всякая. Во первыхъ поютъ пѣсню хлѣбу, и по окончанїи ломаютъ его и уголь на кусочки, и раздѣляя по себѣ, завертываютъ въ рукавъ рубашки, съ которыми и спятъ для долженствующей быть сонной грезы. На конецъ припѣвая къ каждой пѣснѣ. *кому вынится, тому сбудется*, вынимаютъ свои вещи, и по содержанїю пропѣтой для нее пѣсни предъугадываютъ свою участь, щитая то за неложное.

2. Сидя въ пустой горницѣ, смотрятся въ зеркало: дѣвица приходитъ въ пустую комнату одна, принеся съ собою два прибора, зеркало и свѣчу, ставитъ все оное въ порядкѣ на столъ, и сѣвъ противъ зеркала гадаетъ, *суженой ряженой, приди ко мнѣ ужинать*. Минутъ за пять передъ его приходомъ начинаетъ зеркало тускнуть, а дѣвушка протираетъ его нарочно для того изготовленнымъ полотенцомъ; наконецъ придетъ нѣкто, и смотрится черезъ ея плечо въ зеркало; и когда невѣста раз-

смо-

смотритъ всѣ черты на его лицѣ, тогда закричитъ, *чуръ сего мѣста*: то дьяволъ тотъ, который принималъ на себя образъ ея жениха, изчезнетъ, и дѣвица съ того времяни жениха своего знать уже будетъ точно. Но сїе учинитъ робкая, а иная не такъ боязливая не будетъ еще чурать, и женихъ, или принявшїй его на себя образъ дьяволъ переставъ глядѣться, сядетъ съ нею за столъ, и вынявъ изъ кармана ножичекъ или перстень, или что другое, положитъ на столъ, тогда уже дѣвушка зачураетъ, и сїя положенная вещь остается ей въ добычу, и дѣйствительно бываетъ оная похищена тогда у ее жениха, что многїя увѣряютъ.

3. Носятъ кожу коровью или коневью къ проруби, и тамо садятся на нее, очертясь кругомъ отъ проруби огаркомъ, нарочно для того изготовленнымъ. По времяни выходятъ изъ проруби водяные черти, взявъ кожу и съ тою особою, которая сидитъ на оной загадавши, носятъ мгновенно въ дальнїя разстоянїя, напримѣръ: въ домъ будущаго жениха и прочая. По окончанїи же сей работы, желаютъ присвоить себѣ сѣдящую на кожѣ, и съ великимъ стремленїемъ летятъ къ проруби, дабы погрузиться съ нею въ воду, гдѣ успѣвать должно выговорить при самой проруби *чуръ сего мѣ-*

 ста,

ста, чѣмъ спасти себя можно, а инако слѣдуетъ неминуемая погибель.

4. Льютъ олово или свинецъ, воскъ и золото въ воду, загадывая прежде, и какое изображенїе выльется, то и вѣрятъ крѣпко, что то въ жизни съ ними случится.

5. Слушаютъ подъ окнами, загадавъ прежде, и какое слово отъ бывшихъ въ избѣ услышатъ, по потому и располагаютъ свою судьбину.

6. Выходятъ за ворота съ первымъ кускомъ въ рощу, и спрашиваютъ у мимоидущаго объ имени, вѣря, что тѣмъ именемъ мужъ ее будущїй называться будетъ.

7. Полютъ снѣгъ, и въ которую сторону броситъ оной, то и слушаетъ тамо, какая прежде собака залаетъ, ежели толстымъ голосомъ, то быть ей за старымъ мужемъ, а когда тонкимъ, то быть за молодымъ.

8. Берутъ въ темнотѣ изъ полѣнницы полѣно, и когда оное гладко, то мужъ будетъ хорошей, а ежели суковато и съ трещинами, то дурной и сердитой. Другїяжъ вѣрятъ, когда полѣно суковато, то быть за богатымъ, а когда попадаетъ ей гладкое, то быть за бѣднымъ.

9. Снимаютъ ночью куръ съ насѣсти, и принеся въ горницу, даютъ клевать щотомъ пшеницу, или другой какой зерни-

нистый хлѣбъ; а потому и отгадываютъ будущую свою участь.

10. Слушаютъ сидя у окна въ горницѣ въ то время, когда уже всѣ лягутъ спать, то дѣвица загасивъ огонь, сядетъ къ затворенному окошку, загадавъ, *суженой, ряженой поѣзжай мимо окна.* Чрезъ нѣсколько времяни находящаяся въ страхѣ дѣвица слышитъ мимо окна ея ѣдущихъ кричащихъ и свистящихъ людей, что толкуетъ она добрымъ знакомъ веселой ея жизни, а когда проѣзжаютъ или проходятъ тихо, то значитъ бѣдное состоянïе жениха.

11. Вывѣшиваютъ бѣлое полотенцо изъ окошка ночью, гадая, *суженой, ряженой приди и утрися.* Ежели по вывешенïи скоро полотенцо оное будетъ намочено, то значитъ, что тогожъ года быть дѣвицѣ за мужемъ; а ежели къ утру, то еще не быть долго; а когда по утру сьиметъ сухо, то не быти никогда.

12. Слушаютъ у церкви, ходятъ ночью къ церковнымъ дверямъ или окнамъ, и загадавъ слушаютъ, и когда поютъ, послышится имъ надгробныя пѣсни, торазумѣется дѣвушкѣ въ тотъ годъ умереть; а когда брачныя, то быть за мужемъ.

13. Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ, и кладутъ его подъ подушку во время сна, загадывая, *кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня чрезъ*

мостѣ. Сїе разумѣется, что должно ей во снѣ то присниться.

14. Ѣдятъ пересолъ въ то время, какъ ложатся спать. Дѣлаютъ какую нибудь пищу, соля ее весьма круто, для того, чтобы ночью имѣть жажду; и ложатся загадавши, *кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ пить мнѣ подастъ.*

15. Слушаютъ въ банѣ, ходятъ ночью къ банѣ, и пришедъ отворятъ у оной двери, и оборотившись задомъ въ двери, и открывъ задницу, наклоняются и гадаютъ, *шени меня, мани меня куньимъ хвостомъ по голой задницѣ*, и когда почувствуетъ, что прикоснулось къ ней нѣчто мохнатое, то значитъ жить богато; а когда что холодное, то бѣдно.

16. Ходятъ въ сарай, гдѣ стоятъ свиныя туши, отъ которыхъ слышится имъ голосъ, а по оному и опредѣляютъ будущую свою судьбину.

17. Бросаютъ башмаки черезъ ворота на улицу, и въ которую сторону ляжетъ оной наскомъ, въ той сторонѣ и быть ей за мужемъ; а когда къ воротамъ, то въ томъ годѣ еще не выдадутъ.

18. Ходятъ на перекрестокъ съ зеркаломъ, и имѣя за плечьми мѣсяцъ, смотрятъ въ зеркало. загадавъ, *суженой, ряженой покажися мнѣ въ зеркалѣ*, которой также приходитъ, какъ и въ пустой избѣ.

19.

19. Садятся на лошадь, и завязываютъ ей глаза, и потомъ даютъ волю лошади, въ которую сторону сама она пойти похочетъ, то и вѣрятъ, что въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ за мужемъ.

20. Сажаютъ пѣтуха и курицу подъ решето, связавши ихъ хвостами, и которая изъ нихъ повлечетъ за собой другую, то по тому и исполнятся загадавшей брачные обряды.

21. Слушаютъ у житницы: здѣсь слышится имъ пересыпка хлѣба, шумъ отъ жерновъ, или работа на гумнѣ, многолюдство работниковъ и прочая, а потому и узнаютъ, жить ли богато или убого.

22. Вывѣшиваютъ ключи за окошко, и когда пришедъ нѣкто пошевелитъ оные, тогда дѣвушка спрашиваетъ его объ имени, и оной нѣкто, то есть лѣшій, или другой дьяволъ отвѣтствуетъ то имя, которымъ называется ее будущій женихъ.

23. Кладутъ подъ головы гребень, загадывая, *суженой ряженой причеши мнѣ голову*, и увѣряютъ, что во снѣ приходитъ дьяволъ, во образѣ будущаго ее жениха, и причесываетъ ей волосы.

24. Аукаютъ выбѣгая изъ двора, и въ которой сторонѣ будетъ отзываться exo, въ ту сторону выдадутъ ее за мужъ, а при томъ примѣчаютъ скоро, или продолжительно, тонко или толстоголосо.

25. Ложатся навзничь въ снѣгъ, и по утру ходятъ осматривать, ежели оное вылеглое мѣсто гладко, то мужъ будетъ смирный и спокойный, а ежели изсѣчено, то вздорный и драчливый.

26 Кладутъ на столъ три шапки, и гадаютъ также, какъ и о прочемъ сбытіи будущей ихъ судьбины.

27. Сучатъ нитки, и пускаютъ въ воду, по извиванію коихъ въ водѣ располагаютъ свое гаданіе, къ добру, или худу.

28. Слушаютъ подъ вереею, въ томъ упованіи, что отъ того познаютъ, какова ремесла будетъ ее мужъ, и увѣряютъ, что слышатъ иногда скрыпитъ перо, то быть за подьячимъ, иногда хлопаетъ, то быть за кучеромъ и прочая.

Черемиса и Чуваши приводя скотину на мѣсто убіенія, обливаютъ ее холодною водою, и примѣчаютъ, естьли она почувствовавъ возливаемую на себя воду, вздрогнетъ и встрехнется, то гаданіе въ пользу приносящаго жертву совершится, естьли же будетъ стоять неподвижно, то сіе предвѣщаетъ имъ печаль или бѣду, и тогда уже въ жертву назначенная скотина бываетъ избавлена отъ приготовленной ей смерти, и брошена такъ какъ противная богамъ. Съ великимъ сокрушеніемъ отходятъ они отъ мѣста своего моленія, ибо по мнѣнію ихъ, нѣтъ никакой надежды

уми-

умилостивить разгнѣванное божество, и отвратить стремящуюся на нихъ печаль. Такимъ образомъ гадаютъ они во время болѣзни и во время случившихся съ ними бѣдъ. *см.* Вѣра и Святовидъ.

У Черемисъ, Чувашей и Вотяковъ ворожея взявъ бобовъ числомъ сорокъ одинъ разводитъ оные по столу при всѣхъ людяхъ, и передвигаетъ съ мѣста на мѣсто долгое время, не спуская глазъ съ оныхъ. Напослѣдокъ приказываетъ, на какомъ мѣстѣ, и въ который день и часъ молитву отправить, и какую скотину для умилостивленія прогнѣваннаго ихъ бога въ жертву принести должно. Черемиской Мушанъ и Чувашской Іоамасъ берутъ иногда свой поясъ, и мѣряютъ онымъ локоть до перстовъ своихъ рукъ. Чувашскіе берутъ два маленькіе куска хлѣба, да два угля ставятъ оные на столѣ одинъ противъ другаго, а между ими въ срединѣ кладутъ еще кусокъ хлѣба и втыкаютъ въ оной иглу, потомъ поднявъ вверьхъ руку смотрятъ, на которую сторону та игла съ кускомъ хлѣба наклонилась, къ кускамъ ли хлѣба, или къ углямъ. Однако при семъ не даетъ онъ никакова изъясненія и прорѣканія, но токмо приказываетъ, что дѣлать должно. Вотяцкой Тона беретъ на руку нѣсколько носоваго табаку, или наливаетъ въ чашку вина, и мѣшая оное лопаткою, или ножикомъ

комъ, смотритъ весьма пристально въ чарку не малое время, закалаютъ у воротъ курицу на дорогѣ, и бросаютъ оную на землю, ежели курица не трепещется, то почитаютъ предпрїятый путь щастливымъ, а буде трепещется, то опасаются нещастїя; и для того весьма берегутся.

Гаечъ, Адскїй Камчадальскїй богъ. *смотр*: Вѣра.

Галапъ, такъ называютъ Калмыки вѣки, или епохи отъ сотворенїя мїра, и числятъ оныхъ четыре. *смотр*: Вѣра.

Гебку, такъ называютъ Калмыки своего пономаря. *смотр*: Вѣра.

Гегиль, такъ называется у Калмыковъ ихъ дьяконъ. *смотр*: Вѣра.

Гелюнь, Калмыцкїй попъ. *смотр*: Бракъ и Вѣра.

Гемонь, такъ называютъ Калмыки чернаго своего священника. *смотр*: Вѣра.

Георгїевъ день, то есть 23 Марта, неотмѣнно должно выгонять скотину въ поле, а кто въ сей день заводитъ шумъ, то вѣрятъ, что того неотмѣнно убьетъ громомъ.

Глаза свербятъ, у кого засвербитъ подъ глазами, тому въ тотъ день о чемъ нибудь плакать.

Гнилой хлѣбъ. *смотр*: Громъ.

Голенище, естьли кто изъ малолѣтныхъ крѣпко спящїй испускаетъ урину на по-

постелю, то того сѣкутъ голенищемъ, вѣря, что оное къ прекращенію того великую имѣетъ силу.

Голуби, ежели влетитъ въ горницу въ растворенное окно голубь, то вѣрятъ, что предвѣщаетъ то, или кому нибудь въ домѣ умереть скоро, или быть пожару.

Горангелисъ Ая Иторъ, Лопари признаютъ сего богомъ грозы. См. Вѣра.

Горохъ, всѣ простолюдины увѣряютъ, что естьли въ ночи на Рождество Христово и Богоявленіе не будутъ видимы звѣзды, въ тотъ годъ гороху сѣять не должно, а чѣмъ больше звѣздъ видимо бываетъ, тѣмъ и урожай онаго бываетъ сильнѣе.

Гостепріимство, когда Камчадалъ подружиться желаетъ съ другимъ, то зоветъ будущаго своего друга въ гости, и топитъ для него юрту весьма жарко, и готовитъ всякаго кушанья, какое у нихъ за лучшее почитается, такъ много, что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленіи гостя въ юрту, и гость и хозяинъ раздѣваются до нага: хозяинъ скутавъ юрту, подчиваетъ его приготовленнымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ превеликую чашу; а между тѣмъ, какъ гость щербу пьетъ или хлебаетъ, хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое каменье, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость старается все, что у хозяина пристря-

стряпано, съѣсть, и жаръ его вытерпѣть; а хозяинъ старается принудить, чтобъ гость взмолился, и просилъ свободы отъ пищи и жару; въ противномъ же случаѣ, сколько гостю то за удовольствіе, столько хозяину за скупость и безчестіе причитается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и изъ юрты выходитъ воленъ; но гость по тѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя признаетъ. Во время ѣзды рветъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по три, не токмо ѣсть, но и глядѣть на пищу безъ движенія не можетъ.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару терпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупается отъ того собаками, платьемъ, или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напротивъ того получаетъ отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего платья обноски, вмѣсто добрыхъ собакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почти ходить не могутъ, однакожъ оное за обиду не почитается, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же тотъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гости, то обранной пріѣзжаетъ вторично въ гости, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое полу-

лучить отдарки. Хотя гость, какъ у нихъ обычай, ни чего о причинѣ приѣзда своего не объявляетъ, однакожъ хозяинъ о томъ уже вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности, а буде ни чемъ не подаритъ, то гость переночевавъ у него, запрягаетъ собакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ, потыкая оштоломъ въ землю, пока что нибудь получитъ отъ своего друга; ежели же другу его, или отдарить случится не чемъ, или онъ скупости не захочется, то гость уѣзжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ. Но сіе весьма рѣдко случается: ибо обидѣть друга своего за такое почитается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружиться: ибо естьли кто кого позвавъ въ гости, не столько какъ надлежало, употчиваетъ, то сіе вмѣнялось за такую обиду, которую не инако, какъ погубленіемъ мстить надлежало, въ коемъ случилось толь толь непріятельское дѣйствіе. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои требовать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ не морятъ, и подарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ нерпичьимъ или китовымъ жиромъ, то хозяинъ накроя жиру ремнями, становится пе-

передъ сидячимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича, будто съ сердцовѣта, а ножемъ отрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ни чѣмъ, кромѣ объявленнаго способа достать не можно; ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя не потребовалъ, отказать ему стыдно, чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго острога, нѣкоторой казакъ изъ новокрещенныхъ Якутовъ. Онъ имѣлъ у себя по тамошнему обычаю друга изъ Камчадаловъ: и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими образы достать оную, однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Казакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновенію: зазвалъ его въ гости, вытопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верьхней полокъ, началъ подчивать, не поддавая на каменку; но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ не довольной жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ поддавать и столько наподдалъ, что и самому быть въ банѣ нестерпимо было; чего

ради

ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, которому сіе дозволяется, изъ бани вонъ, и стоялъ въ передбанникѣ, а между тѣмъ отворяя двери, безпрестанно поддавалъ на каменку, и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолиться; но казакъ мучилъ по тѣхъ поръ, пока Камчадалъ обѣщалъ ему отдать, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное подчиваніе Камчадалу пріятно было: онъ клятвою утверждалъ, что съ роду не видалъ такого жару, и никогда не могъ надѣяться, чтобъ казаки гостей, такъ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища, не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но казака онаго дружество, яко доброе прославлялъ у своихъ товарищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Рускихъ ни мало не умѣютъ гостей подчивать.

Громъ, простыя люди говорятъ, что когда громъ гремитъ, то Илія пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, и убиваетъ стрѣлою прогнѣвавшаго Бога дьявола, которой тогда весьма укрывается, и обращаясь въ разные виды, а особливо во младенцовъ, проситъ у людей укрытія; но ежели бы оной и за ликъ Божій спрятался, то и тотъ образъ не пощаженъ будетъ. Громовая стрѣла убивъ дьявола, уходитъ въ землю, и тамо три года пребываетъ; по прошествіи того времени обнаруживается

и ее находятъ, которая состоитъ изъ кремня. Въ случаѣ колотья окачиваютъ ее водою, и оною водою обливаютъ больнаго. Увѣряютъ пожилые простолюдины, что ежели кто часто, или всегда ѣстъ гнилой хлѣбъ, то будто тотъ грому бояться не будетъ; услышавъ же первый разъ по зимѣ громъ, умываются съ серебра, чая получить бѣлизну и красоту тѣла, также и здоровье.

Громовая стрѣла, смотр. Громъ.

Грѣховъ очищеніе, Камчадалы между прочею церемоніею, очищеніе грѣховъ получаютъ симъ образомъ: взявъ березовой прутъ, и согнувъ его кольцомъ, пропускаетъ сквозь оное жену свою и дѣтей по два раза, которые прошедъ въ кольцо, обертываются по одному разу, и тѣмъ отъ грѣховъ очищаются.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ, а отправляется оной неотмѣнно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ; чего ради и очистителемъ грѣховъ называется.

Церемонія начинается метеніемъ юрты. Потомъ два старика, имѣвшіе въ рукахъ по повесьму тоншичу, нѣчто пошептавъ надъ соромъ, приказываютъ его вонъ выносить.

Съ полчаса спустя, вынимаютъ изъ мѣста вонъ старую лѣстницу, мѣсто вычистятъ, и старикъ невѣдомо что пошептавъ,

тавъ, положитъ туда щепочку обвитую тоншичемъ, послѣ того новую привязываютъ съ равнымъ шептанїемъ, а старую поставятъ къ стѣнѣ: ибо вонъ ея выносить, не окончавъ праздника, не дозволено.

Между тѣмъ приборъ къ ѣздѣ на собакахъ принадлежащей, санки, алаки, узды, побѣжники, оштолы и прочее изъ юрты вонъ вынесутъ, для того, что оной ожидаемымъ на праздникъ врагамъ по ихъ мнѣнїю противенъ.

Немного помешкавъ, принесутъ въ юрту сухой травы, и постелютъ подъ лѣстницею. Старикъ, которой обыкновенно на все нашептываетъ, пришедъ къ лѣстницѣ съ тремя бабами, сядетъ на правую сторону, а бабы по лѣвую; у каждаго изъ нихъ бываетъ рогожка, а въ нихъ юкала, сладкая трава, сухая икра, тюленей жиръ, въ кишкахъ и кусками, изъ юкелы дѣлаютъ они топоры, и сладкою травою увиваютъ; а изготовя все по обычаю, старикъ и каждая баба отправляютъ отъ себя по человѣку въ лѣсъ за березою, навязавъ на поясы, на топоры и на голову тоншичь, и отдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ того оставя.

Послѣ того старикъ и бабы вставъ съ мѣстъ своихъ, обойдутъ вкругъ лѣстницы одинъ разъ, махая тоншичемъ, которой въ своихъ рукахъ имѣютъ, и приговаривая,

Алхалалалай, а за ними обходятъ и тѣ, коимъ надлежало итти за березою, которые обошедши, и отправляются въ путь свой, а старикъ и бабы тоншичь свой на очагъ положатъ, а оставшей запасъ бросятъ малолѣтнымъ, какъ бы на драку, которой они разхваташавши съѣдаютъ.

Между тѣмъ бабы дѣлаютъ изъ сладкой травы и изъ юколы кита, а сдѣлавъ вынесутъ вонъ изъ юрты до времени, и положатъ на балаганѣ, потомъ затопляютъ юрту; а старикъ выкопавъ передъ лѣстницею яму, приноситъ камбалу обернутую тоншичемъ, и пошептавъ положитъ въ ямку, и сперьва самъ на томъ мѣстѣ обернется трожды, а послѣ и всѣ мущины и женщины до малолѣтныхъ.

По окончанiи сего дѣйствiя, другой старикъ начинаетъ сарану варить въ корытахъ каленымъ каменьемъ, которою сараною имѣютъ быть подчиваны враги ихъ; а между тѣмъ, у кого были болванчики называемые урилыдачь, обвязываютъ ихъ сладкою травою, а другiе дѣлаютъ новыхъ болванчиковъ Итунгъ именуемыхъ, и въ потолокъ надъ очагомъ тыкаютъ.

Въ тожъ время старикъ принесетъ въ юрту березовой кряжъ, и начинаетъ изъ него Хантая дѣлать, а сдѣланному первой Тоiонъ того острожка, навязываетъ сладкой травы на шею, а по немъ и прочiе

слад-

сладкуюжъ траву, или тоншичь приносятъ ему на жертву, по совершенiи которой поставятъ его на очагѣ вмѣстѣ съ старымъ Хантаемъ.

Старикъ взявъ два небольшiе камня, и обернувъ въ тоншичь, невѣдомо что наговариваетъ, потомъ закопавъ ихъ на очагѣ по разнымъ угламъ раскладываетъ небольшей огонь, а вкругъ лѣстницы посадитъ малолѣтныхъ, чтобъ имъ хватать болванчиковъ, которые съ верьху имѣютъ быть въ юрту брошены, дѣти расхватавъ ихъ обвязываютъ сладкою травою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Хантая, потащитъ вкругъ очага за шею, а прочiе за нимъ слѣдуютъ, и Алхалалалай кричатъ, а потомъ на старомъ его мѣстѣ поставляютъ.

Послѣ того обсядутъ вкругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юртѣ ни будетъ: тотъ, которой на все нашептываетъ, возметъ въ руку обвитую тоншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить начинаетъ: отъ Кутхи намъ приказано, воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару; сiю рѣчь перерываетъ, онъ нѣсколько разъ, между тѣмъ всѣ прочiе старики встаютъ, и топая ногами, и плеская руками кричатъ Алхалалалай, а по оконча-

 нiи

нїи оной всѣ старики встаютъ съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки, заплящутъ и закричатъ Алхалалалай, а съ ними и всѣ бывшїе въ юртѣ тоже кричатъ.

Во время крика начинаютъ выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза, и кривя ротъ, и представляя себя, какъ возможно страшными, которыя дошедъ до лѣстницы, поднимаютъ руки къ верьху, и дѣлая страшныя тѣлодвиженїя, пляшутъ и кричатъ во всю голову, а потомъ одна за другую падаютъ на землю, будто мертвыя, и разносимы бываютъ мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежатъ аки бы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не отшепчетъ каждыя порознь. Отшептанныя бабы и дѣвки весьма много кричатъ и плачутъ, будто отъ великой болѣзни и тягости; а между тѣмъ старикъ поворожа надъ пепломъ, бросаетъ его дважды къ верьху лопатой, а по немъ и прочїе тожъ учиняютъ; послѣ того старикъ насыпавъ пеплу въ два ковша, посылаетъ съ нимъ двухъ человѣкъ дважды изъ юрты: которые выходятъ не обыкновеннымъ окномъ, но жупаномъ, и усыпаютъ пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя, обтянутъ вкругъ всей юрты веревку изъ травы плетеную, въ которой мѣстами привязанъ тоншичь, и такимъ образомъ день они препро-

проводятъ, а въ вечеру возвращаются посыланные за березою, которые совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрты Камчадаловъ, взнесутъ на юрту срубленную подъ корень превеликую березу, и начнутъ бить сю въ окно или въ двери юрты, при чемъ топая ногами, кричатъ, сколько у кого будетъ голосу; напротивъ того и бывшіе въ юртѣ отвѣтствуютъ, равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжается около получаса. Послѣ того выскочитъ изъ угла дѣвка, какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣстницѣ, за березу схватится, а къ ней на помощь прибѣжитъ еще бабъ съ десять, но Тоіонъ до того острожка стоя на лѣстницѣ, не допуститъ ихъ. Между тѣмъ береза спускается ниже, и какъ съ полу достать оную возможно будетъ, тогда всѣ бабы ухватясь за березу, начнутъ тянуть ея въ юрту съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ; но стоящіе на юртѣ держатъ крѣпко, напослѣдокъ весь женской полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ, попадаетъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась: ибо она до тѣхъ поръ виситъ на ней, и кричитъ, пока береза концомъ на полу станетъ, тогда и она по примѣру прочихъ на землю повергается, такъ какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговариваетъ, и всѣхъ отшептываетъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которую онъ трудился долгое время; она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма тошно: при томъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ея, совѣтовалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора часа, брошено въ юрту восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая трава и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и четыре рогожи, которыя даваны были съ кормомъ посыланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую траву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ. кожи постилали передъ лѣстницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать востроголовыхъ балванчиковъ, Камуда называемыхъ, во образъ тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полъ веселяются во время плясанія. Помянутыя кожи тюленьи отсулены были тѣмъ бѣсамъ еще въ осени, когда Камчадалы сряжались на тюлений промыслъ, чего ради и не употребляютъ ихъ ни

ни на что, кромѣ того, что подъ себя стелютъ.

Сдѣлавъ пятдесятъ пять болванчиковъ, посадили ихъ рядомъ, и сперва вымазали брусницею лице имъ, послѣ того поставили передъ нихъ въ трехъ посудахъ толченой сараны, и передъ каждаго положили маленькую ложку. Такимъ образомъ стояло кушанье нѣсколько времени; а какъ болванчики, по мнѣнію Камчадаловъ, уже довольны были, то сарану съѣли они сами, а болванчикамъ надѣвъ на головы травяные колпаки, и навязавъ сладкой травы и тоншичу на шеи, связали ихъ въ три пучка, и каждой пучекъ по два человѣка съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а съ ними вмѣстѣ жгли и щепы, которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шапхадомъ или выводомъ баба, у которой на спинѣ привязанъ былъ китъ изъ сладкой травы и рыбы, сдѣланной въ началѣ еще праздника, и ползла вкругъ очага; за нею слѣдовали два Камчадала съ тюленьими кишками, сладкою травою перевитыми, и крича по вороньи, кишками по киту били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣтные, и кита у ней растерзали, а баба побѣжала вонъ тѣмъ же выходомъ; но стоявшей внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ поималъ ее, и

взвед-

взведши на юрту, началъ спускать по лѣстницѣ въ низъ головою; для принимания ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ, съ такимъ же какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали: кричали до тѣхъ поръ, пока на землю попадали, при чемъ было и отшептываніе по прежнемужъ, а между тѣмъ Камчадалы растерзаннаго малолѣтными кита по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того затопили юрту, и бабы стряпать начали: каждая принесла свою посуду и толкушу, и стали толочь шеламайное коренье, икру и кипрей съ нерпичьимъ жиромъ; а какъ все оное истолкли какъ тѣсто, то старикъ взявъ хомягу (посуда), ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ толкуши; а собравъ отдалъ хомягу другому старику, которой на все нашептывалъ, и бабъ падающихъ отговаривалъ. Оный старикъ сѣлъ къ огню съ толкушею, и невѣдомо что наговаривая, по обычаю бросилъ изъ толкуши нѣсколько въ огонь, а остальное отдалъ обратно тому, кѣмъ толкуша была сбирана; а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жертвеннаго; между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, около девятаго часа по утру, посланы передъ лѣстницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на

которыхъ сѣли три старухи, каждая изъ нихъ имѣла пучекъ тоненькихъ ременныхъ гайтановъ, раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и тонщичемъ; въ прислужникахъ у нихъ былъ старикъ, которой обралъ гайтаны, и обжегши на огнѣ, обратно имъ отдалъ. Старухи вставъ съ мѣстъ своихъ, ходили одна за другой по юртѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гайтанами; а Камчадалы, жены ихъ и дѣти во время прохожденія старухъ хватались за гайтаны, какъ за нѣкоторую вещь освященную и трясли ихъ. Окуря всѣхъ, сѣли старухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у прочихъ гайтаны, вторично пошла по юртѣ, прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ старухи, у которыхъ пучки съ гайтанами были, плясали и бѣсились по прежнему; тожъ учинила, обшедъ юрту и третія, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайтаны у лежащей старухи, приложилъ ихъ къ лѣстницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись; напослѣдокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайтаны, каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждаго человѣка, окуривъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Спу-

Спустя съ полчаса, Камчадалы послали передъ лѣстницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣстницы, привязали по мальчику: послѣ того вошли въ юрту два старика, и спрашивали у мальчиковъ, когда пріѣзжаетъ отецъ ихъ? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствовано имъ: зимою. Старики положа передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, которыя сладкою травою обвиты были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и начали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла шапхадомъ баба, у которой подъ пазухой былъ сдѣланной изъ сладкой травы волкъ, и набитой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими съѣстными ихъ припасами. За бабою шелъ Тоіонъ того острожка съ натянутымъ лукомъ, у которыхъ голова и руки обвязаны были тоншичемъ, сверьхъ того у Тоіона на поясу, на сайдакѣ и на стрѣлѣ навѣшенъ былъ тоншичь же повѣсьмами. Какъ баба обошла подлѣ стѣны въ кругъ юрты, съ послѣдовавшими ея всѣми жителями того острожка мужеска пола и женска, скачущими и кричащими, и дошла до лѣстницы, то нѣсколько человѣкъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подъ пазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣстницѣ подъ самой верьхъ юрты; чего ради всѣ

бабы

бабы обступя лѣстницу, всякими образы домогались взойти на оную и достать волка; но стоявшіе на лѣстницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою съ лѣстницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвесть въ дѣйство; но утрудясь и обезсилевъ всѣ попадали, и замертво разнесены по мѣстамъ и отговариваны по прежнему. Послѣ того Тоіонъ, которой съ натянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ одаль, приступилъ къ лѣстницѣ, и стрѣлялъ въ волка, а прочіе мужики стащили его на полъ, и растерзавъ съѣли, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жира для подчиванія Хантаевъ.

О семъ дѣйствіи такъ какъ и о китовомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ, однакожъ кажется, что оное представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чтобъ имъ прямыхъ китовъ и волковъ промышлять и ѣсть, какъ съ травяными поступали; а баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей: отходя на промыселъ, принужденъ онъ былъ дѣтей однихъ оставлять въ юртѣ,

и для безопасности, чтобъ не ушиблись, привязывать къ столбамъ. Во небытность его приходили къ дѣтямъ его волки, и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ? которымъ они отвѣтствовали, зимою; дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промыслу возвратился, и увѣдавъ, что во время его отлучки происходило, пошелъ промышлять волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до китоваго дѣйствія, то травяной китъ дѣлается во образъ носимаго волнами мертваго кита, вороны изъ кишекъ во образъ вороновъ клюющихъ трупъ его, а малые ребята терзаютъ его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ, старикъ обжигалъ тоншичь, котораго съ каждой семьи по повѣсьму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юрту два раза. Обожженной тоншичь положилъ онъ весь на очагъ, выключая одно повѣсьмо, которое на потолокѣ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юрту березоваго прутья по числу семей, изъ котораго каждой Камчадалъ взялъ на свою семью по одному пруту, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которыя выступя изъ кольца вонъ, обертывались кругомъ. Сіе почи-

читается у нихъ за очищенїе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрты жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники изъ мужеска и женска пола. Внѣ юрты проходили сквозь кольцо вторично, а потомъ оное въ снѣгъ втыкали, приклоня на востокъ вершинами; Камчадалы сброся на томъ мѣстѣ весь тоншичь, и отрясши платье свое, возвратились въ юрту настоящимъ входомъ, а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенїя, случилась одна больная дѣвка, которую старикъ посадя на снѣгъ, съ полчаса отговаривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напослѣдокъ отрясши платье ея прутомъ, опустилъ въ юрту.

Послѣ очищенїя принесли Камчадалы малую сухую птичку, да гольца нарочно для того изготовленныхъ, и пожаря на огнѣ, по частямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню, бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходятъ и въ бабъ вселяются. Они, сказываютъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только остроголовы, возрастомъ съ трехъ-лѣтняго младенца, ходятъ въ лисьемъ, собольемъ и россомачьемъ платьѣ. Сказываютъ, что враги къ

ба-

бабамъ въ ротъ входятъ до пятидесяти и больше.

Потомъ затопили юрту, и накаля каменья, начали сухую рыбу варить въ корытахъ, а сваря обливали щербою Хантаевъ, обрѣтающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юртѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

Напослѣдокъ должно имъ было березу изъ юрты вынести, чего ради два человѣка взлезли по ней на юрту, (а по лѣстницѣ выходить грѣхъ), подали оную сидящимъ въ юртѣ, которые обнесшись вкругъ всей юрты, отнесли оную на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не отдается; такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ обрядахъ не малая отмѣна въ разсужденіи южныхъ. Юрта у нихъ была выметена, надъ полками сдѣланы грядки, а на нихъ накладены поперешные колья съ обтесанными головками, которыя по ихъ называются Урилыдачь. Сверьхъ Урилыдачей, около очага накладены были сухія дрова для праздничнаго употребленія; за дровами или и закольемъ на Урилыдачахъ ѣздили Камчадалы съ церемоніями, такъ какъ вышеписанные Камчадалы за березою.

Немного спустя, всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли и разошлись по балаганамъ, и нѣ-

нѣсколько помѣшкавъ, возвратились. Въ юрту входили сперва старухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя отпущали они сладкую траву, въ которой у нѣкоторыхъ привязано былъ Кипрей и Юкола; оные припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ услуженїю при праздновании два Камчадала, которыхъ и называть буду ниже сего служителями, и вѣшали на Урилыдачей надъ ихъ мѣстами Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу тоншичу, а потомъ отходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками, у бабы была въ рукахъ сладкая трава, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ тоншичь, баба снявъ у дѣвочекъ съ головы положила на очагъ, а послѣ нея и дѣвочки тоншичь изъ рукъ на огнище бросили; помянутая баба не мать онымъ дѣвочкамъ была, но нянька, а мать ихъ одна входила въ юрту.

Послѣ того привели къ очагу дряхлую старуху, у которой и въ рукахъ и на головѣ, такъ какъ и у другихъ былъ тоншичь, которой она сброся на огнище, отрясалась, приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ потомъ вышли два мужика изъ угловъ, сѣли по сторонамъ лѣстницы съ топорами и съ деревянными чурками; слу-

жители приносили къ нимъ со всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положа на чурки топорами надрубливали приговаривая, чтобъ юкола была скора, и изъ балагановъ не убывала, надрубленную юколу разносили служители по тѣмъ же угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, отломя сперва по малому кусочку, и на огнище бросѧ, послѣ того стали они ѣсть, подчивая другъ друга съ угла на уголъ, и первой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни, тѣмъ окончился.

На другой день по утру рано, отъ каждой семьи мужикъ или баба, поѣхали по сосѣднимъ острожкамъ къ друзьямъ своимъ, для собиранія корму на праздникъ, ибо хотя у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей сбираютъ, подобно какъ у нашихъ подъ насѣдку яица.

Въ острожекъ возвратились они уже вечеромъ, и затопя юрту, бабы начали стряпать, толочь ягоды и коренья, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь; между тѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемѣжно курился; ибо по ихъ обычаю должно быть не угасимому огню по тѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ почитается.

Изго-

Изготовя кушанье, что учинилось часа за два до свѣту, юрту скутали, и бабы начали вить изъ травы веревки, головы рыбьи обвертывать въ тоншичь, накладывать на шеи травяныя плетежки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая, пробавились до самого свѣту.

По окончаніи помянутого дѣйствія, служители начали со всѣхъ собирать рыбьи головы, обверченныя въ тоншичь, огню на жертву, и класть на очагъ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣстницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юртѣ обоего пола, отъ мала и до велика приходили къ очагу и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя семьи изогнувъ кольцомъ объявленныя травеныя веревки, сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали, сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ травою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юртѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе тожъ дѣлали, сіе значитъ у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

Напослѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, положа на оной хахалчу рыбку и омегу изъ четырехъ мѣ-

мѣшечковъ, которые надъ постелей своей повѣсилъ.

Немного времяни спустя служители со всѣхъ четырехъ угловъ юрты, крестъ на крестъ брали юколу, и подчивали Урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной толкушей, иной сараной, иной сунилOмъ, или что у кого приспряпано было, а послѣ стали другъ друга подчивать, переходя съ одной стороны юрты на другую, подчиваются они, кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага, взяли по хомягѣ (посуда, съ чемъ по воду ходятъ) въ руки, а вмѣсто платья получа отъ служителей по тоншичьей перевязкѣ на шеи, которыя сняты съ Урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по воду, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ; у передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному напереди, другому назади итти надлежало, садились на малое время подлѣ лѣстницы, а пришедъ на прорубь, передовщикъ околотя онУю толкушкою черпалъ воду, сперва оборачивая хомягу противъ воды, потомъ по водѣ, а по немъ и всѣ тожъ дѣлали, и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнуть могъ,

то

то и несъ съ собою. Съ проруби шли они тѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту, спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чтобъ не расплеснуть, ибо оное за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ, нарочно для того оставленныхъ, потому что служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по тѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была; между тѣмъ четыре раза кричали они изо всей силы плеща руками и топая ногами, а вшедъ въ юрту, тотъ, которой ходилъ съ лучиною обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою, напротивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ пить вмѣсто освященной.

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ подчиванія кушаньемъ, пошли по своимъ балаганамъ, и тамъ остались, напослѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ выслали, а происходило тамъ слѣдующее: сперва старики приказали служителямъ затопить юрту; а когда она истопилась, то служители принесли по горстѣ сухой травы и разбросали по юртѣ, потомъ всю юрту и полки устлали чирелами, (травяными рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а напослѣдокъ всѣ старики начали вязать тоншичь, и

помѣнявшись другъ съ другомъ, повѣсили оной на спицы, служителямъ отдали приказъ, чтобъ въ юрты и изъ юрты никого не пускали, и юртеную дверь наглухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времяни спустя, приказали они одному служителю за дверь подуть, а послѣ открыть и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлую рыбьюжъ голову, а самому ему на балаганъ ходить не велѣли.

Принесенную щеку и голову рыбью принялъ старикъ, и обертя въ тоншичь, нѣчто пошепталъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочїе старики, и потоптавъ объявленную щеку и голову, перешедъ черезъ огнище, возвращались на свои мѣста, потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и тѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствїе.

По прошествїи двухъ часовъ, собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малыя ребята, которые того года или хворали или тонули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы тоншичемъ, и давъ имъ въ одну руку тоншичу, въ другую сладкой травы, выслали вонъ изъ юрты; при выходѣ обносили они сладкую траву вкругъ лѣстницы, и взошедъ на юрту, обо-

шли

шли оную вкругъ три раза по солнцу, а послѣ того стоя на верьху юрты, рвали намѣлко сладкую траву и тоншичь, и бросали въ юрту, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя тоншичевыя перевязки на огнище клали, и потоптавъ ногами тѣ, которые хворали, отходили по своимъ мѣстамъ, а которые тонули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ тонули, дѣлали и кликали поимянно, отъ кого тогда требовали помощи, которые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, аки бы изъ воды таскали.

Напослѣдокъ принесена рыбья щека, и брошена на огнище съ приговоромъ ту, ту, ту, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рогатки, и разбросаны по полу; между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, которыми юрта устлана была, собрали и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ превязки, бывшія на головахъ у больныхъ и у утопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной каменьемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дня ни чего больше не происходило. На третей день по утру рано затопили юрту, и положили передъ огнемъ два пука сухой травы или соломы, и прутья вмѣстѣ связанные, и праздничные

 слу-

служители стали одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками, начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мущинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко ломали, а иные въ кольцы вили съ нѣкїимъ наговоромъ, солому всю перенесли на одну сторону очага, и стали дѣлать Пома.

Сдѣлали его на подобїе человѣка, вышиною около полуаршина, а тайной удъ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удъ къ потолоку привязали. Между тѣмъ, какъ Пома дѣлали, нѣсколько человѣкъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вонъ изъ юрты, и обтерши столбы у своихъ балагановъ, возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженожъ было.

Какъ Помъ нѣсколько времяни повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удъ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ, по юртѣ приговаривая уфай, а за нимъ и всѣ бывшїе въ юртѣ то же кричали, напослѣдокъ сожгли реченнаго Пома.

По сгорѣнїи Пома, стали месть юрту, пригребая весь соръ къ лѣстницѣ, изъ котораго каждой Камчадалъ бралъ по маленьку, и относилъ въ лѣсъ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходятъ; въ то же время

и бабы всѣ на юрту вышли, и стали въ кучу.

Камчадалы возвратясь изъ лѣсу, кричали, стоя на юртѣ, четыре раза, плеща руками и топая ногами, а послѣ вошли въ юрту, а на нихъ мѣста сѣли бабы, и многократно кричали Алулулу.

Между тѣмъ юрта истопилась, и оставшіяся головни по обыкновенію начали вымётывать, но сидѣвшія на верьху бабы, ухватя оныя, обратно въ юрту метали, и чтобъ мущинамъ ни одной головни вонъ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямъ ихъ испосѣли сами; мущины взбѣжавъ по лѣстницѣ, силою двери раскрыли, и вышедъ на юрту бабъ долой ссгняли, между тѣмъ другіе головни метать успѣвали; но понеже бабы мущинъ числомъ превосходили, то иныя ихъ таскали, иныя головни обратно въ юрту бросали, чего ради въ юртѣ отъ дыму и искръ и сидѣть почти не возможно: ибо головни какъ ракеты, то вверьхъ, то въ низъ безпрестанно летали; и продолжалось сіе веселіе ихъ съ полчаса. Напослѣдокъ бабы попустили головни выбросать, а тѣхъ мужиковъ, которые выбѣжали ихъ отбивать, по тѣхъ поръ таскали и мучили, пока они отъ другихъ вышедшихъ на помочь не выручены были.

 Послѣ

Послѣ объявленной потѣхи, бабы попѣвъ нѣсколько на верьху, стали спускаться въ юрту, а мужики стояли по обѣ стороны лѣстницы фрунтомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перетащить на свою сторону, отъ чего происходило между ими сраженіе, и которая сторона перемогала, та бабу, какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на противныя стороны, то каждая сторона выкупаетъ своихъ пленниковъ, равнымъ числомъ завоеванныхъ, а ежели одна сторона свладѣетъ большимъ числомъ, такъ что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то оная ходитъ, какъ бы войною для ихъ освобожденія, при чемъ не малой бой происходитъ.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они не большей огонь, и сожгли съ Урилыдачей и по другимъ мѣстамъ висѣвшей тоншичь, а служители принесли по два маленькихъ голичка и испекши мѣлко на лошкѣ искрошили и поставили у лѣстницы по правую сторону, послѣ того пришелъ старикъ и перебросалъ въ огонь большую половину рыбы приговаривая та, то есть возьми; а остатки раздѣлили служители по Камчадаламъ имѣющимъ у себя маленькихъ болванчиковъ Урилыдачь называе-

ваемыхъ; головни послѣ сего огня вонъ не мечутся, но перегораютъ въ юртѣ.

Наконецъ дѣлили они по себѣ омегъ, которой остался въ мешочкахъ, послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ; самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходить въ лѣсъ, и поймать маленькую птицу, которая жарится и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ, въ огонь бросаетъ.

Сей праздникъ праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія.

Грѣхъ. Камчадалы почитаютъ за грѣхъ драться или ссориться надъ кислою рыбою, опасаяся совершенной погибели. Грѣхъ совокуплятся съ женою, когда съ собакъ сдираютъ кожи, опасаясь чесотки. Грѣхъ соскабливать снѣгъ ножемъ съ обуви, вѣря что отъ того приключится буря; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ, опасаясь нещастія въ ловлѣ и чирьевъ; грѣхъ ножи или топоры точить въ дорогѣ опасаясь погодъ и бури. Главный грѣхъ у нихъ скука и безпокойство, котораго убѣгаютъ всѣми мѣрами не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть нежели не жить, какъ имъ угодно, отъ чего частыя самоубійства происходятъ.

Гун-

Гунзытъ, такъ называется шапка Калмыцкаго Лама, оная бываетъ высока и убрана каменьями, кою онъ во время служенія употребляетъ. *смотр.* Втро.

Гусь красный, Калмыки думаютъ, что въ сей птицѣ живетъ злый духъ, и когда по случаю увидятъ краснаго гуся, то клянутъ его чрезмѣрно, и лице свое отвращаютъ, такъ какъ отъ нечистой птицы.

Дажбогъ, *Дашуба* или *Дажба*, Славенскій Кіевскій богъ, почитали его богомъ подателемъ благъ, и также еще богомъ богатства, имѣлъ храмъ въ Кіевѣ.

Далай-Лама, Первосвященникъ Калмыцкой, и многихъ другихъ народовъ. они вѣрятъ и утверждаютъ, что душа его по разрушеніи тѣла преселяется въ тѣло другаго человѣка, который около того времяни раждается. И такъ въ сей новой твари прежній Далай-Лама опять является.

Двойни. Въ Россіи у простолюдиновъ раждающіяся двойни предзнаменуютъ дому щастіе; а у Камчадаловъ почиталося то за превеликое нещастіе, и одному изъ рожденныхъ несомнѣнно должно было по явленіи на свѣтъ вкусить смерть, такъ какъ и рожденному въ худую погоду, однако сего иногда примиряютъ съ бѣсами. *См: Шаманы.*

Деньги мѣдныя, видѣнныя во снѣ мѣдныя деньги значатъ слезы.

Про-

Простолюдины щербатые деньги, то есть съ попорчеными краями кладутъ въ кошелки нарочно и ни вочто ихъ не тратятъ вѣря, что отъ оныхъ умножаются ихъ доходы.

Чуваша при жертвахъ кладывали въ керемешяхъ въ выдолбленые нарочно для того столбы деньги, которые хозяева семей, или старшины волостей вынимали изъ тѣхъ столбовъ во опредѣленное время и употребляли ихъ либо на пиры, либо на общїе какїе потребы.

Джа-Адугаръ. смотр. *Адугаръ-Джа.*

Дидилїя, подъ симъ именемъ почиталась у нѣкоторыхъ Славянъ богиня родовъ или родинъ, которую и молили о плодородїи дѣтей.

Дидъ или *Дидо*, богъ Кїевскїй, почитаемъ былъ богомъ отвращенїя любовной страсти, такъ какъ братъ его Лельо возбужденїемъ оной.

Догода, Славянскїй зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и прїятнаго вѣтра и ясной погоды.

Дождь, ежели кто выѣхалъ въ дорогу, а въ то время пойдетъ дождь, то значитъ сїе благополучную дорогу, да и во всякомъ предпрїятїи шествїе дождя почитаютъ за щастїе.

Доки, такъ называются въ деревняхъ тѣ люди, которые всякое чародѣйство или порчу

порчу отговорить, то есть отвратить могутъ, а сами чародѣйства производить не въ силахъ.

Домовой, или *дѣдушко домовой*, вѣрятъ, что во всякомъ домѣ живетъ чортъ, подъ именемъ домоваго, онъ ходитъ въ домѣ по ночамъ во образѣ человѣка и когда полюбитъ которую скотину, то оную всячески откармливаетъ, а буде не полюбитъ, то скотина совсѣмъ похудѣетъ и переведется, что называется *не ко двору*. Говорятъ, что онъ тѣмъ лошадямъ, которыхъ любитъ, заплетаетъ на гривѣ косы и подкладываетъ сѣно, завиваетъ также и мужикамъ въ бородахъ косы, коихъ любитъ; но коихъ не любитъ лошадей, у тѣхъ расплетаетъ, и почти всю гриву выдергиваетъ, также будто подбиваетъ лошадей подъ ясли, отъ чего лошадь поднимаетъ въ конюшнѣ великой стукъ, иногда же находятъ ея въ великомъ поту, или мылѣ. Когда домовой покажется ночью безъ огня спящимъ людямъ, что дѣлаетъ особливо во образѣ монаха, то смѣлчаки спрашиваютъ къ добру или худу, и онъ отвѣтствуетъ, что будто и сбывается. Ежели кого въ домѣ не полюбитъ, то дѣлаетъ ему всякіе страхи и безпокойства, бросаетъ въ него всячиною однако не попадаетъ, хлопаетъ дверьми, наваливается на спящихъ, такъ что ни коимъ членомъ двигнуться

гнуться не возможно, хотя память и есть, наконецъ щиплетъ до синя, но боли на томъ мѣстѣ не бываетъ; когдажъ хозяину умереть, то домовой по всякую ночь воетъ. Вотяки называютъ домоваго Албаетъ и Коболтъ, живетъ онъ въ пустыхъ домахъ, деревняхъ, и не только тамъ, но и въ баняхъ ихъ шалитъ, въ разсужденіи чего и сожигаютъ они ветхія свои избы и другія строенія.

Држа-Зольба, *Еркетю* и *ДойшинЪ-Бурхани*, духовныя Калмыцкія книги высоко ими почитаемыя, между которыми однакожъ Держа-Зольба великое преимущество имѣетъ. *см Вѣра.*

Дорога, въ понедѣльникъ выѣзжать въ дорогу не должно, увѣряютъ, что оная благополучна быть не можетъ, также добра не предвѣщаетъ, когда перебѣжитъ черезъ дорогу заяцъ, или другое животное. Когда кого провожаешъ, и хочешъ, чтобъ опять скорѣе имѣть съ нимъ свиданіе, то при послѣднемъ прощаніи, и возвратившись домой, должно скорѣе назадъ оглянуться.

Дустехтичь, симъ именемъ Камчадалы называютъ вообще бога, которое имя отмѣнно и почитаютъ, такъ какъ Аѳинянѣ невѣдомаго бога. *смотр*: Вѣра.

Діяволъ смотр. Чортъ.

Дьявольское навожденіе, подъ симъ именемъ разумѣютъ простолюдины, тѣхъ

діяв-

діяволовъ, которые будто бы въ младенчествѣ украдены были у людей и воспитаны нечистыми духами, коихъ колдуны сажаютъ въ домъ вмѣсто кикимръ.

Дѣдушка водяной. Сіи отмѣнные черти живутъ въ водѣ, а особливо мутной, то есть лиманахъ или ильменяхъ, рукавахъ, заливахъ, озерахъ, болотахъ и генерально подлѣ мельницъ. *См водяной дѣдушко.*

Дѣти, Камчадалы вѣрятъ, что Билюкаи ихъ громовый богъ черезъ слугъ своихъ въ бываемые вихри уноситъ ихъ дѣтей и употребляетъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ плошки съ жиромъ вмѣсто свѣчь горятъ. *смотр:* Вѣра.

Дѣтинецъ, такъ назывался Новгородъ по раззореніи первой разъ Славенска. Имя сіе получилъ онъ, какъ повѣствуетъ о томъ нѣкоторый Новгородскій лѣтописецъ, отъ ниже описаннаго приключенія: когда сей толь славный въ древности городъ намѣрялись Славянѣ по раззореніи первоначальнаго Славенска заложить, тогда ихъ народоначальники собравшиеся думали на чемъ оный основать, и какое дать ему названіе. Въ то время нѣкто изъ старѣйшихъ предложилъ собранію, чтобъ на утріе при восходѣ солнечномъ выслать на путь нарочно избранныхъ, и кто имъ первой встрѣчу попадется, тотъ будетъ служить и основаніемъ и именемъ городу. Совѣтъ сей собраніе

бранїе подтвердило и опредѣлило по оному исполнить. И такъ принести жертву и обѣты богамъ, отправили совершителей сего намѣренія. Оные возвратясь на другой день къ собранному градоначальству, представили предъ него мальчика, котораго они первѣе всего встрѣтили. Народоначальники по древнему своему языческому обыкновенїю, приказали его положить началомъ основанїя городскаго, а городъ наименовали отъ него Дѣтинцемъ; ибо въ старину дѣтина назывался дѣтинцемъ, которое имя и нынѣ по нѣкоторымъ мѣстамъ употребляютъ.

Дятелъ, птица. Вотяки обожаютъ сїю птицу въ такомъ разумѣ, чтобъ онъ не вредилъ ихъ лѣсовъ, и для сего поймавъ онаго, дѣлаютъ въ лѣсу клетку, гдѣ нѣсколько времяни его питаютъ, а потомъ сдѣлавъ ему публичное моленїе, отпускаютъ на волю; а чтобъ не вредилъ онъ бортевыхъ ихъ деревьевъ, то приносятъ ему въ жертву дикую утку. Ежелижъ черный дятелъ, перелетитъ черезъ дорогу, либо воронъ, или кокушка сядетъ на кровлю, также естьли увидитъ и то, что їежъ бѣгаетъ, то все сїе предзнаменуетъ смерть или тяжкую болѣзнь.

Еретикъ, така называютъ отпадшаго отъ вѣры человѣка, который не токмо

что не исправляется, но и хулу на вѣру всегда произноситъ.

Ерихъ, Чувашане почитаютъ сего Ериха, или Ириха святымъ, и оный есть не что иное, какъ только пукъ отборныхъ лозъ ракитоваго куста, которыхъ берутъ пятнатцать равной величины около четырехъ футовъ длиною, по срединѣ связываютъ мачаломъ и на сей перевязкѣ вѣшаютъ кусочикъ олова. Каждый домъ имѣетъ у себя такого Ериха, и обыкновенно ставятъ оный въ переднемъ углу во чистомъ боковомъ покоѣ, какихъ при всякомъ жилищѣ довольно настроено. Никто не смѣетъ ко оному прикоснуться; а какъ уже осенью весь листъ опадаетъ, то срѣзываютъ толикое же число свѣжихъ лозъ на мѣсто онаго пука, и стараго Ериха съ благочиніемъ бросаютъ въ текущую воду.

Ехо, когда кто кричитъ въ лѣсу или на берегу рѣки, то ехо обыкновенно слова его повторяетъ, о семъ утверждаютъ, что ето отзывается лѣшій, имѣя намѣреніе заманить къ себѣ въ жилище кричащаго человѣка, также и того, которой будетъ играть на какомъ нибудь инструментѣ.

Желѣзница, или бѣшеная рыба, водится въ великомъ множествѣ въ Волгѣ;

ры-

рыболовы и прочїе простолюдины увѣряютъ, что ежели кто оную рыбу употребитъ въ пищу то неотмѣнно сойдетъ съ ума, для чего попадающуюся ее въ невода многимъ количествомъ бросаютъ опять въ воду, или отдаютъ за ничто Мордвѣ и Чувашамъ, которые употребляя ее въ пищу съ ума не сходятъ.

Жертвы, есть еще въ Россїйской Имперїи такїя области, гдѣ идолопоклонство не совсѣмъ истреблено: напримѣръ, Россїйскїй Лопарь приготовляясь къ такому обряду очищается, и привязываетъ крѣпко всѣхъ собакъ, чтобъ которая нибудь не перебѣжала черезъ его дорогу, и потомъ взявъ съ собою кости, или рога требуемаго богами въ жертву звѣря, пускается въ путь къ святому мѣсту, не говоря о томъ ни кому, а увидѣвъ оное, кидается опрометью на земь и ползетъ къ своей святыни. Потомъ возлагаетъ приношенїе свое на жертвенникъ, молится приложа лице свое къ землѣ, и вставъ возвращается въ свое жилище. Большая половина жертвъ остается просто на мѣстѣ, а отъ того превеликїя скопляются груды костей и роговъ, но нѣкоторые и зарываютъ оныя, потому можетъ быть, что дарятъ подземнымъ божествамъ. Мяса не приносятъ они ни когда въ жертву,

 бу-

будучи крѣпко увѣрены, что боги не преминутъ покрыть онымъ кости. Ежели собака примится глодать жертвенную кость, то должно ее убить, и сырѣзавъ изъ нее ту же самую кость, которую она изгрызла, положить вмѣсто оной на жертвенное мѣсто. Иногда выпускаютъ они кровь назначенныхъ въ жертву звѣрей въ рѣку, или проливаютъ молоко, либо вино на земь въ жертву для умилостивленія къ себѣ земныхъ и водяныхъ боговъ, см: *вѣра.*

Жуки, простаки ловятъ весною жуковъ и примѣчаютъ, ежели у чего на переднихъ ногахъ болѣе з родышей, то должно въ то лѣто сѣять ранѣе и тотъ сѣвъ будетъ лучше ежели на среднихъ, то должно сѣять въ среднюю пору, ежели же на заднихъ, то позній сѣвъ всѣхъ будетъ прибыточнѣе.

Заговѣнье, суевѣрныя женщины въ заговѣнье не шьютъ, и вѣрятъ, что отъ того непремѣнно сдѣлается заусеница или ногтоѣда неизлѣчимая.

Замки, суевѣрныя старухи кладутъ подъ порогомъ замки, въ то время, какъ жениха съ невѣстой ведутъ изъ церкви, и когда они перешагнутъ чрезъ незапертой замокъ, то тотъ часъ его поднимаютъ и замыкаютъ, и ключь бросаютъ въ рѣку или колодезь, чтобъ жили мужъ съ женою согласно.

За-

Заспать младенца, безпечныя, а отъ того крѣпко спящія, или пьяныя женщины часто сонныя придавляютъ младенцовъ, клавъ съ собою на постелю, что и называется заспала. Кромѣ непростительнаго сего согрѣшенія вѣрятъ, что душа онаго младенца не наслѣдитъ уже царствія небеснаго; а сіе смѣшное произвело еще невѣроятнѣйшее суевѣріе. Разсуждаютъ простаки, что такой женщинѣ должно стоять въ церквѣ одной три ночи, очертивщись кругомъ мѣломъ, которое очерченіе долженъ учинить священникъ. Въ первую ночь будутъ ходить мимо ее бѣсы, и нося ее младенца ей показывать. Во вторую ночь нося мимо ее будутъ его давить, бить и щипать, и говорить ей, что бы она вышла только изъ круга, то и отдадутъ они ей младенца; а какъ скоро она изъ него выступитъ, то и будетъ добычею дьяволовъ. Въ третью ночь мучатъ его несказанно, увѣщевая ее, чтобъ вышла она изъ круга, а когда не выдетъ, то измучатъ его до смерти. По вспѣніи же пѣтуховъ они изчезаютъ и оставляютъ матери младенца мертваго, котораго она показываетъ послѣ всѣмъ и учиняетъ ему должное погребеніе.

Затмѣніе. всякое затмѣніе лунное и солнечное, по увѣренію грубыхъ невѣждъ значитъ неотмѣнно общественное нещастіе,

то

то есть или моръ, или войну, наводненія, пожары и прочая, и даже до нынѣ никто увѣрить не можетъ; сей сожалительный человѣческій родъ, что то неотмѣнныя дѣйствія натуры, и порядочныхъ расположеній оной правила, ибо сіе предано имъ отъ древнихъ писателей, какъ напримѣръ: Тоя же зимы(1202 года)быша знаменія многа на небеси, въ пять часовъ нощи потече небо все, и бысть червлено коя кровь, и бѣ видѣти снѣгъ на земли и на хоромѣхъ, яко кровь проліянна, и мнози видѣша теченіе звѣздное на небеси, и отторгахуся звѣзды отъ небеси на землю, и сія видѣша человѣцы ужасошася зѣло, мняше яко конецъ міру грядетъ, понеже убо знаменія на небеси, или въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ лунѣ, или инемъ чемъ бываютъ не на добро, но проявляютъ, или гладъ, или смерть, или ратныхъ нашествіе, или междуусобныя брани и рати. А Вотяки ежели примѣтятъ солнечное или лунное затмѣніе, то говорятъ, что оборотень прикоснулся къ солнцу или лунѣ.

Звѣзды и Планеты, многіе находящіеся въ Россіи идолопоклоннические народы вѣрятъ что звѣзды, а особливо планеты восхожденіемъ своимъ и захожденіемъ, или различными между собою положеніями имѣютъ силу и дѣйствіе въ свѣтскихъ дѣлахъ. А начало сего суевѣрія произошло отъ халдѣевъ. *Звѣро-*

Звѣроловительства. Вогуличь собираясь на звѣриной промыселъ, беретъ съ собою какую нибудь вещь для щастія, напримѣръ: изъ чурки выдѣланную колодицу съ пришибеннымъ соболемъ, или въ кабканѣ пойманнаго звѣря, и сему подобныя другія. Оную вещь столь долго хранитъ и почитаетъ, пока бываетъ удача въ промыслѣ, въ противномъ случаѣ бросаетъ съ презрѣніемъ, ломаетъ и ругается ею такъ, какъ вредной, придавая ей прозваніе шайтана, то есть чорта. Сіе значитъ, что суевѣры почитаютъ ту вещь за свято, отъ которой надѣются себѣ, какой нибудь прибыли.

Земля, всѣ простолюдины вѣрятъ, что земная твердь основана на четырехъ превеликихъ китахъ, которые держатъ на себѣ сію громаду, и одинъ уже изъ сихъ китовъ умеръ, отъ чего и послѣдовали великія на землѣ перемѣны; а какъ всѣ оные перемрутъ, то тогда послѣдуетъ преставленіе свѣта.

Зеркало, начало сей вещи суевѣры производятъ отъ слѣдующей причины: нѣкоторый монахъ спасаяся въ пустынѣ, и читавъ во священномъ писаніи сіи слова: просите и дастся вамъ, усумнился, и желая удостовѣриться, что все ли получить можетъ, чего захочетъ, пошелъ просить къ нѣкоторому царю дочери его себѣ въ невѣ-

невѣсту. Царь почудясь сему требованію сказалъ о томъ своей дочери, которая столь же удивившись, отвѣтствовала отцу своему, какъ сіе дѣло чрезвычайное, то должно, чтобъ монахъ, ежели хочетъ получить меня въ невѣсту, сдѣлалъ также чрезвычайное, то есть, принесъ бы мнѣ въ подарокъ такую вещь, въ которую бы я всю себя видѣть могла, а сіе происходило еще тогда, когда зеркало выдумано не было. Монахъ сіе услышавъ, пошелъ искать такой вещи. Ходя по лѣсамъ долгое время, вошелъ онъ въ нѣкоторую пустыньку, которая тогда ни кѣмъ не была обитаема, посидя нѣсколько время, услышалъ онъ тяжкій стонъ, а на вопросъ его отвѣтствовано ему: почтенный монахъ, сжалься на мое страданіе; ибо уже нѣсколько лѣтъ заключенъ я въ семъ рукомойникѣ обитавшимъ здѣсь монахомъ, выпусти меня изъ сей темницы, и я тебѣ могу услужить, всемъ тѣмъ чего ты пожелаешъ. Монахъ имѣя къ тому случай, предложилъ ему о той вещи, которую дьяволъ доставить ему и обѣщалъ, онъ снялъ съ рукомойника крестъ и его выпустилъ. Дьяволъ въ скоромъ времяни принесъ къ нему зеркало, которое монахъ взявъ въ руки, чрезвычайно удивился, и отнесъ оное къ царю, однако отъ брачнаго супружества отказавшись, пошелъ умолять о своемъ согрѣшеніи, въ томъ, что

что онъ возымѣлъ сомнѣніе противу священнаго писанія. И какъ сія вещь доставлена монаху дьяволомъ, то для того раскольники въ зеркало никогда не глядятся, и во всѣхъ ихъ домахъ ни единаго не отъищешъ, кромѣ какъ у свѣтскихъ раскольниковъ, ибо между оными есть и таковое раздѣленіе.

Зимцерла, богиня владычествующая надъ началомъ дня, то есть заря.

Змѣи, сіи пресмыкающіяся почитались у нѣкоторыхъ Славянъ домашними богами, имъ приносили въ жертву молоко, сыръ, яицы, и все то, что настолъ поставлялося. Запрещено было всѣмъ дѣлать симъ животнымъ вредъ а въ противномъ случаѣ жестоко наказывали, а иногда и жизни лишали преступниковъ сего закона. Увѣряютъ, что сіи гады входятъ къ человѣку во внутренность. Ежели спящему на полѣ, когда грѣзилось, что онъ пилъ весьма студеную воду, естьли ему тошнится по утрамъ, ежели мерещится, что у него въ животѣ ворочается или раздувается животъ, то никто уже не смѣетъ сумнѣваться, что у него въ желудкѣ обитаетъ змія. Такова поятъ парнымъ и наговореннымъ коровьемъ молокомъ, смѣшаннымъ съ конопляннымъ масломъ столько, сколько желудокъ его вмѣстить можетъ, потомъ привязываютъ его за ноги въ жарко натопленной

банѣ

банѣ къ потолоку, и держатъ до тѣхъ поръ, пока не вырветъ изъ него, какъ говорятъ коренки, съ которою рвотою, по увѣренію ихъ, и змѣя выходитъ.

Змѣи огненные, къ нѣкоторымъ женамъ и дѣвицамъ летаютъ ночью огненныя змѣи, то есть воздушные дьяволы, и имѣютъ съ ними плотское совокупленіе, отъ чего тѣ женщины весьма худѣютъ. Проѣзжающіе въ зимнее время ночью поля, видятъ падающія съ неба звѣзды, кои также почитаютъ за оныхъ же дьяволовъ, и крестяся произносятъ сіи слова: *аминь, аминь разсыпся.*

Знаменіе см. заттмѣніе.

Зничь, священный неугасаемый огонь: по многимъ Славенскимъ городамъ имѣлъ храмы, жертвовали ему частію изъ полученныхъ отъ непріятелей корыстей, и плѣнными Христіанами; въ тяжкихъ болѣзняхъ имѣли къ нему прибѣжище Корыстолюбивые жрецы обманывали народъ, сказывая отвѣты болящимъ, о которыхъ увѣряли, что будто получили ихъ чрезъ вдохновеніе сего божества.

Золотая баба, богиня нѣкоторыхъ Славянъ: храмъ ее стоялъ при рѣкѣ Обиго, въ рукахъ держала она младенца, коего называли ее внукою, подлѣ ее истукана лежало

мно-

множество музыкальныхъ орудїевъ, отъ которыхъ повсеминутно происходилъ шумъ во храмѣ. Она почиталась пророчицею и давала отвѣты. Никто не осмѣливался пройти мимо ее безъ принесенїя какой нибудь жертвы; а ежели ничего не имѣлъ, то вырывалъ изъ платья своего волосъ, подносилъ ей оной, кланяяся въ землю, и тѣмъ ее тщился умилостивить.

Зубы, когда у дѣтей падаютъ зубы, то велятъ ребенку стать къ запечкѣ задомъ, и бросить зубъ за печь, приговоря сїе: *мышка, мышка, на тебѣ репяной зубъ, а ты дай мнѣ костяной*, вѣря, что отъ того зубы скорѣе и безъ боли ростутъ.

Зѣвана или *Зѣвонїя*, богиня Славенская, оная почиталася богинею рощь и лѣсовъ, и ей молились о щастливыхъ звѣроловительствахъ.

Игра бѣсова, когда какая Башкирка не за долго до разрѣшенїя отъ бремени впадаетъ въ болѣзнь, а особливо когда будетъ чувствовать отмѣнное въ животѣ давленїе, или судорожные порывы, то Башкирцы безъ всякого сомнѣнїя приписуютъ сїе прикосновенїю нечистаго духа; въ такомъ случаѣ призываютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ-Курязя (Чертовидца), который съ великими обрядами дѣлаетъ съ чертомъ сраженїе и его прогоняетъ, и сїе то называютъ они игра бѣса.

Идолъ,

Идолъ, сдѣланный руками человѣческими болванъ, которыхъ древнїе идолопоклонники, почитали за боговъ подъ разными имянами и видами. Кромѣ видовъ человѣческихъ были идолами, и нынѣ язычниками почитаемые. дерева, звѣри, птицы и прочая, напримѣръ: Вогуличи покланяются подобной видомъ оленю скалѣ; Вотяки почитаютъ своимъ идоломъ вѣтви пихтоваго дерева, а другихъ идоловъ носятъ въ своихъ сапогахъ ходя на звѣриной промыслъ; Камчадалы чтутъ жерди съ обвостренными головками; Остяки признаютъ за боговъ куклы. Курильцы щепки или стружки. Въ семидесяти верстахъ отъ Обдорска, въ лѣсу стоятъ и нынѣ такїе идолы: одинъ представляетъ мужеское, а другой женское лице, одѣтые сукномъ и мягкою рухлядью, обвѣшены жестяными изображенїями звѣрей, людей, птицъ, лодокъ, рыбъ и протчаго; кругомъ ихъ лежатъ котлы, чашки и другая домашняя утварь, а на деревахъ около ихъ шалашей висятъ содранныя шкуры со звѣрей, принесенныхъ имъ въ жертву; да и по другимъ мѣстамъ населеннымъ язычниками, таковые же есть идолы. *см: вѣра.* Домашнихъ же св ихъ нѣкоторыхъ идоловъ помазываютъ они жиромъ и кровью въ знакъ даваемой имъ пищи. Язычники идоловъ чтутъ много, но не получая отъ нихъ по-

помощи, поступають тому и противно. Напримѣръ Остяки, когда примѣтять, что нѣть хворому оть идола помощи, котораго они просили, то ругають его бранными словами, низвергають, а иногда и колотять.

Из нжень, Черемискіи Богъ, почитають они его Хранителемъ домовъ ихъ, покоя и благополучія, такъ какъ Куклеша, Одекшера и Чуваша.

Изнанка, ежели кого въ лѣсу обойдеть лѣшій, какъ то думають о томъ невѣжи, и оть того дорогу человѣкъ потеряеть, то должно все имѣвшееся на себѣ платье скинуть и надѣть на изнанку, то оть того сила обойденія лѣшаго пропадаеть, и человѣкъ паки дорогу отыскиваеть.

Изурочить, кто вдругъ кому подивится, или скажеть онъ слава Богу здоровенекъ, и тоть похудѣеть или занеможеть, про такого говорять, что онъ изурочилъ, и у него слово худо; а ежели только поглядить и человѣкъ оть того или скотина захвораеть, то говорять, глазъ у него благъ, дуренъ, или изурочливъ.

Изюмъ, раскольническая шайка называемые подрешетники, употребляють изюмъ вмѣсто причащенія святыхъ таинъ, напояя оной нѣкою отравою, и тако вкусившіе оть тѣхъ ягодъ желають себѣ смерти, и хотять, или сожещися, или удави-

удавипися, или въ водѣ утопиться, и многіе во иступленіи ума своего сами себя погубили.

Икать, ежели кто икаетъ легко, то вѣрятъ, что его въ то время кто нибудь поминаетъ, а когда икаетъ тяжело, то его бранятъ.

Ильинъ день, то есть день святаго пророка Иліи: Пермяки собираются въ сей день изъ двухъ или трехъ деревень въ одну, и приводятъ съ собою быка или теленка, котораго закалаютъ и обществомъ употребляютъ въ снѣдь. И такъ пророкъ Илія умоляемъ бываетъ отъ нихъ приношеніемъ быка; а Прокопій закланіемъ барана. Въ сей день ни гдѣ не выгоняютъ стада, вѣря и другихъ увѣряя, что въ сіе время всѣ свирепыя звѣри и ядовитыя гадины оставляя свои норы, ходятъ по лѣсамъ свободно.

Илькхумъ, начальнѣйшая Богиня Камчадальская. *Смотр: Вѣра.*

Ильмеръ, первенствующій Вотяцкій богъ. *см: вѣра.*

Имя, нѣкоторые суевѣры при крещеніи дѣтей даютъ имъ другія имяна, а первое прилѣжно таятъ, вѣря яко бы не вѣдая перваго, или подлиннаго имяни, колдунъ имъ не можетъ ничего учинить, то есть, не можетъ сдѣлать ихъ оборотнями и прочимъ. При рожденіи посылаютъ на

улицу,

улицу, и кто первой на встрѣчѣ попадется, то дают младенцу его имя, и призывают иногда ив кумовья его, мня, что от того младенец будет долголѣтен. Корякам дают имя старыя бабы, ставят двѣ палочки, и перевязывают ниткою на срединѣ, вѣшают на никтѣжъ камень обшитый в кожу каменнаго барана; а при том невѣдомо что шепчут; и спрашивают у камня, как назвать младенца, напоминая имяна его сродников, и на котором имяни покачается камень, то бывает младенцу и имя.

Имянины, когда празднуют день чьего нибудь тезоименитства, то в началѣ самом обѣда, берут со стола большой нарочно для того пирог сдѣланной с кашею, и разламывают оной над головою имянинника, что знаменует цѣлый будущій год жить ему в благоденствіи, и чѣм болѣе разсыпается по нем каша, тѣм жить ему достаточнѣе. Иненадобно также неотмѣнно, чтоб во время праздства онаго былоб что нибудь разбито, сіе также знак благополучія; а когда того не случится, то бьют нарочно рюмку или стакан. Здесь и в Москвѣ посылают к имяниннику подарки; а в других городах имянинник заказывает маркитанту, или булочнику печь сгибни, и посылает по одному ко всякому из своих родственников.

Ин-

Ингулъ или *Ичнаху*, такъ называютъ Курильцы Щепки или Стружки. кои они за боговъ почитаютъ. *Смотр: Вѣра.*

Иргибашъ-Юма. Божество Черемисъ обитающихъ въ Башкиріи, *см: вѣра*

Йрзямъ, Чуваша такъ называютъ мѣсто своего богомолія, такъ какъ Черемисы и Мордва Киреметь.

Ирлинъ ханъ, Калмыцкій Адскій судья престолъ его поставляютъ они между небомъ и землею на срединѣ, и оный всякаго умершаго судить долженъ. *Смотр: Вѣра.*

Исторія, нѣкоторыя исторіи, и лѣтописи наши наполнены многими суевѣрными повѣствованіями, которыя и до нынѣ служатъ великимъ развратомъ непросвѣщеннымъ Россіянамъ: я удоволюсь выписать нѣкоторыя изъ лѣтописца названнаго Никоновскимъ; гдѣ грубость невѣжества прошедшихъ вѣковъ довольно откровенна, а оный напечатанъ безъ всякой вычистки, не смотря на то, что о случаяхъ наносящихъ соблазнъ, никтобъ сожалѣть не сталъ, ежели бы они въ печатаніи и пропущены были, понеже для просвѣщеннаго человѣка служатъ они вздоромъ, для простолюдина соблазномъ; а для исторіи излишествомъ, напримѣръ:

Того же лѣта 6632, восташа волсви лживіи въ Суздалѣ, избиваху старую чадь

бабы,

бабы, по дьяволю поученїю и бѣсованїю, яко сїи держатъ гобино и жито, и голодъ пущаютъ и бъ мятежъ великъ, и гладъ по всей странѣ той, яко же мужу своя жена даяши да ю, кормятъ себя челядиномъ.

Въ сїяжъ времена прїиде волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Кїеву глаголаша сице: повѣдая людямъ, яко на пятое лѣто Днепру тещи на вспять, а земямъ прїити на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Руской, а Руской на Греческой и прочимъ землямъ измѣнитися, его же невеглси послушаху, вѣрнїи же насмѣхахуся глаголюще: бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ, се же и бысть ему во едину убо нощь бысть безвѣсти: бѣси бо подвигнуша на зло водятъ, по семъ же насмѣхаются, ввергше въ пропасть смертную и научивше глаголати, яко се скажемъ бѣсовское наученїе и дѣйство.

Бывши бо единою скудости въ Ростовстей области, востаста два волхва отъ Ярославля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто обилїе держитъ и придоста по Волзѣ, гдѣ прїидоста въ погостъ, ту лучшая жены наричуще, глаголюще: яко сїя жито держитъ, а сїя медъ, а сїя рыбу, а сїя скору, и привожаху къ нимъ сестры своя и матерь и жены своя; они же въ мѣчтанїи прорѣзоваше имъ за плещима, и вымаста любо жито, любо рыбу, любо бѣлку: и убиша

многи жены, имѣнія ихъ отнимаху за ся, и пріидоста на Бѣло озеро, и бѣ у нихъ иныхъ людей триста.

Того же лѣта случися пріити отъ *Святослава*, дань емлюще Яну сыну Вышатину: и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ и по Шекснѣ погубили, и пришли еще сѣмо, Янъ же испыта, чьи есть смерди; и увидѣвъ же Янъ яко Князя его, и посла къ нимъ иже около его суть, и рече: выдайте волхвовъ тѣхъ, семо яко смердіевъ Князя моего и мои, они же сего не послушаша: Янъ же самъ пойде безъ оружія, и рѣша ему отроцы его: не ходи безъ оружія изсоромотятъ тя, онъ же повелѣ взять оружіе отрокомъ; бѣста бо съ нимъ ВІ. отрокъ, и пойде къ нимъ по лѣсу; они же сташа исполчившеся противу; Яневи же идущу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ три мужа, и пріидоша къ Яневи, рекуще ему: видя идеши, на смерть не ходи; Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде, они же сунушася на Яна, единъ же грѣшись топоромъ; Янъ же оборотя топоръ и удари тыльемъ, и повелѣ отрокомъ своимъ сѣчи ихъ; они же побѣгоша въ лѣсъ; убиша же ту Попина Янева; Янъ же шедъ во градъ къ Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете волхвовъ тѣхъ, не идутъ отъ васъ за лѣто; Бѣлозерцы же шед-

шедше яша ихъ, и приведоша ихъ къ Яне-
ви, и рече имъ Янъ, что ради толико по-
губиста человѣкъ? онемъ же рѣкшимъ,
яко ти держатъ обиліе, да аще истребимъ
сихъ, да будетъ обиліе, аще хощеши предъ
тобою вымемъ жито, или рыбу, или
иное что. Янъ же рече: по истиннѣ лжа
то есть: сотворилъ есть Богъ человѣка
отъ земли, составлена костьми и жилами
отъ крови, и нѣсть въ немъ ни что же,
но токмо Богъ единъ вѣсть, она же глаго-
леста вѣмы, како есть сотворенъ чело-
вѣкъ? Янъ же рече: како? она же реста,
Богъ мывся въ мовницѣ, и вспотѣвъ отре-
ся ветхомъ, и сверже съ небеси на землю,
и распрѣся сатана съ Богомъ, кому въ
немъ сотворити человѣка, и сотвори діа-
волъ человѣка, а Богъ душу въ онь вло-
жилъ, тѣмъ же аще умретъ человѣкъ, въ
землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ,
и рече имъ Янъ: по истиннѣ прельстилъ
есть васъ бѣсъ, коему Богу вѣруете? и
реша Антихристу, онъ же рече имъ: то
гдѣ есть? они же рекоша, сидитъ въ без-
днѣ, и рече имъ Янъ: то кій то Богъ сѣдитъ
въ безднѣ, то есть бѣсъ, а Богъ есть на
небесѣхъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ
Ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ,
немогуще нань зрѣти, а сихъ Ангелъ свер-
женъ бысть за гордость съ небеси, его
же вы глаголете Антихриста и есть въ

 без-

безднѣ, яко же вы того глаголете ждуще, егда снидетъ Богъ съ небеси сего Антихриста емъ свяжетъ узами, и посадитъ въ огнѣ вѣчнемъ съ слугами его, иже къ нему вѣруютъ; вамъ же и здѣ пріяти мука у меня, и по смерти тамо. Онемъ же глаголющимъ: наши бози повѣдаютъ, не можеши намъ сотворити ни что же; онъ же рече имъ: лжутъ вамъ бози ваши; они же реша, намъ стати предъ Святославомъ въ Кіевѣ, а ты намъ не можеши сотворити ничто же? Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати брады ихъ, симъ же біеннымъ и потерганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ, онемъ же глаголющимъ, стати намъ предъ Святославомъ, и повелѣ Янъ клячь вложити во уста ихъ, и привязати ихъ ко упругу, и пусти предъ собою въ лодьи, а самъ за ними поиде, и сташа на усть Шоксны, и рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши повѣдаютъ, они же реша: тако молвятъ бози наши, не быти намъ живымъ отъ тебѣ, и рече имъ Янъ: то вамъ право повѣдали; они же рекоша: аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль пріимеши и зло; Янъ же рече: аще васъ пущу, то зло ми будетъ отъ Бога, и рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убіенъ бысть отъ сихъ, они же реша: у меня мати, а другій ре-
че

че: у меня сестра, у меня жена; Янъ же рече имъ; мстите своихъ; они же поимше ихъ биша, и возвѣсиша ихъ на дубъ, отместіе пріимше отъ Бога и о правдѣ; Яневи же идущу во свояси, въ другуюжъ нощь медведь взлѣзъ угрызе ихъ, и тако погибоша наущеніемъ бѣсовскимъ, инемъ вѣдуще и глаголюще, а своя погибели не свѣдуще, аще быста вѣдали: не бы пришли на мѣсто се, идеже япыма быти има, аще и ята быста, почто глаголаста, не умрети нама, оному мыслящу убити я; но се есть бѣсовское наущеніе, бѣси бо не вѣдяютъ мысли человѣческія и тайны несвѣдуще, Богъ же единъ вѣсть помышленія человѣческая, бѣси бо не вѣдаютъ ничто же, суть бо немощни и худи взоромъ, яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о немощи и обмраченіи ихъ.

Въ сія бо времена и въ лѣта, сія ключися нѣкоему Новгородцу пріити въ Чудь, и пріиде къ кудеснику, хотя волхованій отъ него, онъ же по обычаю своему, хотя начати, и призывати начатъ бѣсы въ храмину свою; Новгородецъ же той сѣдѣ на порогѣ тоя храмины; кудесникъ же лежаше оцепенѣвъ и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣютъ пріити, нѣчто имаши на себѣ, его же боятся, онъ же госпомяну на себѣ крестъ, и отшедъ поска-

 ска-

ставя крестъ, кромѣ храмины тоя, онъ же начатъ призывати опять бѣсы; бѣси же метавше имъ повѣдаша, что ради пришелъ есть? по семъ же начаша вопрошати его, его же носимь на себѣ креста, онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго бога, его же наши бози боятся, онъ же рече: то кацы суть бози ваши, да гдѣ живутъ? онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны и крылаты, и хвосты имуще, восходятъ же и подъ небо слушающе вашихъ богъ, вашижъ боги на небесѣхъ суть, да аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо, аще ли кто отъ нашихъ людей умретъ, то носимъ есть къ нашимъ богомъ въ бездну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ суть ждуще муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со Ангелы: сице бо есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельщаютъ человѣки веляще имъ глаголати видѣнія являющеся имъ несовершеннымъ вѣрою, являющеся во снѣ инемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученіемъ бѣсовкимъ. Паче женами, бѣсовская волшвенія бываютъ изкони бо; бѣсъ же прельсти, и жена мужа, такожде въ родехъ многехъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою и иными бѣсовскими безами, но и мужи прельщени бываютъ

не-

невѣрiи отъ бѣсовъ яко же се въ первыя роды.

Предивно бысть въ Полотскѣ въ мечтѣ бываше въ нощи, стоняше тутно по улицамъ аки человѣцы рищуще бѣси, аще кто вылазяше изъ хоромины, хотя видѣти и уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху, и не смѣяху излазити изъ хоромъ, и по семъ начаша во днехъ являтися на конехъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Полотскiя и ихъ область, тѣмъ бо и человѣцы глаголаху, яко на явѣ бiютъ полочаны.

Итунгъ, болванчики, которыхъ дѣлаютъ Камчадалы во время праздника Грѣховъ очищенiя, и втыкаютъ ихъ въ потолокъ надъ очагомъ, почитая домашними богами. *смотр*: грѣховъ очищенiя.

Iо, симъ именемъ называютъ Черемисы сатану. *смотр*: Шайтанъ.

Iомалла или *Ямагла*, божество Чудскихъ Славянъ: идолъ сей сдѣланъ былъ изъ дерева, на шеѣ имѣлъ дорогое ожерелье, а въ рукахъ держалъ великую серебряную чашу, въ которую покланяющiяся клали деньги, принося оныя въ жертву.

*Iомма*ъ или *Юммаге*, такъ называются у Чувашъ колдуны, или ворожеи.

Каба, богиня Черемискихъ женщинъ. *см*: *вѣра*.

Казань, на мѣстѣ томъ, гдѣ стоитъ нынѣ городъ Казань, увѣряютъ многїе до построенїя онаго было гнѣздо змѣино. Обиталъ тутъ змѣй великъ и страшенъ, и имѣлъ двѣ головы одну змѣиную, а другую воловую; одною пожиралъ человѣковъ, звѣрей и скотовъ, а другою всякое былїе; и при немъ множество другихъ змѣй гнѣздилось; такъ что и пути мимо того мѣста имѣть никому было не можно. Когдажъ для преизящества мѣста онаго Ханъ Сайнъ вознамѣрился построить на ономъ городъ, то изыскавшїйся волшебникъ за великую плату оныхъ гадовъ вредныхъ истребилъ. Оный помощїю дїявольскаго наважденїя, собралъ всѣхъ змїевъ въ кучу, и очертилъ оную волшебнымъ своимъ прутомъ, чтобъ нгодинъ гадъ изъ оной не выползъ, и оклавъ ихъ хворостомъ, сѣрою и смолою всѣхъ сожегъ, и будто отъ произшедшаго отъ оныхъ смраду многїе изъ воинства Сайнова люди, кони и верблюды издохали.

Калдыни-Мумасъ, первенствующая богиня Вотяковъ; а особливо Вотяцкихъ женщинъ, которыя молятъ ее о рожденїи дѣтей, а дѣвицы о благополучномъ замужствѣ. *См: вѣра.*

Калитки, дѣлывались прежде изъ красной кожи безъ каблуковъ, ихъ надѣвали на умершихъ и такъ похороняли, вѣря что безъ оныхъ

оныхъ калишекъ мертваго погребать не должно. Думать должно, что нынѣ уже оное перевелось, кромѣ раскольниковъ.

Калымъ, такъ называется у Магометанъ выкупъ, которой они за невѣсту платятъ. *смотр:* бракъ.

Камаха, краска, *смотр:* червецъ.

Камень, сидячїе Коряки народъ Камчадальской, многїе имѣютъ вмѣсто женъ простые камни, одѣваютъ ихъ въ платьѣ, кладутъ съ собою вмѣстѣ спать, и временемъ шутятъ съ ними и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы.

Камуда, Камчадальской женской божокъ. Божки сїи дѣлаются остроголовыми, и почитаются за тѣхъ бѣсовъ, кои въ женской полъ вселяются во время плясанїя.

Камули, или малыя души. Сїи боги по мнѣнїю Камчадаловъ живутъ на огнедышущихъ горахъ. *смотр:* Вѣра.

Канна, подъ симъ именемъ почитаютъ Камчадалы чорта. *смотр:* Вѣра.

Канонъ, на канонѣ праздника святаго Николая чудотворца, по городамъ и деревнямъ возятъ сбыватели боченки съ пивомъ къ каждой церкви, и черпая или цедя изъ онаго по кружкѣ, подаютъ въ церковь, а при томъ и по восковой свѣчкѣ, которое пиво священники сливая въ ушаты,

тты,

ты, дѣлятъ послѣ по себѣ, и сïе то пиво называется канономъ.

Калко-Оролo, Черемиса и Чуваши признаваютъ сего за слугу ихъ божества. *см: вѣра.*

Картъ, такъ называютъ Черемисы того человѣка, котораго они выбираютъ вмѣсто священника, и придаютъ ему въ помощь дьячка. *смотр:* Вѣра.

Каша, когда варившаяся въ печи каша выдетъ на поверхность горшка, и сïя выпуклость имѣть будетъ наклоненïе въ задъ печи, то сïе знаменуетъ щастïе и изобилïе, а когда въ устье печи, то предвѣщаетъ раззоренïе дома и бѣдность хозяину.

Кереметь, божество Черемиское и Чувашское, такъ какъ и *Кереметь-Кайка* и *Кереметь-Пïамъ*. Но Кереметемъ называется у нихъ и молитвенное мѣсто.

Кидъ, такъ называлисъ древнïе Колмыцкïе капища. *смотр:* Вѣра.

Кикимра, кикимры суть женщины унесенныя въ младенчествѣ чертями, и посаженныя на нѣсколько лѣтъ колдунами къ кому нибудь въ домъ, которыя бываютъ невидимы, однако иныя изъ нихъ съ хозяевами говорятъ, и обыкновенно по ночамъ прядутъ, и хотя никакого вреда не дѣлаютъ, но наводятъ великой страхъ своимъ неугомонствомъ. Говорятъ, что

и мужескъ полъ такимъ образомъ сажаютъ въ домы, которые унесены въ младенчествѣ отъ матерей и воспитаны нечистыми духами, и сіи называются *дьявольское навожденіе.* Также сажаютъ плотники въ домъ дьяволовъ или кикимръ, когда имъ не заплатятъ за работу надлежащаго; но оной дьяволъ не столь спокоенъ бываетъ, ломаетъ все въ домѣ, дѣлаетъ шумъ и стукъ, и наконецъ самаго хозяина выживаетъ изъ дому, отъ чего избавляютъ доки, или тѣ же плотники, получивъ сполна за работу. Древніе Славяне кикимру почитали ночнымъ божествомъ и сонныхъ мечтаній.

Кирха, такъ называется идолъ почитаемый финнами. Отъ котораго имени можно думать, что и нынѣ молитвенный ихъ храмъ названіе имѣетъ кирха. *смотр*: святые.

Китъ, во образъ сего морскаго звѣря дѣлаютъ Камчадалы изъ травы кита, коего съѣдаютъ во время праздника грѣховъ очищенія. *смотр*: Грѣховъ очищеніе и земля.

Кичеба, богиня Черемискихъ женщинъ, мать солнца. *См: вѣра.*

Кладбища, многія могилы и кладбища почитаютъ язычники и магометане за святыя, вѣря, что во оныхъ погребены ихъ угодники. Въ пригородѣ Билярскѣ кладбище

бище называютъ тамошніе жители Балынъ-гусъ. Магометанцы не только здѣсь живущіе, но и Башкирцы изъ отдаленныхъ мѣстъ съѣзжаются лѣтомъ къ симъ развалинамъ, признавая ихъ мѣстами священными; они вѣруютъ, что внутрь каменныхъ зданій погребены ихъ святые, которые не только въ жизни своей, но и нынѣ еще дѣлаютъ различныя чудеса. Набожность и суевѣріе сихъ народовъ достойно также особливаго описанія: ибо нѣкоторые изъ нихъ собирающіеся на мѣсто сего моленія отъ самой подошвы до развалинъ, находящихся на берегу горы, идутъ падши на колѣна свои, почитая святыхъ; чтутъ они и источникъ вытекающей изъ сея горы. Воду его называютъ они освященною, представляя себѣ, будто бы святый ихъ, который жилъ близъ его, вкушалъ и обмывался въ семъ источникѣ; и для сего наливаютъ они сію нарочно привозимые съ собою сосуды, и увозятъ по своимъ домамъ, признавая, что она изцѣляетъ ихъ отъ многихъ болѣзней. По окончаніижъ обыкновенныхъ моленій, сходятъ они на низъ горы, гдѣ убивая гусей; овецъ и другихъ животныхъ, приготовляютъ въ честь своихъ святыхъ, и для празднества своего наилучшій обѣдъ, и не только тѣ, которые съѣхались для моленія, но и Христіяне изъ любопытства смотрѣть ихъ при-

приходящіе могутъ быти участниками ихъ праздникованія и веселостей.

Почтеніе къ симъ развалинамъ осталось между Татарами отъ времянъ праотцовъ ихъ бывшихъ обладателями сея страны; можно узнать сіное изъ словъ, видимыхъ во владѣнной крѣпости Билярскихъ жителей. Татарскіе Цари приставляли безпрестанную стражу ко гробу Балынъ-Гози, и хранителями сего священнаго мѣста были шесть нарочно избранныхъ мужей. Когда Казань и всѣ области великія Татаріи покорены были подъ власть Россійскихъ Царей, то въ то же самое время (будучи безъ призренія) разрушилась и сія священная палата. Спустя нѣсколько времяни Татары вспомнивъ древнюю свою набожность, просили новыхъ Государей своихъ, дабы позволено имъ было возобновить упадшій и раззоренный храмъ. Сіе имъ было позволено, построивъ новую палату, поселили тутъ нѣсколько домовъ изъ роду тѣхъ людей, кои были приставлены во время Татарскихъ Царей, и они должны были быть стражею и хранителями сего мѣста, по ихъ старинному обычаю; вскорѣ послѣ возобновленія каменной палаты, пришли туда селиться предки нынѣшнихъ Билярскихъ жителей, кои притѣсняя Татаръ жившихъ у гробницъ ихъ святаго, довели на-

наконецъ до того, что они оставя сïе мѣсто, избрали себѣ иное жилище; а палаты будучи безъ призренïя, а при томъ и разрушаема новыми жителями, пришла въ конечное опустошенïе. *см*: могилы.

Кладъ, когда покажется въ ночное время, или въ день одному какое животное, или теплющаяся свѣча, то должно по той вещи легохонько ударить, и сказать *аминь*, *аминь разсыпся*, которая и оборотится котломъ, или кубышкой съ деньгами, а сïе называется кладъ; котлы обыкновенно находятъ по явленïю какого нибудь животнаго на полѣ, въ лѣсу, или въ саду, и такая експедицïя бываетъ опасна, и сопряжена со многимъ страхомъ; ибо въ то время, какъ вынимаютъ котелъ, выбѣгаютъ изъ лѣсу черти, и кричатъ, рѣжъ, бей, губи; при такомъ случаѣ берутъ всегда въ помощь колдуна. Клады полагаютъ такïе суеверы и не объявляютъ оныхъ, и при самой своей смерти, кои вѣрятъ, что и на томъ свѣтѣ пользоваться симъ имѣнïемъ могутъ.

Кликуши, бываютъ кликушами вдохновенныя, или испорченныя женщины, кои приходя въ нѣкоторое неистовство, плетутъ всякой вздоръ, и дѣлаютъ иногда пророчества, онѣ кричатъ голосами разныхъ животныхъ по времянамъ, и выкликиваютъ того имя, кто ихъ испортилъ.

Клюк-

Клюква, Раскольники изъ Брынскихъ лѣсовъ, когда кого не могутъ уговорить лестiю къ ихъ еретичеству, то даютъ ягоду клюкву, напоенную нѣкоторою отравою, которую ежели кто съѣстъ неотмѣнное получитъ желанiе итти въ Брынскiе скиты; а когда кто съѣвши оную увидитъ огонь, то пришедъ во иступленiе ума, бросается во оной, ибо представится ему рай и Ангелы воономъ сѣдящiя.

Коболтъ, такъ называютъ Вотяки домовова. *смотр:* домовей.

Козей, такъ называется собака Камчадальскаго бога Тунла, она по мнѣнiю Камчадаловъ производитъ землетрясенiе, когда отрясаетъ снѣгъ съ себя. *смотр:* Вѣра.

Колюка трава, когда дымомъ сей травы окуришъ ружье, то никакой колдунъ заговорить его не можетъ.

Коляда, идолъ его былъ въ Кiевѣ, и почитали его богомъ мира, праздникъ его совершали 24 Декабря играми, веселiемъ и пированiями, въ коихъ не оставляли употреблять обрядовъ, и идолу Туру принадлежащихъ; но и нынѣ по нѣкоторымъ городамъ и деревнямъ въ память идола Коляды не оставляютъ, также безъ употребленiя идолопоклонническихъ обрядовъ. Въ день называемый сочевникъ, то есть

24.

24 Декабря на канунѣ дня Рождества Христова, въ вечеру собираются нѣсколько дѣвокъ, и приходя подъ окно къ каждому поютъ особую для того дни пѣсню, (*), упоминая имя коляды, что и называется колядуютъ, за что обыватели даютъ имъ нѣсколько денегъ; а отъ того и во всѣ святые вечера, начиная отъ Рождества до Крещенія, въ честь тѣхъ же идоловъ Коляды и Тура, поютъ такъ называемыя подблюдныя пѣсни, дѣлаютъ игрища, наряжаются въ хари, одѣваются чер-

(*) *Прилѣпаютъ каждаго хозяина и хозяйки имя:*
Виноградье красно, по чему спознать,
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его у двора все шелкова трава,
Что у его у двора все серебреной тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотнички рыбья зубья;
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды; малы дѣтушки,
Да дай Боже Устину Малафеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женить;
Да дай Боже Улитѣ Ахромѣевнѣ,
Съ высока терема дочерей выдавать,
Подари государь колядовщиковъ,
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына.

чертями, гадаютъ и льютъ олово и свинецъ въ воду и въ снѣгъ.

Комета, явившаяся и проходящая комета, а особливо съ хвостомъ, значитъ въ простомъ народѣ общественное нещастіе, то есть моръ, голодъ или войну и прочая. Въ иностранныхъ же государствахъ осмѣливались движеніе небесныхъ тѣлъ приписывать и собственному своему несчастію, или какимъ нибудь частнымъ приключеніямъ. Въ 837 году отъ рождества Христова явившаяся Комета навела несказанный ужасъ на Лудовика кроткаго. Сей суевѣрный Государь вопрошалъ при семъ случаѣ всѣхъ Астрологовъ, закладывалъ монастыри и умеръ два года спустя послѣ того отъ страха, который произвело въ немъ полное солнечное затмѣніе. Въ 1264 году явившуюся комету историки того времени полагали, что предзнаменовала она смерть Папы Урбана IV, Въ 1456 году явившуюся комету Папа Каллистъ велѣлъ проклинать сочиненною особою молитвою, также и Турокъ, которыхъ тогда завоеванія его устрашали. Въ 1686 году бывшую комету почитали предвозвѣстницею послѣдовавшаго тогда во Франціи гоненія на протестантовъ, такъ какъ и многія въ 1677 году явившіяся кометы почитали за предзнаменованіе подобныхъ печальныхъ происшествій, ка-

 кимъ

кимъ суевѣрїемъ и старинные наши лѣтописцы преисполнены.

Конь, *см*: лошадь.

Корова, чудо произшедшее отъ коровы въ Городѣ Казани передъ взятїемъ онаго повѣствуется тако: родися отъ коровы дѣтище человѣческимъ образомъ, егоже видяше Татарове и снидошася мнози видѣти его, и внезапу дѣтище перемѣнися въ совершенна мужа возрастомъ и яко вооруженъ видяшеся и глаголаше зрящимъ на него паденїе града Казани, и совѣщаша Татарове убити его, и абїе невидимъ бысть.

Коронацїя, непросвѣщенные люди вѣрятъ, что ежели государь вступая на престолъ коронуется въ то время, когда одѣвается листомъ лѣсъ, то во время владѣнїя его государство будетъ изобиловать всѣмъ, то есть, людьми, хлѣбомъ и богатствомъ; а когда въ то время, когда лѣсъ роняетъ уже свой листъ, то не такъ можетъ быть изобильно.

Корсъ или Корша, божество Кїевское: его признавали богомъ болѣзней и всѣхъ припадковъ, и жертвовали для отвращенїя оныхъ.

Кость невидимка, должно отъискать черную кошку, на которой бы ни единаго волоса не было другаго цвѣта, и сваривъ оную, выбрать всѣ кости, а потомъ поло-

ложа ихъ всѣ передъ зеркало, сѣсть самому и класть каждую кость къ себѣ въ ротъ, смотря въ зеркало, когда же та кость попадетъ, то самъ сабя въ зеркалѣ не увидишъ, и съ сею то костью можешъ уже ходить куда хочешъ, и дѣлать что изволишъ, будучи ни кѣмъ не видимъ.

Кофейницы, *смотр*: ворожба.

Кошка моется, когда кошка станетъ умываться къ себѣ лапою, то тѣмъ предъявляетъ, что къ хозяину въ тотъ день будутъ гости, а когда спитъ подвернувши рыло подъ брюхо, то предвѣщаетъ лѣтомъ непогоду, а зимой морозы.

Кровь, кому во снѣ пригрезится кровь, то значитъ, что имѣть свиданіе съ кровнымъ, то есть родственникомъ, который пріѣдетъ издалека.

Кудо-Шоче Наба: богиня Черемискихъ женщинъ, почитается богинею родинъ. *см*: *вѣра*.

Кудорча, Черемискій богъ плодородія, *см*: *вѣра*.

Кузнечикъ куетъ, кузнечикъ, которой куетъ иногда по угламъ въ горницѣ, то сіе значитъ, что обыкновенно выживаетъ живущаго изъ дома.

Кушлекъ, Черемисами почитаемый богъ, оный охраняетъ ихъ домы, покой и благополучіе.

Кукłы: Отяки въ знакъ почтенія отмѣнныхъ у нихъ людей, дѣлаютъ во образъ ихъ куклы, и ставятъ вмѣстѣ съ идолами, а вдовы кладутъ иногда такія мужей ихъ представляющія куклы съ собою въ постелю, да притомъ когда сами ѣдятъ, не забываютъ и имъ удѣлять своей пищи.

Кукушка: птица сія признавается простяками за пророчествующую, и когда она кричитъ въ лѣсу, то бабы загадываютъ, сколько имъ жить, а потомъ сколько она разъ прокричитъ, то и вѣрятъ, что столько той бабѣ и лѣтъ жить.

Кулачный бой смотр: бой.

Кумаха, такъ называется лихорадка.

Купало: божество Славянское: сей идолъ почитался третьимъ по Перунѣ. Въ началѣ жатвы, въ день праздника его, то есть 24 Юлія и 29 тогожъ мѣсяца приносили ему жертвы: отроки и девицы, также мужи и жены собиралися въ вѣнкахъ и поясахъ, изъ нѣкоей травы сдѣланныхъ или изъ цвѣтовъ, раскладывали огонь, и взявшись за руки плясали около онаго, и чрезъ него перепрыгивая, припѣвая въ пѣсняхъ своихъ идола Купалу. А въ день Петра и Павла дѣлали при тѣхъ же обрядахъ и качели, скакали на доскахъ и прочая, отъ котораго празднества и свя-

святая Агрипина прозвана купальницею; *см:* Аграфенинъ день.

Кургубуршъ-Юма, божество Черемисъ живущихъ въ Башкиріи. *см: вѣра.*

Курдю, такъ называется особая машина у Калмыцкихъ поповъ, которую они во время молитвы употребляютъ. *Смотр:* вѣра.

Курица поетъ: у кого курица воспоетъ пѣтухомъ, то симъ предзнаменуется хозяину какое нибудь нещастіе, что называется *не передъ добромъ*, и тогда курицѣ той отвертываютъ голову съ произношеніемъ таковыхъ словъ: *не пой курица пѣтухомъ*, или *на свою голову запѣла.*

Кусокъ хлѣба, ежели кто обѣдая, или ужиная, отломивъ кусокъ хлѣба, будетъ ѣсть, и не доевъ его забывшись оставитъ и отломитъ другой, то сіе знаменуетъ, что кто нибудь изъ родныхъ его терпитъ голодъ.

Кутлыжичь, сестра начальнѣйшаго бога Камчадальскаго. *смотр:* вѣра.

Кутху, начальнѣйшій богъ Камчадаловъ. *смотр:* Вѣра.

Лада, Славенская богиня браковъ, любви и веселія: каждыя сочетавающіяся приносили ей жертву, надѣяся получить отъ нее щастіе въ супружествѣ; имѣла она великолѣпный храмъ въ Кіевѣ.

Ладонка, или *мошонка*: простолюдины привѣшиваютъ ее на тотъ шнурокъ, на

коемъ носятъ крестъ и кладутъ въ нее ладонъ, вѣря что ни колдовство, ни уроки взять его не могутъ; а когда кто родился въ сорочкѣ, то и оную кладутъ тутъ же и носятъ таковыя ладонки по смерть для щастія.

Ладонь чешется: когда у кого засвербитъ ладонь, то примѣчаютъ, что неотмѣнно въ тотъ день щитать ему деньги.

Лама, Калмыцкій первосвященникъ. *смотр*: Вѣра.

Ласточка: ежели кто убьетъ ласточку, щеголицу, голубя или синичку, то увѣряютъ, что тотъ въ скотѣ щастія имѣть не будетъ. *см*: воробей. Когда же ласточка лѣтая весьма ниско, подлѣтитъ подъ корову, то увѣряютъ, что отъ того времяни у той коровы молоко будетъ всегда кровавое.

Лейбъ-Олмай: Лопари признаютъ сего идола богомъ звѣроловительства. *см*: *вѣра*.

Лихоманка, такъ называется лихорадка.

Лихорадка: простолюдины увѣряютъ, что сихъ лихорадокъ девять сестеръ: онѣ крылаты и непріязненны человѣческому роду; содержатся въ земныхъ челюстяхъ на цепяхъ, и когда ихъ спускаютъ, тогда безъ милости нападаютъ на людей. Онѣ столь вредны, что когда имъ много дѣла однимъ мечтательнымъ поцалуемъ причиня-

пяютъ трясавицу и обитаютъ во одержимыхъ лихорадками; щастливъ тотъ, когда прикоснется къ кому лихорадка во время много немоществующихъ, ибо они будучи заняты дѣломъ, отъ одного больнаго къ другому перелетая, не такъ долго трясутъ и даютъ отдыхать болящимъ; а въ самыя сес-перъ недосуги, приходитъ иногда черезъ день, черезъ два и три. Лихорадки боятся собачьихъ удавокъ, свиныхъ гнѣздъ и проч. Сибиряки больные незадолго передъ приходомъ лихорадки вычериваютъ у себя лицо, а иногда и все тѣло, и надѣваютъ на себя чужую худую гуню, дабы сей злой духъ его неузналъ, или бы его испугавшись отсталъ.

Локоть, когда свербитъ, или чешется у кого локоть, то значитъ, что спать ему на новомъ мѣстѣ.

Лошадь: когда въ дорогѣ распряжется лошадь, то вѣрятъ, что сдѣлалось въ домѣ нездорово: а большею частїю признаютъ, что жена учинила мужу невѣрность. У Черемисъ, Чувашей и Вотяковъ лошади почитаются за главнѣйшую жертву, и по годовымъ большимъ праздникамъ опредѣляютъ они на жертвенное приношенїе отъ большей части коней бѣлыхъ, которыхъ мясо ѣсть у Черемисовъ тому недозволяется, кто предъ тѣмъ неомылся и бѣлой не надѣлъ рубахи.

Луна : Мордва почитаетъ мѣсяцъ нѣкоторымъ божествомъ, и увидя его въ первой разъ новой, кланяются и просятъ, чтобъ низпослалъ имъ во время своего правительства щастіе, только жертвы ему не приносятъ.

Лункъ или *Лонгъ* идолъ почитаемый Остяками. Прежде приведенія ихъ въ христіанскую вѣру молились они сему идолу по обыкновенію своему такимъ образомъ, что предъ онымъ свистали подобно какъ приманиваютъ сабакъ, и притомъ заколеніемъ рогатого скота и лошадей ему жертвовали.

Лучина : ежели кто имѣетъ привычку бить домашнихъ своихъ лучиною, то весь его домъ будетъ нездоровъ и изсохнутъ всѣ такъ какъ лучина.

Леда : подъ симъ именемъ по сказанію Мавроубина, почитали нѣкоторые Славяне бога войны, имя его произведено кажется изъ слова ледъ или леденеть.

Лельо, сынъ *Ладинъ* : нѣжный богъ любви и веселія онъ почитался у Славянъ богомъ воспламененія любовной страсти, а братъ его *Дидъ* богомъ отвращенія.

Лѣтучая мышь : суеверы сушатъ оныхъ и какъ для здоровья такъ и для счастія носятъ съ собою, также кладутъ оныхъ мышей въ кипятокъ, и потомъ даютъ сію воду пить лѣжащимъ въ гноищѣ и одержимымъ перемѣжающеюся горячкою дѣтямъ.

Лѣ-

Лѣтучїй огонь: такъ называемая болѣзнь случается у дѣтей, то избираютъ единороднаго сына или дочь, и велятъ ему къ тому мѣсту изъ кремня и огнива присѣчь огонь, и увѣряютъ, что болѣзнь оная отъ того минется безъ всякихъ другихъ стараній.

Лѣшїй: увѣряютъ, что лѣшїи суть мужеска и женска пола огромной величины, когда ходятъ они между травою, то становятся съ ней равны, а когда бѣгаютъ по лѣсамъ, сравниваются съ высотою оныхъ; кричатъ ужасно, хлопаютъ въ ладони, и откликаются на голосъ, когда аукаютъ; ходящихъ по лѣсу людей обходятъ кругомъ, чѣмъ затмѣваютъ ихъ память, и принуждаютъ заблуждаться до ночи; а потомъ уносятъ въ свои жилища, вѣшаются они въ лѣсахъ по деревьямъ; у поселянъ работающихъ въ лѣсу просятъ пирога, а взявши отходятъ и кричатъ ужасно: *шолъ да нашолъ*; равномѣрно уносятъ малыхъ ребятъ въ свои подземныя жилища, и тамъ ихъ содержатъ, изъ коихъ иные чрезъ нѣсколько лѣтъ освобождаются посредствомъ пѣнїя молебновъ, ежели они только будучи у лѣшихъ въ гостяхъ ничего не ѣли. Лѣшїе всѣ косматые, и великїе охотники до женскаго пола; уносимыя ими ребята бываютъ по возвращенїи дики, и насилу привыкаютъ говорить и съ людьми обращаться, коихъ лѣ-

лѣшіе сами выносятъ на то мѣсто, гдѣ взяли. Ежели лѣшій въ лѣсу обойдетъ, и человѣкъ дорогу потеряетъ, то должно все имѣвшееся на немъ платье выворотить и вздѣть на изнанку, то пропадаетъ обойденія сила, и человѣкъ сыскавъ дорогу, лѣшаго избавиться можетъ. Сіи страшилища почиталися отъ древнихъ Славянъ лѣсными богами. Вотяки называютъ лѣшаго Алида и увѣряютъ, что онъ живетъ въ лѣсу. У него одна только, да и та навывоготъ нога, одинъ большой глазъ и превеликая шишька, которую втискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушиваетъ.

Любовь, страсть сія между простолюдинами называется сухотою, и естьли кто въ которую влюбится, а она къ нему несклонна, то и говорятъ, что напустила она на него сухоту, и сіе разумѣютъ: *не спроста*, то есть, что будтобы тутъ замѣшалась дьявольщина.

Лягушка, Яицкіе козаки вѣрятъ дѣйствительно, ежели во время багренія на уралѣ рыбы, попадется кому лягушка на багоръ, которыя бываютъ тамо весьма велики, тотъ во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя будетъ перемѣнять багры и мѣста. *см:* муравейникъ.

Мадеракко, богиня, имѣющая у себя трехъ дочерей. Лопари вѣрятъ и признаютъ

ютъ сихъ богинь устрояющими и судящими всѣ женскія дѣла. *см: вѣра.*

Мазаръ симъ именемъ называется у чувашъ общее кладбище покойниковъ.

Мамонтовая или слоновая кость, жители по рѣкѣ Дону, находя слоновыя по берегамъ кости, вѣрятъ и другихъ увѣряютъ, что есть великій подземельный четвероногій звѣрь, котораго бытіе открывается послѣ его смерти, то есть оныя кости не слоновыя, но того звѣря.

Манжи, калмыки такъ называютъ своего дьячка. *смотр: Вѣра:*

Марцача, Славянская богиня, почиталась оная богинею жатвы.

Масленица. вмѣсто предуготовленія себя воздержаніемъ къ понесенію великаго и строгаго поста, простолюдины почти всю оную недѣлю имѣютъ безъ снимания наполненный столъ особымъ на сей недѣлѣ приуготовляемымъ кушаньемъ, какъ то разнаго рода блинами, оладьями, пряженцами и прочимъ, которое все вообще называется масленицею, и отъ утра до вечера оставя прочія упражненія, пьютъ, и ѣдятъ. Ходятъ ко всѣмъ для прощанья; а къ кумамъ и кумамъ носятъ превеликіе пряники, и также большіе косяки мыла; катаются на горахъ въ различномъ и смѣшномъ одѣяніи, также въ харяхъ и маскахъ. Въ послѣдній вечеръ сырныя недѣли не

дол-

должно, ни огню разводить, ни свѣчь зажигать.

Мастеръ-Пасъ, Мордва подъ именемъ симъ почитаетъ нѣкоего идола, и приноситъ ему въ жертву черную корову, такъ какъ Пасъ-Ачускаю рыжую.

Медвѣдь, Остяки и другiе идолопоклонники звѣря сего почитаютъ особливо, предопредѣляютъ ему послѣ смерти, такую же по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ участь. По убiенiи его поютъ извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣшеннымъ шкурамъ много учтивости, дабы они въ царствѣ мертвыхъ имъ не мстили.

Медючъ, лакомая Бухарская пища, дѣлается на подобiе нашихъ маковниковъ, изъ толченаго маку съ медомъ и пряными кореньями. Кто поѣстъ Медюна, тотъ становится послѣ онаго веселъ и замысловатъ.

Мертвецъ, пригрѣзившiйся во снѣ мертвецъ значитъ, что будетъ снѣгъ.

Мечеть, Магометанскiя мечети обыкновенно строятся четвероугольными, съ небольшими башенками по четыремъ угламъ, сверьху которыхъ мущины, которые нѣчто иное, какъ наши церковныя старосты, созываютъ народъ къ службѣ Божiей во времяна опредѣленныя закономъ. Сiи мечети обыкновенно бываютъ внутри съ сводомъ, въ которыя свѣтъ про-

проходитъ чрезъ многія окна; ничего въ нихъ больше ни находится, кромѣ ковровъ и соломенныхъ рогожъ постланныхъ на землѣ вмѣсто скамей, каковы бываютъ въ нашихъ церквахъ, на которыя пришедши къ службѣ Божіей, садятся поджавъ ноги по восточному обыкновенію. Сверьхъ сего есть еще одно возвышенное мѣсто, на которомъ Имамъ или попъ, которой отправляетъ службу, садится. Сіе примѣчено, что оное мѣсто дѣлается всегда къ той сторонѣ, которая къ Меккѣ. Мечети освѣщаются въ нощное время, чрезъ многое число паникадилъ прицепленыхъ къ своду на копейное деревко вышиною, въ прочемъ въ Магометанскихъ мечетяхъ все весьма чисто; а люди, которые въ нихъ входятъ, наблюдаютъ прилѣжно, чтобъ башмаки свои оставлять при дверяхъ, чтобъ не замарать пола. Когда нѣтъ золота и прочихъ украшеній, которыя въ богатыхъ видятся мечетяхъ, въ убогихъ по крайней мѣрѣ выбѣлены преизрядно бываютъ стѣны, на которыхъ многія мѣста изъ алкорана расписаны. Предъ мечетемъ обыкновенно дѣлается небольшое четвероугольное мѣсто окруженное преизрядно выбѣлеными галлериями, гдѣ также видится написано имя Божіе, съ главными его свойствами на многихъ мѣстахъ; а по срединѣ сего мѣста

сдѣ-

сдѣланъ фонтанъ, чтобъ тѣ, которые входятъ въ мечеть, всегда могли чинить свои омовенія опредѣленныя закономъ. Которые хотятъ быть Имамами и Муллами, тѣ всеконечно должны знать Арапской языкъ, потому что весь алкоранъ написанъ симъ языкомъ; а сверьхъ сего надлежитъ имъ читать, хотя нѣкоторую часть наилучшихъ толкованій на сію книгу. Въ мечетяхъ читается алкоранъ всегда по Арапски, хотя подлой народъ Турецкой, Персидской и Татарской не разумѣетъ ни слова на семъ языкѣ. Кажется что духовные Магометанцы возлюбили такимъ же способомъ Арапской языкъ, какъ и Католики Латинской. Однако у Магометанцовъ хотя уже сіе чинится для неразумія простаго народа, что Мулла прочитавши нѣкоторое изъ алкорана мѣсто опредѣленное тому дню, обыкновенно прибавляетъ небольшое толкованіе на простомъ языкѣ, для тѣхъ, которые не разумѣютъ Арапскаго языка. Имамъ у Магометанцовъ не что иное, какъ у Католиковъ первой приходской попъ, а Мулла, какъ докторъ Богословіи.

Митгъ, Камчедальскій морскій Богъ, имѣющій рыбій видъ. *Смотр*: вѣра.

Младенецъ, когда кто похвалитъ младенца, то мать облизываетъ ему лице

це по три раза и плюетъ на землю, дабы уроки его не взяли; въ томъ же намѣренïи обмываютъ его всегда передъ спаньемъ во всякое время; а когда начинаетъ ходить, и первый разъ переступитъ ногами, то хватаютъ скорѣе ножъ, и рѣжутъ онымъ ту часть пола, которая случится тогда промѣжъ его ногами, знаменуя тѣмъ, что они разрѣзываютъ, или разрѣшаютъ его нехожденïе; а таковой поспѣшностïю и суевѣрïемъ часто отрѣзываютъ у младенцовъ пальцы.

Могилы, по погребенïи покойника, Ижерцы ночью носятъ на могилы пищу, и зарываютъ ее во оныя, вѣря, что и на томъ свѣтѣ люди жить долженствуютъ также какъ и здѣсь, для чего и пища имъ потребна; а какъ могилы ихъ весьма плоски, то оную пищу вырываютъ собаки; Ижерцы же думая, что то съѣдаютъ мертвые для того и много разъ оное повторяютъ. Черемисы всякому умершему завязываютъ въ поясъ по нѣскольку копѣекъ, да сверьхъ того надѣляютъ его посудою и другими домашними надобностями, кладутъ палку, чтобъ было чемъ оборониться отъ собакъ и пучекъ розовыхъ лозъ, который по ихъ мнѣнïю отвращаетъ злыхъ духовъ. Всякой провожатой за горящими на могилѣ свѣчами съѣдаетъ свой блинъ, и откуся три кус-

куска отъ онаго кладетъ на могилу, и говоритъ *сто тебѣ пригодится*; до выносужъ покойникова горитъ передъ нимъ восковая свѣча, а на груди лежитъ пирогъ. Въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, происходятъ общїе поминки: всякъ засвѣтя на гробахъ свойственниковъ своихъ свѣчи, ѣстъ на оныхъ мясо или пирогъ, да и покойникамъ по небольшой долѣ оставляетъ на могилахъ. По зарытїи покойника въ землю, скачутъ иные народы черезъ огонь, вѣря, что смерть и душа покойника слѣдовать за ними уже не можетъ.

Изнемогающаго и при послѣднемъ издыханїи находящагося Татарина посѣщаетъ Мулла, и читаетъ надъ нимъ молитвы изъ алкорана, до тѣхъ поръ, пока не успнетъ. Умершаго обмываютъ мущину мущины, а женской полъ старухи, и въ награжденїе себѣ получаютъ все, что при смерти на покойникѣ ни было. Обмывъ обвертываютъ холстомъ въ три ряда мущину, а женщину въ пятеро; собираются всѣ знаемыя, ближнїя, и сосѣди мужеска пола, и выносятъ изъ дому на лубкѣ, или доскѣ вонъ головою. Не доходя шаговъ съ сорокъ до могилы, останавливаются и начинаютъ всѣ молиться Богу на полдень, такимъ же порядкомъ, какъ въ мечетѣ. Проговоривъ молитвы ста-

ставятъ покойника въ могилу на доскѣ или лубкѣ, гдѣ ему дѣлаютъ особенной погребъ въ боку, и проходъ въ оной закладываютъ, или досками, или лубьемъ, а остальное отверстіе засыпаютъ. Съ могилы семью умершаго уже не посѣщаютъ, но расходятся по домамъ: ибо послѣ умершаго пиршествовать прежде трехъ дней за грѣхъ вмѣняется; да и домашнимъ первые три дни заготовлять для себя пищу, также не безъ грѣха, почему они и питаются только подаяніемъ своихъ сосѣдей. По прошествіи трехъ дней, уже собираются въ домъ умершаго всѣ знакомыя, къ чему приглашается и Мулла, который читаетъ по умершемъ въ дому молитву. Награжденіе Муллѣ бываетъ, кромѣ денежнаго подаянія, кожи всѣхъ животныхъ, которыя на поминовеніе закалаются.

Другіе поминки бываютъ у нихъ по прошествіи семи дней, а третьи по прошествіи сорока дней: ибо они думаютъ, что въ сіи дни душа ходитъ по мытарствамъ, и приходя въ домъ свой смотритъ, какъ ея поминаютъ; почему и Му-Азинъ не остается безъ платы; онъ получаетъ все оставшееся послѣ покойника, чтобы каждый вечеръ надъ могилою, или въ своемъ домѣ читалъ просительныя молитвы на пользу умершаго.

Когда Калмыкъ часуетъ, то приходятъ къ нему Гелюни, и читаютъ свои молитвы, при чемъ бываетъ и нѣкоторый родъ исповѣди, и молитвы продолжаются до послѣдняго Калмыцкаго издыханія; а какъ скоро умретъ, то Гелюнь, чтобы болѣе удостовѣриться о смерти, ставитъ на столъ зеркало, и небольшую дорожку къ оному усыпаетъ золою, приказывая душѣ умершаго, чтобъ она никакихъ слѣдовъ на сей дорожкѣ не оставляла, и когда прозорливый Гелюнь ничего такого не примѣтитъ, указываетъ душѣ по своему Сударю, по какому пути она пѣшешествовать должна. Тогда приходятъ сродники и ближайшія, и поютъ обыкновенную голосистую надгробную пѣснь. Гелюнь разсматриваетъ еще свой сударь, и опредѣляетъ куда усанадобить покойника имя, годъ и число его рожденія, день и часъ его кончины опредѣляютъ ему похороны. На иныго падаетъ жребій, чтобы разтерзану быть звѣрями и хищными птицами: другому быть снѣдію рыбамъ; третій сожигается въ пепелъ; а щастливаго предаютъ землѣ. Послѣднихъ обвертываютъ въ восчаную бумагу всѣ члены, и зарываютъ въ землю со всѣмъ его воинскимъ снарядомъ, куда принадлежитъ пищаль, лукъ, стрѣлы, сабля и сѣдло, а тѣхъ, которыхъ Калмыцкая судьба опредѣлила бросить въ воду, или по-

повергнушь на снѣдь звѣрямъ, збрую кладушь въ капищахъ, по видимому для вооруженія Бурханскихъ силъ. Но Черноярскіе козаки и другіе проѣзжающіе, не рѣдко сіе суевѣріе въ свою пользу употребляютъ. Напротивъ шого Калмыки вооружаютъ себѣ нѣкоего надъ сими вещами скрытнаго пристава, который всѣхъ дерзающихъ похитишь, что нибудь изъ сего освященнаго мѣста казнитъ смертію. Умершихъ ни когда они не выносятъ изъ кибитки въ двери, но поднимаютъ одно звено съ зада, куда и вытаскиваютъ. Надъ погребенными ставятъ четыре шеста, обращенные на всѣ части міра; на шестахъ вѣшаютъ значки съ надписью года и числа, рожденія и кончины покойника съ молитвою къ Бурханамъ.

Оставшееся имѣніе дѣлятъ между собою ближайшіе сродники, какъ то дѣти и проч. на равныя части. Кибитку со всѣмъ приборомъ получаетъ Гелюнь и прочіе причетники.

Ханы и другіе знатные владѣльцы отъ похороннаго жребія изключаются, не имъ Калмыцкая судьба отъ вѣка предопредѣлила по смерти быть сожженнымъ, выключая одни головныя кости, которыя съ остальнымъ пепломъ кладутся въ золотой сосудъ, и отсылаются къ Далай Ламѣ, гдѣ всѣ ихъ угодники опочиваютъ, и которыхъ они Бѣлгючи называютъ. Сосудъ

наполненной Ханскимъ пепломъ должны провожать и великіе подарки, дабы умилостивить ихъ святыню и изходатайствовать вѣчное Хану блаженство. При такихъ случаяхъ и многіе зажиточныя Калмыки посылаютъ дары своимъ угодникамъ, Далай Ламѣ и всему его прибору для благоденствія своей душѣ и отшедшей братіи. Оттуда возвращающіеся привозятъ извѣстіе, гдѣ чей сродникъ находится, въ какомъ именно раю или мукѣ, и какими средствами можно кого избавить отъ муки; ибо Далай Лама, по ихъ суевѣрію, получаетъ обстоятельныя извѣстія отъ своего гаданія о всемъ, что наономъ свѣтѣ ни происходитъ, и можетъ своимъ предстательствомъ изъ беззаконника произвесть въ святыя.

Чувашенѣ кладутъ своихъ покойниковъ въ худые гробы во всемъ одѣяніи, и похороняютъ оборотя головою къ западу. Сказываютъ, что еще и нынѣ кладутъ они мущинамъ во гробъ всякую мѣлочь, а наипаче лапти, кочадыкъ, ножикъ, нѣсколько лыкъ и огниво. Общее кладбище, которое выбираютъ они въ отдаленіи, какъ отъ деревни, такъ и отъ Керемета, и отъ всѣхъ большихъ дорогъ, называется у нихъ Мазаръ. Трижды отправляютъ они погребеніе своего сродника, и къ тому нынѣ называютъ среду на страстной недѣлѣ,

се-

семикъ, то есть четвертокъ передъ пятницею, и 8 число Ноября, которое Юбуяхъ они называютъ; въ сей последній день, не токмо приносятъ у могилы жертву, но и въ головахъ у покойнаго ставятъ деревянныя столбы. Выкопавъ яму, въ которую должно столбъ поставить, бросаетъ всякой изъ находящихся при томъ по куску мяса, и вливаютъ несколько браги, потомъ жертву едятъ пьютъ и веселятся.

Для погребенія мертвыхъ копаютъ они могилы, или вколачиваютъ въ землю колья, переплетаютъ хворостомъ, кладутъ мертваго по верьхъ земли въ платье, покрываютъ вейзями и засыпаютъ землю, но подле головы обыкновенно лежащей къ северу, вколачиваютъ толстой колъ, и не вынимаютъ онаго до техъ поръ, пока со всемъ сделаютъ могильной бугоръ; а какъ оной колъ вытянутъ, то остается дыра въ могиле. Въ каменистыхъ местахъ складываютъ они кучу камней надъ мертвымъ теломъ, потому не удивительно, что во всехъ степяхъ находится множество такихъ могильныхъ бугровъ, коихъ число и впредь умножаться будетъ, однако по большей части хоронятъ они мертвыхъ около могилъ техъ усопшихъ, коихъ за святыхъ почитаютъ, и притомъ подле старыхъ мечетей, а особливо

во въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже много старыхъ могилъ находится.

Погребеніе умершему Черемису бываетъ такимъ образомъ: прежде всего обмываютъ умершаго водою, по обычаю другихъ народовъ; потомъ надѣваютъ на него чистую рубашку, онучи и лапти, что все должно быть сдѣлано изъ новаго полотна, и въ самый день смерти его могилу выкапываютъ въ общихъ ихъ кладбищахъ, и вырывъ яму ставятъ въ нее три доски, между которыхъ кладутъ мертвое тѣло, и съ нимъ вмѣстѣ ножикъ, кочетыкъ, (дабы пришедъ на тотъ свѣтъ, могъ плести себѣ лапти), деревянную палочку (*), и пукъ прутьевъ изъ шиповаго дерева; а сіе для того, чтобы нечистый духъ не прикасался къ тѣлу мертваго: ибо по мнѣнію ихъ, демонъ опасается сихъ прутьевъ. Между тѣмъ, когда происходятъ сіи странные обряды, подходятъ родственники къ мертвому тѣлу и непрестанно говорятъ: *иштютъ вестюнза каинъ маньтъ*, то есть, *ничего не бойся мертвый*. Не понимая и не могши отъ нихъ узнать, къ чему такія увѣ-

(*) Палочку съ умершимъ кладутъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ онъ могъ оборониться отъ лютости псовъ, которые находятся въ томъ свѣтѣ, гдѣ онъ по смерти обитати долженъ.

вѣренія безчувственному тѣлу, вопрошающимъ. Отвѣтствуютъ они: что мы возрасли при сихъ обрядахъ безъ всякаго разумѣнія, а только слѣдуя примѣру отцовъ нашихъ, хранимъ ни мало ихъ не нарушая. Совершивъ сіи обряды покрываютъ мертваго кавтаномъ, и тотчасъ засыпаютъ его землею. Поверьхъ засыпанной могилы кладутъ часть испеченнаго хлѣба (*), и вокругъ его наставливаютъ столь много зажженныхъ свѣчь, сколь велико число изъ дому умершаго прежде померло. Сими свѣщами на тотъ часъ изображаютъ они подобіе умершихъ предковъ, а потому и говорятъ слѣдующія слова: *живите на томъ свѣтѣ согласно и не бранитесь между собою.* Сколь странны ихъ различныя дурачества во всѣхъ ихъ обрядахъ, то смѣшнѣе еще сіе, что они зарывши въ землю мертвое тѣло, огораживаютъ могилу на подобіе околицы; а сіе для того, чтобъ мертвый не выходилъ изъ сея ограды и не топталъ бы на ихъ поляхъ растущаго хлѣба.

Женщины, какъ я уже упомянулъ, при всенародныхъ празднествахъ не бывають

(*) Испеченной хлѣбъ кладутъ для того, дабы умершей пришедъ на мѣсто, которое для него назначено богами, имѣлъ бы на первой случай пищу.

ютъ; но во время похоронъ допускаются жены и мать умершаго, кои плачучи надъ могилою одѣляютъ деньгами бѣдныхъ людей.

Черемисы думаютъ, что души умершихъ преселяются въ другой свѣтъ (*), о коемъ они инаго понятія не имѣютъ, какъ только завтерженое имя его. Злые и не чтущіе боговъ въ жизни своей будутъ посажены въ нѣкую черную землю, гдѣ будутъ чувствовать непрестанной хладъ и тоску: напротивъ того люди праведные и добродѣтельные будутъ обитати въ свѣтломъ мѣстѣ. Все ихъ удовольствіе должно состоять въ томъ, что они будутъ безсмертны и безъ болѣзней, и что они будутъ неразлучно съ тѣмъ семействомъ, которое ими было любимо на земли; они будутъ имѣть множество скота и пчелъ; но при всемъ томъ должны они пахать пашню и исправлять другія кресгьянскія работы.

Въ

(*) Ничто такъ не сходно съ обычаями древнихъ Скифовъ, какъ размышленія Черемисъ о смерти: ибо какъ тѣ, такъ и другіе считаютъ, что смерть есть не что иное, какъ случай ведущій къ другой жизни, что они оставя сей свѣтъ, вступятъ въ предѣлы мира, устроеннаго на небесахъ, гдѣ принявъ новое бытіе, будутъ жить въ тѣхъ же сласголюбіяхъ и забавахъ, которымъ подвержены были на земли.

Въ четвертокъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста, бываютъ у нихъ всеобщія поминки и обряды, при семъ употребляемые, какъ у Черемисъ, такъ и у Чувашъ между собою во всемъ сходны. Они избравъ какую нибудь пустую храмину, а иногда и жилую избу, становятъ при дверяхъ ея двѣ деревянныя чаши: въ одну кладутъ испеченные блины, другую наполняютъ свареннымъ пивомъ; предъ ними кладутъ березовое полено, которое обставляютъ множествомъ восковыхъ свѣчь: ибо каждой Черемисянинъ долженъ поставить столько свѣчь, сколько велико число умершихъ изъ роду его; а сіе для того, чтобы сей зажженный свѣтъ освѣщалъ ихъ въ томъ мрачномъ обиталищѣ, гдѣ они по мнѣнію ихъ на томъ свѣтѣ обитаютъ. Чаша стоящая съ блинами и съ пивомъ, наполняется еще малыми кусками и каплями, которыя бросаютъ и льютъ поминающіе своихъ родителей и притомъ говорятъ: *умершіе имѣйте пищу и питіе.* По окончаніи сихъ странныхъ обрядовъ, выносятъ они обѣ чаши на дворъ, и выбрасываютъ на чистое мѣсто, гдѣ тотчасъ съѣдаютъ оное собаки.

Вотяки похороняютъ своихъ умершихъ такъ точно, какъ бы они за вѣрное знали, что они въ часъ смерти своея вступаютъ въ другую жизнь. Они кла-

дутъ съ нимъ топоръ, ножикъ, чашку, ложку, копелъ, кочедыкъ, новыя лапти, и тому подобныя вещи ими употребляемыя, дабы мертвый ихъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, пришедъ на мѣсто небеснаго жилища. Мнѣніе ихъ о душахъ человѣческихъ согласно съ Черемисами, и обряды погребенія являютъ то же самое невѣжество, которое свойственно народамъ покрытымъ тьмою идолослуженія, и водимымъ стремленіемъ пустаго и несообразнаго суевѣрія.

Киргизцы съ усопшими погребаютъ вмѣстѣ и ихъ оружіе, и могилы осыпаютъ каменьемъ, землею, а иногда поставляютъ надъ ними зданія изъ дерева, или изъ дикаго камня сооруженныя. Посреди оныя включается тѣло усопшаго, положенное на коврѣ. Тамъ родственники и пріятели его, окруживъ оное, изъявляютъ знаки своего сокрушенія и горести, и внемлютъ молитву читаемую ихъ Муллою, который вмѣстѣ съ симъ моленіемъ прославляетъ добродѣтели усопшаго, его богатство и его храбрость въ военныхъ дѣлахъ. Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія, наслѣдникъ имѣнія усопшаго приуготовляетъ публичной пиръ, употребляя при томъ слѣдующіе обряды: онъ долженъ жертвовать при семъ празднествѣ нѣкоторою частію своего имѣнія, какъ

какъ то однимъ или двумя пленниками (*), толикимъ же числомъ верблюдовъ, панцыремъ, десятью или двадцатью лошадями, нѣкоторымъ числомъ барановъ и тому подобнымъ. Основанiе сего празднества есть то, чтобы сею частiю поставленнаго имѣнiя награждать тѣхъ людей, кои окажутъ при семъ многочисленномъ стеченiи народа отмѣнное искуство въ риспанiи; почему каждый приуготовляетъ для себя наилучшую лошадь, не изключая изъ того и самого наслѣдника, но чтобы сiе было безмятежно, то къ сему избираютъ они двухъ знатныхъ посредственниковъ изъ старшинъ своихъ, дабы тѣмъ удобнѣе было засвидѣтельствовано проворство сихъ дикихъ рыцарей. Одинъ изъ нихъ остается на томъ мѣстѣ, откуда начнется риспалище; другiй тамо, гдѣ назначено имъ съѣзжаться. Не извѣстно имъ, коликое число верстъ составитъ то разстоянiе, которое скачутъ они взапуски; но по словамъ ихъ надобно думать, что сiе дѣлаетъ неменѣе сорока верстъ: ибо приуготовляющiяся къ сему риспанiю обще со своими посредственниками, ѣдутъ съ начала весьма тихою ѣздою,

(*) Пленниковъ вообще всѣ Киргизцы называютъ Ясырями. Яицкiе козаки именуютъ ихъ такимъ же именемъ.

дою, съ вечера до полудни другаго дня; а въ сей день, когда свалитъ солнечный жаръ, начинаютъ скакать возвратно до того мѣста, гдѣ ожидаютъ ихъ и назначенныя имъ корысти; и гдѣ приготовленъ для нихъ обѣдъ и веселїе обыкновенное ихъ землѣ. Плѣнника такъ, какъ наилучшую вещь изъ поставленныхъ въ награжденїе симъ рыцарямъ, беретъ тотъ, который опередитъ всю толпу народа, торжествующаго на семъ празднествѣ; панцырь беретъ послѣдующїй за нимъ, третїй верблюда, четвертый кармазинный кафтанъ и хорошую шапку, пятый лошадь со всѣмъ приборомъ, послѣднїе довольствуются лошадями и баранами. Сверьхъ сего наслѣдникъ имѣнїя долженъ выставить на смотръ всему народу наилучшїя сокровища усопшаго. Любимая его лошадь въ наилучшемъ своемъ убранствѣ, должна стоять покрыта черным сукномъ; на другихъ лошадяхъ положены наилучшая его одежда, военныя снаряды; богатые ковры и кибитки. Всѣ они по порядку привязываются къ протянутой веревкѣ, подлѣ нихъ стоятъ его жены надрывающїяся со слезъ, также и всѣ его плѣнники и плѣнницы. Сей обрядъ основанъ на томъ, чтобы показать народу, сколь много прiобрѣлъ онъ имѣнїя во время жизни своей, и чрезъ то оставить его въ добромъ мнѣнїи

у

у всѣхъ бывшихъ свидѣтелями прiобрѣтенныхъ имъ корыстей. Надъ тою кибиткою, гдѣ было жилище усопшаго, выставляется черный значекъ, въ знакъ сокрушенiя оставшейся семьи.

Мода, сiе есть нѣчто весьма удивительное, и тѣмъ болѣе чудесное воображенiе, что въ нынѣшнiя просвященныя времяна владѣетъ умами и размышленiями не суеверныхъ Россiянъ, и есть воображенiе прилипчивое, предписывающее такiя правила, что всякой не слѣдовать имъ не смѣетъ, а кто противится, тотъ изгоняется изъ общества, или титулуется всегдашнимъ дуракомъ. Мода есть выше всѣхъ высокихъ наукъ: она предпочитается уму, добрымъ человѣческимъ свойствамъ, чинамъ и учености, ежели вертопрахъ ни чему не ученый, и добрыхъ качествъ ни чиновъ не имѣющiй, взойдетъ въ компанiю, имѣя на себѣ кафтанъ съ низкимъ лифомъ и большiя пряжки, то принимается за человѣка разумнаго, и живъ въ обществѣ умѣющаго, не спрашивая объ немъ, кто онъ таковъ; а когда придетъ профессоръ, и притомъ добрыхъ свойствъ человѣкъ, но лифъ у кафтана его высокъ, да притомъ и маленькiя пряжки, то въ тужъ минуту называютъ его невѣжею и дуракомъ, *а по сему же и прочая разумѣвай.* Ибо мода и въ безобразiяхъ человѣческихъ имѣетъ свою

высо-

высокость, на примѣръ: здѣсь рыжія волосы почитаются безобразіемъ, а въ горахъ Кавказскихъ отмѣнною женщинъ красотою, длячего и подкрашиваютъ ихъ особыми мазьми, такъ какъ здѣсь чернятъ зубы. Здѣсь женщины носятъ для украшенія въ ушахъ серги, а поселившіяся въ Россіи Персіяне и другія языческія народы носятъ въ носу въ обѣихъ ноздряхъ по кольцу. Здѣсь женщины кладутъ на платьѣ накладки, а Камчадалки вмѣсто сихъ накладокъ вышиваютъ на тѣлѣ своемъ кожу, также и рожу.

Модоръ или *Кудоводотъ*, Вотяки почитаютъ сего бога хранителемъ домовъ ихъ, и имѣютъ къ нему великое усердіе. Модоръ же ихъ есть не что иное, какъ вѣтви пихтоваго дерева. *См: вѣра.*

Можжевельникъ, вѣрятъ Башкирцы и прочіе народы, что можжевельникъ всѣхъ злыхъ духовъ изъ жилищъ выгоняетъ, и предохраняетъ отъ всякихъ волшебныхъ наговоровъ.

Мокотъ *Мокошъ* или *Мокосль*, Славенскій богъ, имѣлъ въ Кіевѣ храмъ, и приносили ему жертвы.

Молитва, простолюдины первое недоразумѣвая, а вовторыхъ и упрямствуя произносятъ вмѣсто надлѣжащихъ Богу молитвъ, выдуманные собственно ими разныя призыванія: батюшко воскресеніе Христово помилуй меня грѣшную, успеніе пре-

пресвятыя Богородицы моли за меня грѣшную, неразумѣя нетокмо молитвы, но незная и отношенія оной. Другіеже въ особенныхъ своихъ нуждахъ призываютъ особыхъ и святыхъ, или ихъ токмо образа думая, что они токмо, а не другіе помочь имъ могутъ. Напримѣръ: о избавленіи отъ зубной болѣзни молятся Антипію, при начатіи мальчику азбуки С. Козмѣ и Даміяну, отъ вора и отъ обидчика С. Іоанну Войственнику, отъ головной болѣзни С. Іоанну Предтечѣ, отъ лихорадки чтутъ нѣкоторую особую молитву, о лошадяхъ молятся С. Фролу и Лавру, объ овцахъ С. Анастасіи, о сновидѣніяхъ и оснѣ С. девяти мученикамъ, о совѣтѣ мужа съ женою С. Евангелистамъ, о исцѣленіи больнаго образу всѣхъ Скорбящихъ, на морѣ отъ бури С. Николаю чудотворцу, о ловленіи рыбы С. Апостолу Петру, о коровахъ С. Власію, о свиньяхъ С. Василію Великому, о пчелахъ С. Зосимѣ и Савватію Соловецкимъ чудотворцамъ, о курахъ С. Сергію, о гусяхъ С. Никитѣ мученику, объ укрощеніи гнѣва въ человѣкѣ Пророку и Царю Давыду.

Молчаніе, ежели случится, что сидящіе въ компаніи многіе люди вдругъ замолчатъ всѣ, то увѣряютъ, что пролѣтѣлъ между тѣмъ собраніемъ тихій Ангелъ. *смотр*: ноги.

Мул-

Мулла, такъ называютъ Магометане своего попа. *смотр:* бракъ и вѣра.

Муравейникъ, должно найти пару лягушекъ совокупившихся, положа ихъ въ буракъ, и надѣлавъ на ономъ дырокъ, бросить въ муравейникъ, и бѣжать отъ онаго не оглядываясь, ибо произойдетъ великїй крикъ отъ демоновъ, которые будутъ просить, чтобъ оглянулся, и когда оглянешься, то будешъ въ добычу дьяволамъ. Пришедъ чрезъ три дни, должно буракъ вынять, въ которомъ найдешъ уже одни кости, между которыми будетъ вилочка и крючечикъ. Сїя вилка и крючокъ имѣютъ великую силу въ чародѣйствѣ, когда захочешъ, чтобъ женщина тебя любила, то непримѣтно ей потяни крючечкомъ за ее платье, тогда она по тебѣ изсохнетъ; а когда больше для тебя она будетъ уже не надобна, то также непримѣтно ей оттехни тою вилочкою, то она въ одну минуту тебя забудетъ.

Мухоморъ грибъ, Камчадалы почитаютъ его богомъ пьянства и владѣтелемъ ядовитыхъ зелїй. Употребляющїе мухоморъ, какъ въ горячкѣ бредятъ, и представляются имъ различныя привидѣнїя страшныя и веселыя, по различности темперамента. Иные пляшутъ, иные плачутъ, иные въ великомъ ужасѣ находятся, инымъ скважины большими дверьми, и

и ложка воды моремъ кажется. Инымъ мухоморъ приказываетъ удавиться, для того что люди будутъ ему дивиться, иному утопиться, или заколоться, которое со многими исполняется, и когда бы не было за ними присмотру, то ни одинъ бы не уцѣлѣлъ; а которые употребляютъ его умѣренно, тѣ чувствуютъ веселіе, легкость и отважность, так какъ Турки, которые опіума наядаются.

Мушанъ-Ченъ, богиня Черемисскихъ женщинъ. *см: вѣра.*

Мушаны, или *Машаны*, такъ называютъ Черемисы своихъ духовныхъ особъ оныя же суть толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развратители, коихъ Черемисы весьма много почитаютъ.

Мушки, налѣпляемыя на лице, ихъ происхожденіе и начало полагаютъ такимъ образомъ: нѣкоторый Государь имѣлъ у себя фаворита, первѣйшаго въ государствѣ ранга; а оный былъ низкія прежде породы, и чрезвычайно въ скоромъ времяни дошелъ до высокой степени; въ нѣкоторое время на единѣ Государь спросилъ у него о томъ причины. Любимецъ чистосердечно признавшись своему Государю, сказалъ: что десять уже лѣтъ тому назадъ, какъ пользуется онъ благосклонностію одной дамы, которой онъ во все то время ни имени не знаетъ, ни въ лице ее

 не-

не видитъ, понеже всегда бываетъ онъ взятъ изъ своего дома ночью съ завязанными глазами, и время проводитъ въ такомъ покоѣ, которой не имѣетъ оконъ, ни свѣчь въ него не приносятъ, и будучи возведенъ ею изъ низкаго состоянія во столь великія чины изъ благодарности просить ее объ открытіи не смѣетъ, а ее соизволенія на то не находитъ. Государь услышавъ сіе, сдѣлался весьма любопытенъ, и думая долго, какъ бы узнать оную особу безъ принужденія, изобрѣлъ къ тому слѣдующее средство: далъ онъ своему любимцу съ прозьбою отъ себя кусокъ адскаго камня, и велѣлъ ему непремѣнно ей положить онымъ на лицѣ у нее знакъ, въ то время, какъ они будутъ вмѣстѣ. Любимецъ почитая своего Государя, не смѣлъ ему въ томъ отказать и сдѣлалъ. Государь по утру назначилъ при дворѣ балъ, и приказалъ всѣхъ дамъ просить неотмѣнно. Замѣченная не примѣтно ей дама, вставши по утру, увидѣла въ зеркалѣ на лицѣ у себя необычное явленіе, которое однако сдѣлано было искусно. На балъ ей ѣхать необходимо было должно; а съ таковымъ знакомъ появиться было мудрено, хотя она и не знала тому причины. Острота разума женскаго, тотчасъ представила ей средство скрыть оной знакъ подъ мушку, которыхъ тогда еще не-

не было, налѣпивъ оную себѣ на лице, увидѣла, что красоты ее она не испортила, и такъ приказавъ тотчасъ надѣлать ихъ болѣе послала ихъ ко многимъ знакомымъ съ тѣмъ, что она сію выдумку получила изъ другаго государства, и есть это новая мода. Такимъ образомъ всѣ дамы пріѣхали ко двору имѣвшія новую моду. Всѣ при дворѣ дивились; а Государь и его фаворитъ въ чрезвычайномъ были недоуменіи, что имъ во такомъ случаѣ надлежало было сдѣлать, и какъ узнать искомую ими особу, для того Государь притворился не довольнымъ, и неоказалъ благоволенія своего ко оной новой модѣ, и когда принуждены были снять всякая съ лица своего новую ту прикрасу, то и узнали, кого желали. Сія исторія кончилась бракомъ, а мушки потомъ остались во всегдашнемъ употребленіи знакомъ и орденомъ кавалерской побѣды.

Налѣпляютъ оныя на лица съ тайными намѣреніями, и мушки отвѣтствуютъ вмѣсто той особы, которая имѣетъ ихъ на лицѣ, на примѣръ: бархатная на вискѣ, значитъ нездоровье; на лѣвой сторонѣ лба тафтяная гордость, подъ нижней ресницей слезы, на верхней губѣ поцалуй, на нижней склонность и прочая.

Медяница, сей родъ гадовъ почитаютъ весьма вреднымъ, которую предста-

вляютъ себѣ слѣпою , и будто она получаетъ зрѣніе въ одинъ Ивановъ день, тогда она увидѣвъ человѣка, или другаго живошнаго, бросается стрѣлкомъ, и пробиваетъ на сквозь на подобіе стрѣлы.

Мѣсяцъ, когда увидятъ новый мѣсяцъ, то совѣтуютъ тогда глядя на него держаться за деньги, вѣря сами, и увѣряя другихъ, что во время его теченія всегдашняя будетъ прибыль. *смотр*: луна.

Мыши, торговые мужики и нѣкоторые купцы, безпрекословно вѣрятъ, что ежели изъ купленнаго товара, въ скоромъ времяни мышъ что нибудь попортитъ, то товаръ скоро съ рукъ и съ барышемъ сойдетъ; а ежели изъ самыхъ лучшихъ вещей, то еще скорѣе и прибыльнѣе.

Напускъ, увѣряютъ, что колдуны напускаютъ на иныхъ страхъ, на иныхъ пьянство и прочія пристрастія, отъ которыхъ избавленія сыскать уже не можно, кромѣ ихъ же чародѣевъ, напускаютъ также тоску, изчуреніе и прочая.

Наѣдка, когда сажаютъ курицу на яица, то оныя яицы должно класть подъ нее изъ шапки, или изъ другова чего мохнатаго, а отъ того вѣрятъ быть многочисленному плоду, для большагожъ плодородія, не редко хозяйка прикладываетъ оные яица и къ своему причинному мѣсту.

Не

Нещастный. Вѣрятъ простолюдины, что есть такїе люди, которые ни въ собственныхъ своихъ предпрїятїяхъ, ни для другихъ предпринимаемыхъ дѣлахъ вѣчно не имѣютъ удачи, и всѣ ихъ дѣла кончатся бѣдою, для чего и называютъ ихъ нещастными, а отъ того происходитъ, что естьли кто возметъ таковаго въ домъ изъ сожалѣнїя, то и домъ томъ разными нещастїями разрушится, и для того высылаютъ ихъ тотчасъ изъ дому, изъ артели, съ судна и отовсюду.

Нетопырь, или летучая мышъ, многїе суеверы ловя ихъ сушатъ, и какъ для здоровья, такъ и для щастїя, носятъ всегда при себѣ.

Нїя или *Нїянъ*, идола сего Славяне признавали богомъ, или царемъ адскимъ.

Ноги, ежели кто сидя въ компанїи положитъ свои ноги, нога на ногу, то увѣряютъ, что последуетъ отъ того на нѣсколько времяни молчанїе всего собранїя. *смотр:* молчанїе.

Ногти, суевѣры и большею частїю называемые старовѣры, или раскольники, остригая ногти, кладутъ ихъ въ особый мешечекъ, приказывая по смерти своей полагать ихъ съ собою во гробъ, вѣря несомнѣнно, что на томъ свѣтѣ спросятъ у нихъ отчета, во всякомъ остриженномъ, или отдѣленномъ кускѣ ихъ ногтя, а для то-

го и Аввакумовскіе ногши носятъ задѣланные въ перстняхъ. Бухарки красятъ у себя на рукахъ ногти измялсою гвоздикою желто, что дѣлаютъ также и прочія; а особливо въ Астрахани богатыя невѣсты.

Обилие держать, въ древняя времяна, въ Россіи бывшіе волхвы, или обманщики во время голода увѣряли народъ, что есть между ими такія люди, которыя удерживали въ себѣ подъ кожею иная жито, иная медъ, иная рыбу, иная бѣлку и прочая, токмо всѣ были оныя жены, и по согласію глупаго и не просвященнаго народа, вырѣзывали у нихъ между плечь оныя вещи, чѣмъ много губили женскаго пола для своей корысти, но за то отъ Великихъ Князей казнены были.

Обливаніе водою, въ древнія времяна, то есть во время идолослуженія, Славяне озерамъ, рѣкамъ и источникамъ приносили жертвы, для умноженія плодовъ земныхъ, а не рѣдко и людей бросали въ воду, въ память чего и нынѣ многіе суевѣры въ первый день святыя недѣли и въ другіе праздники, когда кто проспитъ заутреннюю, обливаютъ водою, или въ рѣку, озеро, или колодезь бросаютъ.

Обмерѣть, сіе разумѣется, когда человѣкъ будучи нѣсколько времяни мертвымъ, получитъ паки свои чувствія, и будетъ жить еще, и увѣряютъ, что тако-

ковые чувствовали все съ ними бывшее на томъ свѣтѣ, какъ ихъ водили по мытарствамъ, и спрашивали во грѣхахъ отчета; расказываютъ и еще многое, только утверждаютъ, что трехъ словъ сказать они не могутъ, о которыхъ имъ съ великимъ страхомъ запрещено на семъ свѣтѣ открывать.

Обморочить, сїе называется то, что ежели кто представитъ вещь иною, нежели она въ самомъ дѣлѣ есть: цыганки ходя по крестьянскимъ домамъ ворожатъ, и когда замѣтятъ, у которой крестьянки въ коробкѣ деньги, то оборачиваютъ ихъ мертвыми мышами, или крестьянкѣ такъ они видятся, отъ которыхъ цыганка ее избавляетъ, и взявъ деньги подъ видомъ мышей, уходитъ.

Обнова, ежели кто нечаянно плюнетъ себѣ на платьѣ, то вѣрятъ безъ сомнѣнїя, что имѣть ему на себѣ въ скоромъ времяни обнову, то есть новое платьѣ, шляпу, шапку, сапоги, или и прочая.

Оборотни, оборачиваются въ разныхъ животныхъ сами вѣдьмы, и оборачиваютъ также на время и другихъ людей по злобѣ и въ наказанїе.

Огонь, Камчадалы почитаютъ его богомъ, коему и приносятъ одинъ разъ въ годъ въ жертву собольи и лисьи нерпки, прося чтобъ непричинялъ имъ бѣдъ, скорбей и пожаровъ. *Смотр.* Грѣховъ очищенїе.

Одектеръ, богъ черемисами почитаемый, признаютъ они его хранителемъ домовъ, покоя ихъ и благополучія.

Орелъ, Якуты сей птицѣ воздаютъ божескую почесть, и весьма берегутся, чтобъ ее не убить.

Осина, простолюдины признаютъ сіе дерево проклятымъ за то, что будто бы Іуда наономъ удавился, и для того на семъ деревѣ, хотя бы и никакого вѣтру не было, листочки шевелятся, оножъ имѣетъ чрезвычайную силу противъ колдуновъ, и когда такому умершему и встающему изъ могилы, колъ между плечь осиновый вколотятъ, то уже оный не встанетъ никогда.

Оспа *смотр*: воспа.

Палочный бой, *см*: Перунъ.

Папа, о сей особѣ можетъ быть по внушенію езуитовъ многіе Татара и Моголы думаютъ, что отъ роду ему есть уже болѣе пяти сотъ лѣтъ, а потому и хотятъ считать его безсмертнымъ.

Пасъ-Ачускай божество Мордовское, *см*: мастеръ Пасъ.

Пауки, Камчадалки, которыя желаютъ быть плодородны, ѣдятъ пауковъ и пупки съ Кипреемъ.

Передній уголъ, пришедъ въ гости не должно садиться въ переднемъ углу, ибо простаки вѣрятъ неотмѣнно, что впереди должно сидѣть обыкновенно попу, или ду-

дураку, попу для отмѣнности и почтенія къ его чину, а дураку для того, что оной всегда ищетъ себѣ большаго почтенія, нежели онъ стоитъ.

Переносье свербитъ, у кого переносье засвербитъ, тому слышать про покойника.

Перунъ, начальнѣйшій и первостатейный Славенскій богъ, его признавали производителемъ грома, молніи, дождя, облаковъ и прочихъ всѣхъ небесныхъ дѣйствій: станъ его былъ вырѣзанъ искусно изъ дерева, голову имѣлъ серебряную, усы и уши золотыя, ноги желѣзныя, въ рукахъ держалъ камень, украшенный рубинами и карбункулемъ, на подобіе пылающаго Перуна, то есть стремящейся молніи, огонь горѣлъ предъ нимъ безпрестанно; храмъ его былъ въ Кіевѣ надъ Бурычевымъ потокомъ на высокомъ холму, также и въ Новѣгородѣ; въ жертву приносили ему воловъ, а иногда и плѣнниковъ. При сокрушеніи идоловъ, Кіевскій сего бога истуканъ, брошенъ былъ въ *Днепръ*, и ниже пороговъ выкинутъ вѣтромъ на берегъ, отъ чего и прозвалося то мѣсто до нынѣ Перунова гора. Другой же или сей идолъ, когда тащимъ былъ въ Днепръ и біенъ палками, испускалъ тяжкое вздыханіе о своемъ сокрушеніи, то и прозвали то мѣсто, по которому влачимъ онъ былъ *чертово беремище*; брошенный болванъ поплылъ въ низъ, а

 идо-

идолопоклонники не просвятившїеся еще святымъ крещенїемъ, шли за нимъ по берегу плакали и кричали, *выдибай нашъ государю, боже выдибай*, то есть выплыви или выдь изъ рѣки, и будто бы идолъ тотъ послушая гласа ихъ, вышелъ на берегъ, отъ чего и прозвалося мѣсто то Выдубичи, однако крестившїеся Славяне, бросили его опять съ камнемъ въ воду. Такимъ же образомъ Новгородкїй Перунъ, когда тащили его въ Волховъ, закричалъ, горе мнѣ впадшему въ руки жестокихъ и коварныхъ людей, которыя вчера почитали меня какъ бога, а теперь надо мною такъ ругаются; потомъ когда бросили его съ моста въ рѣку, то плылъ въ верьхъ, и выбросивъ на мостъ палку, вскричалъ: вотъ что вамъ Новогородцы въ память мою оставляю; сїе было причиною, что чрезъ долгое время Новогородцы имѣли обыкновенїе по праздникамъ, вмѣсто игры и увеселенїя, въ честь сему идолу биться палками.

Песнаъ, Лопари подъ симъ именемъ разумѣютъ главу злыхъ духовъ или сатану, который по ихъ обитаетъ въ средсточїи земли или во адѣ, и господствуетъ надъ беззаконниками.

Пилячучь. Богъ камчадальскїй начальствующїй надъ пастухами. *Смотр*: вѣра.

Пить за здравїе гостей, должно пить за здравые гостей кубкомъ, или рюмкою бо-

но-

нося гостей въ округъ по теченію солнца, а сіе произошло отъ того, что древніе во время праздниковъ и угощенія своихъ боговъ обыкновенно такъ дѣлали, и должно выпивать все, а инаково замѣчается недоброжелательство.

Піабаръ или *Піамъ-Аръ*, божество Черемиское, *см: вѣра.*

Плакунъ трава, оная трава заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ, когда будетъ при себѣ имѣть сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покорятся. Она одна въ состояніи выгнать дѣдушекъ домовыхъ, кикимръ и прочихъ, и открыть приступъ къ заклятому кладу, которой стерегутъ нечистые духи.

Планеты, смотр: звѣзды.

Платье, ежели кто выходя изъ дому, и затворяя за собою двери самъ, или кто другой прищемитъ оными, или прихлопнетъ полу, или подолъ платья, то сіе значитъ, что быть назади, то есть опять возвращаться въ тотъ домъ.

Плевать, ежели кто плюя попадетъ къ себѣ ненарочно на платье, то оное значитъ, что имѣть ему неотмѣнно въ скоромъ времени обнову, или терпѣть напраслину.

Плясаніе, мореходцовъ десять человѣкъ мущинъ и женщинъ холостыхъ, и женатыхъ, становятся вкругъ, въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо,

по д-

поднимая одну ногу за другою по такте, и одинъ за другимъ говоритъ слова, такъ что когда половина выговоритъ последнія слова, то другая говоритъ первыя, подобно какъ бы кто стихи по стопамъ читалъ. Употребляемыя оныя слова все принадлежатъ до мореходства. Великая честь отдается тому, кто всехъ переспляшетъ, и Камчадалы столь великіе охотники до сей пляски, что они часовъ по двенадцати и по пятнадцати не переставая пляшутъ, то есть отъ утра до вечера.

Пловучее озеро, отъ города Владимира въ восьми верстахъ, весьма обширно и глубоко, по оному плаваютъ ветвистые кочки обросшія мохомъ, по чему простолюдины уверяютъ, что плаваютъ по оному коробы, въ коихъ брошены были въ сіе озеро дворяне Кучковичи, убійцы Великаго Князя *Андрея* Боголюбскаго, и думаютъ, что сихъ утопленниковъ за ихъ неблагодарность и злобу земля не принимаетъ.

Плотники, ежели кто незаплатитъ симъ людямъ за работу, то есть за строеніе дома, или прочаго, то уверяютъ простаки, что они сажаютъ въ тотъ домъ дьявольское навожденіе, то есть кикимръ, домовыхъ или еще и лютяе сихъ чертей, изъ которыхъ кикимры всякую ночь въ потемкахъ прядутъ и веретена ихъ вижжатъ, домовые также по ночамъ ходятъ и замками, цепя-

ми

ми и дверями стучатЪ, а лютѣе сихЪ черти все бьютЪ, ломаютЪ и дѣлаютЪ превеликой стукЪ, отЪ чего хозяинЪ принужденЪ бываетЪ заплатить плотникамЪ деньги, а отЪ того и покой вЪ домѣ получаетЪ.

Поганое озеро, находится вЪ осмнадцати верстахЪ разстоянїемЪ отЪ города Владимира, увѣряютЪ, что тутЪ было прежде огромное селенїе, которое провалилося сквозь землю, что во ономЪ озерѣ дна нѣтЪ, и что времянно слышенЪ вЪ немЪ бываетЪ колокольной звонЪ.

Погребенїе, *См*: могилы.

ПозвиздЪ, *ПохвистЪ* или *Вихрь*, древнїе Славяне признавали его богомЪ бурныхЪ вѣтровЪ, и всякаго ненастья; Кїевляне приносили ему жертву, какЪ и прочимЪ богамЪ.

Полеля, Славенскїй имѣней сынЪ ЛадинЪ, должность и свойство онаго означаетЪ самое его имя полеля, то есть слѣдующей полелѣ, ибо бракЪ всегда слѣдуетЪ за любовїю. ОнЪ и его порода почиталися найдревнейшими Славенскими божествами, изЪ чего ясно означается сила и преимущество природы несумнѣнно по достоинству своему имѣлЪ и онЪ у себя немало божницЪ вЪ СлавенскихЪ городахЪ.

Полѣно, ежели кто неся дрова кЪ печи уронитЪ полѣно, то вѣрятЪ неотмѣнно, что вЪ тотЪ день будутЪ гости. *Смотр*: гаданїи.

Полканъ, Славяне почитали его полубогомъ, и приписывали ему чрезъ естественную силу и не воображаемую прытость въ бѣганіи: онъ имѣлъ съ верху до половины тѣло и сложеніе человѣческое, а отъ пояса коневье. Сіе выдуманное чудовище почитаемо было древними народами; но и нынѣшніе Чукчи вѣрятъ, что на отдаленныхъ отъ нихъ островахъ обитаютъ люди, имѣющія собачьи хвосты, а другіе вороньи ноги.

Помъ. Камчатское божество. Въ праздничныхъ обрядахъ и церемоніяхъ дѣлаютъ они идолъ его вышиною около полуаршина, а тайный его удъ въ двѣ сажени и долѣ; думать должно, что оный то же значитъ, что древніе фаллы.

Понедѣльникъ, во оный день въ дорогу не ѣздятъ, опасаясь нещастія; а иные въ сей день не ѣдятъ мяса, ни рыбы, и сіе называется у нихъ *понедѣльничать*. *см*: *пятница*.

Поперхнуться, ежели кто положивши первый кусокъ за столомъ въ ротъ, или пивъ первую рюмку поперхнется, то сіе значитъ, что кто нибудь спѣшитъ къ нему обѣдать.

Порчи, портятъ людей колдуны и колдовки, лишаютъ ихъ разума, отвращаютъ жену отъ мужа, или мужа отъ жены, и дѣлаютъ постылымъ, впускаютъ въ чрево

змію,

змїю, или ужа, или какую нибудь жестокую вещь, такъ что баба испорченная весьма то чувствуетъ и говоритъ, что оная порча часто ей подкатывается подъ сердце, и лежитъ подъ онымъ какъ пирогъ.

Прикрытъ большой, или большей прикрытъ, трава: Сибиряки почитаютъ траву сїю высоко и увѣряютъ, что оная имѣетъ силу противъ свадебныхъ ворожей, и когда невѣста отъ вѣнца привозится въ домъ жениховъ, то оную траву кладутъ въ такое мѣсто, гдѣ бы невѣста нечаянно черезъ нее перешагнуть могла; и тогда по ихъ скаскамъ ни какїе не берутъ невѣсту уроки.

Примиренїе съ бѣсами, смотр: шаманы.

Примѣты, утверждаютъ простолюдины, что ежели кто родится злымъ человѣкомъ, и навсегда опасенъ для всѣхъ земнородныхъ, а особливо для ближнихъ своихъ и прїятелей, или всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, то природа полагаетъ на немъ какой нибудь особый знакъ, такъ какъ бы печать для его особости, на примѣръ: бываетъ либо косъ, или рыжъ, молодой плѣшивъ, кривъ, мигунъ, заика, картавый, а когда имѣетъ изъ сихъ два знака, на примѣръ: рыжъ и косъ, то уже и есть преопаснѣйшїй злодѣй, напротивъ того, кто хорошъ лицемъ, то говорятъ, что тотъ уже злымъ быть не можетъ.

При

Присяга, ежели кто изъ Чувашъ долженъ клясться, того приводятъ въ Кереметь, и тамъ принуждаютъ его при многократномъ заклинанiи ѣсть обыкновенное у Татаръ и Чувашъ кушанье, состоящее въ голубцахъ, или клецкахъ съ коровьимъ масломъ въ водѣ вареныхъ, что у нихъ Салма называется, но для исполненiя ложной клятвы поятъ отвѣтчика соленою водою, и естьли онъ при томъ поперхнется и будетъ кашлять, то признаютъ его виноватымъ. Но когда по какимъ нибудь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ передъ судьями присягать, то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ, чтобъ мнѣ етого у себя не видать, то есть хлѣба и соли, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою. Рекрутамъ же даютъ хлѣбъ чрезъ сложенные крестообразно тесаки. Когда присягаютъ Татары, то моются, берутъ алкоранъ, ударяютъ троекратно онымъ себя въ грудь, и говорятъ, ежели я присягаю неправо, то да постигнутъ меня твои клятвы. Присягающiй Тунгусъ беретъ тогда одну собаку, и положивъ ее на землю, поражаетъ ее ножемъ въ брюхо, и чрезъ сiю язву высасываетъ изъ нее кровь. Сiе наибольшее подтвержденiе, которое они могутъ учинить, о чемъ бы то ни было, для того, что они совершенно вѣрили, что

кровь

кровь сея собаки, тотчасъ задавитъ того, который возъимѣетъ дерзость чинить ложную клятву, такимъ способомъ. Но таковыя звѣрства нынѣ уже искоренились.

Прове или *Проно*, Славенскій богъ, кумиръ его стоялъ на великомъ и кудрявомъ дубѣ, а около его на землѣ наставлено было до тысячи, или 6 лѣс идоловъ, о двухъ, о трехъ и больше лицахъ. Передъ Проно стоялъ жертвенникъ для приношенія жертвы.

Прыгунъ, *скакунъ* и *разрывъ* трава. Увѣряютъ, что сіи травы особую имѣютъ въ колдовствѣ силу, и что безъ нихъ кладу никакого вынять не можно, *см*: плакунъ.

Псалтырь, *смотр*: воръ и ворожба.

Пувать, Черемиса почитаютъ сего хранителемъ домовъ ихъ, покоя и благополучія, что значитъ домовой.

Пуговицы, ежели кто одѣвшись застегнетъ пуговицы не по порядку, то вѣрятъ, что въ тотъ день быть ему пьяну, или битому.

Пугорша-Юма, божество Черемиское, *см*: вѣра.

Пятница, то есть пятый день недѣльный пятокъ, ежели кто въ сей день и въ понедѣльникъ, что нибудь предпринимаетъ, то успѣха изъ того ожидать не должно, въ сей день прясть и шить почитаютъ бабы за грѣхъ, и ожидаютъ въ

 нака-

наказаніе или нохтоѣды злой, или заусеницы неизлѣчимой.

Радегастъ, божество Славянское, идола сего представляли держащимъ на груди щитъ со изображенною въ немъ воловьею головою, въ лѣвой рукѣ держалъ копье, а на шлемѣ имѣлъ пѣтуха, съ распростертыми крыльями, и почитали его защитникомъ городовъ, а для того и приносили жертвы, по окончаніи коихъ начинали жертвенный пиръ съ музыкою и плясаніемъ.

Радуга, Камчадалы почитаютъ радугу за подзоръ Билюкаева платья, то есть громоваго ихъ бога, *смотр*: вѣра.

Разрывъ трава, сказываютъ, что ежели сію траву, или прыгунъ, или скакунъ приложитъ кто къ запертому замку, то оный тотчасъ безъ ключа самъ отопрется, а ежели лошадь ходя пополю съ желѣзными путлами найдетъ на сію траву, то оные тотъ же часъ отпадутъ. *Смотр*: прыгунъ.

Расколъ, начало происхожденія раскольниковъ послѣдовало во времена великаго Князя *Владимира* Iго; ибо вскорѣ послѣ его владѣнія, нѣкоторый Армянинъ именемъ Власій, сочинилъ книгу о вѣрѣ со многими пустошьми, а умножились оные по причинѣ исправленія церьковныхъ книгъ при Патріархѣ Никонѣ, Вѣра раскольническая есть старая икона, осмиконечный крестъ, седмь просвиръ въ литур-

тургіи, старыя книги, сложеніе двухъ перстовъ. Для прельщенія ко своему сумозбродству выбираютъ раскольники домы богатые, а не скудные, и людей удобно къ тому преклоняемыхъ, каковы суть простолюдины, а наипаче полъ женскій. Притворяются благоговѣйными, праведными и преподобными, приносятъ съ собою свой хлѣбъ, а хозяйскаго ни чего не вкушаютъ, доколѣ уговорятъ ихъ, да и своего мало ѣдятъ. Молятся съ великимъ прилѣжаніемъ и воздыханіемъ, предлагаютъ вопросы изъ священнаго писанія, съ великимъ умиленіемъ съ постною и блѣдною рожею, и иногда испуская слезы. Простолюдины же удивляются такому ихъ житію, посту, молитвѣ, кроткому нраву, и почитаютъ ихъ за великихъ угодниковъ; а когда такимъ образомъ увидятъ, что они уже подловили, то начинаютъ во первыхъ хулить церковь Божію, чинъ духовный, книги, церковную святыню и вся таинства; а скиты свои чинъ, и вѣру высоко превозносить, потомъ пророчествуютъ о второмъ Христовомъ пришествіи, сказуя, яко уже то время настоитъ, и уже Антихристъ царствуетъ въ мірѣ. И тако уговоря, уведутъ въ свои скиты, и тамо сожгутъ, раздѣля по себѣ имѣніе ихъ. Скиты, или толки ихъ; 1 Христовщина, гдѣ

мужикъ носитъ на себѣ имя Христа, а дѣвка Богородицы; 2 Ануфріевщина, иконоборщина, попорщина и чувственики; сіи еретики Аввакума протопопа почитаютъ святымъ, пишутъ его образъ, и сочинили ему службу: 3 [illegible], 4 Андреяновщина: 5 Іосифовщина, крестоносцы, калиновщина; сіи перекрещиваютъ, и особыми догмами [illegible]; 6 Безпоповщина; 7 Волосожновщина; 8 Андрѣевщина; 9 Иларіоновщина: сіи служатъ безъ пѣснопѣнія, и бабы имъ у крещенія [illegible], и оныя суть сожигатели; 10 Серапіоновщина, женщины головою [illegible]: 11 Стефановщина, живущія безъ брака; 12 Косинщина, не крестятся и субботствуютъ; 13 Рогожники или Рубищники, таскаются по миру во рогожахъ и представляютъ себя святыми. Раскольники, кои называютъ себя старовѣрами, отрѣшаютъ вовсе тому спасеніе, кто вмѣстѣ съ ними ниже слѣдующаго не признаетъ и не исполняетъ, кто не почитаетъ осмиконечнаго креста лучше четвероконечнаго, кто не признаетъ святости въ усахъ и бородѣ осмиугольной, кто не вѣритъ, что голова дана намъ отъ натуры единственно только для помѣщенія бороды, въ которой и душа наша обитаетъ, кто въ старинныхъ книгахъ неразумительныя мѣста не почитаетъ за тайность, кто не знаетъ различія шапокъ, ка-

какую носить, чтобъ быть въ раю, и какой остерегаться, чтобъ не обрушиться во адъ, какую шапку носитъ сатана, и какой боится, кто ходитъ въ церкву и не разбираетъ того, что лица святыхъ мучениц пишутся нынѣ очень прелестны; а лики угодниковъ не довольно темны, кто пьетъ чай и кофе, нюхаетъ, куритъ и за губу кладетъ табакъ, кто ѣстъ оливки и каперсы, меноги, устерсы, угри, заячину, раки, голуби, сосиски, соусы, желеи, калбасы, кто ѣздитъ объ одной оглоблѣ, то есть съ дышломъ, брѣетъ бороду и подстригаетъ усы, кто ходитъ въ башмакахъ и въ Нѣмецкомъ платьѣ, кто пудритъ волосы и носитъ парики, кто знается, пьетъ или ѣстъ съ Армяниномъ, съ Кальвиномъ, съ Люмеромъ, съ Католикомъ, съ Татариномъ, а паче съ Жидовиномъ, кто за обѣдомъ поетъ и свиститъ, что не вѣритъ, что есть колдуны, лѣшіи, дьяволы, порчи, ягія бабы, оборотни, кликушки, ворожеи, встающіе мертвецы, кто тремя перстами крестится, за Патріарха Никона божится, наряжается въ харю и ѣздитъ въ маскерадъ, кто не умывкою за столъ садится, и при людяхъ не рыгаетъ, вино съ водой мѣшаетъ, кто не ложится ничкомъ встрѣтившись съ пасторомъ или франкмасономъ, кто ходитъ безъ пояса, знакомство имѣетъ съ профес-

соромъ, зевая не креститъ рта, за столомъ чиститъ зубы, и кусаетъ губы, самдругъ глядитъ въ окно, не парится вмѣстѣ съ женою.

Рамча, такъ называются у Киргисцовъ колдуны. *смотр:* ворожей

Рача, идолъ почитаемый Остяками оный имѣлъ храмы и жрицовъ. При томъ еще былъ у Остяковъ идолъ сидящей на блюдѣ наполненномъ водою, которую Остяки пили съ твердымъ упованïемъ, что сила сей святой воды охранитъ ихъ отъ всякаго вреда. Предъ симъ идоломъ горѣли непрестанно жиръ и сѣра въ чашахъ.

Редіанъ, Лопари почитаютъ сего за бога, приемлющаго къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кои жили благочестиво, *См: вѣра.*

Решето смотр: воръ и ворожба.

Родины, когда женщинѣ приспѣетъ время родить, то часъ рожденïя стараются таить, вѣря, что отъ того женщина родитъ легко, а въ противномъ случаѣ тяжело. Родильную молитву, гдѣ деревни отъ церьквей отдалѣли, и попы или дальности ради, а иногда для лѣности не хотя ѣхать, со упоминанïемъ имянъ всѣхъ, которые при родинахъ были, наговариваютъ въ шапку, и посланной принести въ ту избу шапку, вытряся всѣхъ очиститъ. Кормятъ за столомъ отца новорожденнаго кашею, кума и другïя женщины: такимъ образомъ, отецъ высылается на сïе время

вонъ;

вонъ; потомъ взявъ столовую ложку, кладутъ во оную по пропорцiи горчицы, перцу хрену, соли, уксусу, сорочинскаго свареннаго пшена, то есть каши бабкиной, и обсыпавъ сахаромъ принудятъ оное съѣсть хозяина, знаменуя тѣмъ, что бы и оной что нибудь при сихъ родинахъ претерпѣлъ болѣзненнаго, такъ какъ и роженица. По многимъ городамъ родня посылаетъ къ роженицѣ, такъ называемую *порушку*: оная дѣлается изъ сухой развареной малины подслащенной сахаромъ или медомъ: сей порушки посылается всегда по кружкѣ отъ всякаго родственника, и по большому круглому пирогу.

Когда женщина у Мордвы на сносяхъ и видитъ, что уже ей приходитъ время родить, тогда всякой день топовятъ баню, ибо въ банѣ родить почитаютъ онѣ легче, нежели въ избѣ; бабушка всегда неотходно бываетъ при роженицѣ, по чему и недозволяется до самаго разрѣшенiя отъ бремени ни кому входить въ баню. Какъ женщина родитъ, то ея обмываютъ, и обмывъ выходитъ бабушка, и сказываетъ отцу, сродникамъ и сосѣдямъ о рожденiи младенца; однако еще не допускаетъ никого до роженицы, пока она не сдѣлаетъ крутой каши и не напечетъ блиновъ, и снарядивъ оными въ банѣ столъ, впущаетъ всѣхъ знакомыхъ; потомъ бабушка по принятому обыкновенiю начинаетъ молиться, и даетъ имя

младенцу по своему хотѣнію, а иногда младенецъ получаетъ имя отъ того, кто первый бабушкѣ попадется; какъ скоро наречено будетъ имя младенцу, тогда бываетъ у нихъ и пиршество, и тѣмъ всѣ обряды кончатся.

Когда Калмычка бываетъ на сносяхъ, тогда избираютъ здороваго и мочнаго Калмыка, котораго четвуютъ каждый день хорошею по ихъ обыкновенію пищею, о которой выше сказано; и какъ скоро начнутся у роженицы потуги, тогда дюжій угощенный Калмыкъ садится на полъ среди кибитки, и роженицу посадивъ на колѣни жметъ ее охватомъ своихъ рукъ, начиная отъ грудей и опуская ихъ до самаго лона. Сіе давленіе продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока младенецъ начнетъ показываться, котораго Калмыцкая бабушка, сидя передъ роженицею на цыпкахъ караулитъ. и какъ скоро покажется младенецъ, то даетъ знать около стоящимъ, которыя палятъ изъ пистолетовъ, дабы нечаяннымъ выстрѣломъ испугать роженицу, и тѣмъ споспѣшествовать къ рожденію. Дюжева Калмыка за труды гостятъ два или три дни, и подаривъ овцою или жеребенкомъ, отпускаютъ; бѣдные которые не въ состояніи нанять дюжаго Калмыка, двоякое имѣютъ средство, первое состоитъ въ томъ: у роженицы, мучащейся потугами, утробу перетягиваютъ

вяютъ широкимъ ремнемъ и давятъ сверьху на низъ; чрезъ что бываетъ имъ, по ихъ мнѣнію, помощь и облегченіе; послѣднее средство мнѣ кажется быть мучительнѣе предъ другими въ томъ, что роженица принуждена бываетъ употреблять всѣ свои силы на собственное себя мученіе. На палку, къ которой придѣлана широкая развилина, роженица ложится животомъ, и давитъ оной сколько достанетъ силъ, до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится отъ бремени, при всѣхъ сихъ способахъ къ облегченію родовъ случается, что роженицы послѣ родинъ долгое время бываютъ безъ чувствъ; а иныя и долго страждутъ разными отъ того болѣзнями, но крѣпкая ихъ природа все преодолѣваетъ, и весьма рѣдко между ими слышать можно, что бы когда женщина замучилася родами. Въ прочемъ ни какихъ увеселеній и пиршествъ при родахъ не бываетъ, какъ на прим. у Россіянъ и другихъ народовъ. Новорожденныхъ дѣтей матери кормятъ грудью сами, а знатныя также имѣютъ кормилицъ.

Родительская суббота, всѣ суевѣры, и простаки вѣрятъ, что поминовеніе родителей важно, и дѣйствительно быть не можетъ, когда поминаютъ ихъ не блинами, а для того по деревнямъ приносятъ на могилы и пироги, калачи, каши разныя и прочая. Глупый попъ для сво-

его нажитку снимая съ себя ризы, постилаетъ ихъ на могилу на время проговоренія литіи, или и потрахиль, получая за то договорную плату, и послѣ въ церьковной трапезѣ все принесенное на могилы, съѣдаютъ, попъ съ причетомъ и принесшіе вмѣстѣ.

Рождество Христово, въ оный день, не должно выпускать скотины изъ хлѣвовъ. Мордва каждое воскресенье, а особливо въ сей день приносятъ въ жертву птицъ, пирожное и напитки Россійскимъ святымъ, о которыхъ они никакого понятія не имѣютъ.

Рожь, въ которое лѣто рожь цвѣтетъ съ низу колоса, то простаки кладутъ примѣты, что будетъ оной низкая, то есть дешевая цѣна, ежели съ средины колоса, то средняя, а когда сверьхъ колоса, то высокая, или дорогая цѣна.

Розовыя лозы, Черемисы вѣрятъ, что сіи лозы отвращаютъ злыхъ духовъ. *смотр:* могилы.

Розы, цвѣты, увѣряютъ простаки, что отъ самаго распущенія розъ, то есть отъ той поры, какъ оныя разцвѣтутъ, до послѣдняго числа Августа опасна бываетъ обѣденная пора.

Рощи, лѣса и рощи у Славянъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были посвящены ихъ богамъ; а иныя и совсемъ обоготворялись; не

не позволялося въ нихъ ловить ни птицъ, ни звѣрей, ни также рубить деревья, подъ страхомъ потерянія за то живота.

Русалки, дьяволы женскаго рода, живущія въ горахъ, въ рѣкахъ и болотахъ, онѣ имѣютъ весьма долгія волосы, и увѣряютъ простаки, что часто ихъ видятъ бѣгающихъ по горамъ, и сидящихъ на берегахъ рѣкъ, гдѣ онѣ чешутъ длинныя свои волосы, и когда только увидятъ онѣ человѣка, то тотчасъ бросаются въ воду. Древніе Славяне почитали ихъ богинями водъ и лѣсовъ, покланялись имъ и приносили жертвы, по мнѣнію ихъ имѣютъ онѣ весьма долгія зеленыя волосы.

Собака воетъ, когда въ которомъ домѣ собака завоетъ; то увѣряютъ, что быть тамо нещастію, а ежели на кого собака потянется, то предвѣщаетъ ему обнову.

Сабанное, празднество, прозвано отъ хлѣбопашеннаго орудія сабана, потому что оно торжествуется предъ начинаніемъ пашни; торжество сіе смѣшено съ свѣтскими и духовными обрядами, и происходитъ слѣдующимъ образомъ:

У Башкирцовъ по вечеру сбираются изъ всей деревни молодые ребята, на отборныхъ верховыхъ лошадяхъ; и проѣхавъ всю деревню изъ конца въ конецъ, изъ околицы возвращаются, и предъ каждымъ до-

домомъ дѣлаютъ великой крикъ и стукъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ дому, такую отборную артель чѣмъ нибудь не наградитъ; по большей части надѣляютъ ихъ куриными яицами. Собравъ подворную пошлину, молодежъ разъѣзжается по своимъ дворамъ, и по утру до самаго солнечнаго всходу, вся ихъ артель выѣзжаетъ на поле, и назначивъ не малое разстояніе пускаются скакать во всю прыть, при въѣздѣ въ деревню стоятъ обоего пола зрители, а въ извѣстномъ разстояніи отъ зрителей или молодой дѣвица, или дѣвка держитъ на шестѣ привязанной бѣлой платъ, вышитой по угламъ разноцвѣтнымъ шелкомъ, который достается въ награжденіе тому, кто всѣхъ на своей лошадѣ перегонитъ, и первый платокъ сорветъ съ древка. Хотя платокъ всегда бываетъ малоцѣнный, однако побѣда почитается за велико, и приписываются не малыя похвалы побѣдителю отъ зрителей общимъ восклицаніемъ. Естьли же случится двоимъ прискакать вмѣстѣ къ назначенному мѣсту, и схватиться за платъ, то должны они совершенное плата присвоеніе заслужить борьбою. Борьба у нихъ бываетъ такимъ образомъ: они не берутъ другъ друга за воротъ, какъ Руские борцы, за кушаки, и употребляютъ обыкновенныя при борьбахъ ухватки, хотя платъ

и

и не дорогой, однако не всякъ охотно пожелаетъ и дешевую вещь подарить другому, но у нихъ узаконено, что бы на сабанномъ рыцарствѣ награжденіе сдѣлано было руками той женщины, которая изъ деревни моложе всѣхъ за мужемъ. По окончаніи рыцарства, всѣ деревенскія жители сходятся въ мечеть на молитву, и просятъ бога о урожаѣ хлѣба; послѣ чего общее бываетъ въ деревнѣ пиршество, а у молодыхъ разныя забавы, какъ то борьба, катаніе яицами, качели и хороводы; а отпраздновавъ принимаются за пашню.

Саванъ. Когда умершему шьютъ саванъ, то должно шить его рѣдко, что называется на живую нитку, и иглою не къ себѣ, но отъ себя, ибо вѣрятъ, что въ противномъ случаѣ весь тотъ домъ вымретъ.

Савина, Богиня Камчадальская владычествующая надъ началомъ и окончаніемъ дня. Смотр: Вѣрз.

Свадьба, см: Бракъ.

Свинья, когда свинья опоросится и имѣетъ еще при себѣ поросятъ, тогда ежели кто придетъ и посмотритъ на нихъ дурнымъ глазомъ, то увѣряютъ, что отъ того свинья переѣстъ сама всѣхъ своихъ поросятъ.

Свистъ, суевѣры утверждаютъ, что ежели кто свиститъ, то отъ того Бого-

роди-

родицынѣ ликѣ отвращается, и ежели свищенъ въ домѣ, то тому дому конечно опустѣть.

Святовидъ, *Свѣтовидъ*, и также *Святовичь*, богъ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ Ахронѣ; каждый годъ Ахронскіе жители, какъ мущины, такъ и женщины приносили во храмъ подати по пенязю. Истуканъ Святовидовъ былъ преогромныя величины, здѣланъ изъ дерева крѣпкаго о четырехъ лицахъ на подобіе фонаря, такъ что онъ всякія стороны образъ его видимъ былъ, можетъ быть ето значило четыре времяна года; идолъ сей былъ безъ бороды, съ завитыми кудрями, по употребленію Славянъ Ругянскихъ въ короткой одеждѣ, въ лѣвой рукѣ имѣющій лукъ, а въ правой рогъ изъ металла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликій мечь въ серебреныхъ ножнахъ, въ сторонѣ лежали сѣдло и узда коня его величины чрезвычайныя. Сей кумиръ стоялъ посредѣ каплицы, стоявшія по срединѣ храма, завѣшенъ отъ всѣхъ сторонъ красными и великолѣпными занавѣсами, одинъ только брадатый жрецъ, который именемъ Святовидовымъ давалъ народу отвѣты въ годовой день праздника, входилъ въ каплицу удерживая дыханіе; а когда хотѣлъ отдохнуть, то выбѣгалъ къ дверямъ

рямъ каплицы, и выставя голову дышалъ, бояся осквернить божество дыханіемъ смертнымъ. Сей священникъ наполнялъ кумировъ рогъ виномъ, съ долгими и торжественными обрядами, и такъ оставлялъ до другаго года. Сему Святовиду посвященъ былъ бѣлый конь, у коего изъ гривы и изъ хвоста не позволялося ни единаго выдернуть волоса, ниже сѣсть на него, кромѣ жреца, ибо Ахронцы вѣрили, что Святовидъ ѣздилъ на немъ побѣждать ихъ непріятелей, во увѣреніе того предлагали, что когда оставляли лошадь сію въ конюшнѣ вычищенну и привязанну къ яслямъ, то находили оную часто на утро вспотѣвшу и замаранну, такъ какъ будто бы кто ѣздилъ на ней въ дальній путь. Отъ путешествія сего предвѣщали щастливый и худый конецъ своимъ ратямъ; во время приношенія жертвы, изъявляли Святовиду превеликое почитаніе, по скончаніи жатвы собирался весь народъ предъ его капище, для провожденія великаго праздника, для коего убивали на жертву множество скота, и при томъ для знатнаго идольскаго пированія, за день передъ праздникомъ долженъ былъ самъ жрецъ прежде жертвоприношенія и служенія чисто вымести въ кумирницѣ. Въ слѣдующій день празднества, предъ собраніемъ всего народа, передъ дверьми храма, взявъ жрецъ изъ

рукъ

рукѣ идольскихъ рогъ съ виномъ, которымъ онъ наполненъ былъ за годъ передъ тѣмъ, прорицалъ о плодородіи года, ибо ежели вина въ рогѣ немного убыло, то почиталось оное признакомъ плодородія, а въ противномъ случаѣ плодоносія не надѣялись. По семъ выливалъ священникъ вино изъ рога передъ ногами Святовидовыми, и наполнялъ потомъ оный новымъ, пилъ за его здоровье и просилъ, что бы людямъ и отечеству подалъ изобиліе, богатство и побѣду надъ непріятелями, выпивъ же изъ рога вино, наполнялъ его снова, и вставлялъ идолу въ руку. А для браннаго гаданія, вбивали стойки передъ храмомъ шесть копій, по два въ рядъ, одно подлѣ другаго въ равномъ разстояніи, и ко всякой двойнѣ привязывали копье поперегъ такъ высоко, какъ можно коню безъ прыганія перешагнуть; потомъ жрецъ по прочтеніи долгихъ и торжественныхъ молитвъ, взявъ съ великими обрядами коня за узду, переводилъ его черезъ три поперечныя копья, и ежели конь переступалъ всѣ три правою ногою, безъ помѣшательства съ лѣвою, то почитали оное за доброе предзнаменованіе предпріемлемыя войны; а ежели онъ переступая копья мѣшался, то признавали за худое предвозвѣщаніе, по сему конскому шаганію начиналася война, или отлагалась.

По

По окончанiи жертвы, приносили великiй круглый пирогъ сдѣланный изъ муста (или меда и муки), въ срединѣ коего могъ умѣститься человѣкъ; вшедъ во оный жрецъ, спрашивалъ громкимъ голосомъ предстоящихъ людей, видятъ ли его? всѣ отвѣтствуютъ: нѣтъ: тогда священникъ обратясь къ идолу, молилъ его, чтобъ въ предбудущiй годъ, хотя мало его увидѣли. По семъ благословлялъ народъ именемъ Святовидовымъ, увѣщавалъ его къ прилѣжному жертвоприношенiю, за что въ воздаянiе обѣщавалъ побѣду на враговъ по морю и по суху. Послѣ сего препровождался весь тотъ день въ яденiи и питiи, и за стыдъ почитали, ежели кто тогда не напивался до пьяна; иногда болвану сему приносили въ жертву и плѣненныхъ Христiанъ, коихъ посадя на коня, во всей ихъ збруѣ, привязывали лошадь ногами къ четыремъ сваямъ, и подъ приставленные съ обѣихъ сторонъ костры дровъ, положивъ огонь, сожигали живыхъ коня и всадника; о сихъ нещастныхъ сожженникахъ утверждалъ жрецъ, что Святовидъ кровiю ихъ весьма услаждается. Изъ всѣхъ полученныхъ корыстей давалась Святовиду третья часть; кромѣ сего опредѣляли еще ему для почести, съ его стороны на брань, триста всадниковъ, и оныхъ всю добычу вручали его

жре-

жрецу, которой полагалъ ее въ Святовидово сокровище, откуда не позволялося уже нималѣйшия вынять части. Наконецъ въ 350 году Вагдемаръ Король Датской взявъ Архоно, разрушилъ всѣ храмы; а Святовидовъ истуканъ приказалъ разсѣчь на части, и послѣ сожечь; во нѣкоторомъ Нѣмецкомъ баснословномъ словарѣ названъ онъ Святовитомъ, и при томъ объявляется, что былъ онъ знатнѣйшимъ божествомъ у древнихъ жителей въ Лаунинцѣ, имѣлъ четыре головы и покрытъ былъ латами.

Святые финнами Католическаго исповѣданїя почитаемые, въ день всѣхъ оныхъ святыхъ, топятъ финны на конопѣ баню, и снабдивъ оную теплою и холодною водою, также вениками и прочими надобностями, ставятъ на столахъ кушанье, хозяинъ одѣвшись чистенько, и не покрывая ни чемъ головы, растворяетъ въ сумерки ворота своего двора съ такою вѣжливостїю, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего отпираетъ съ не меньшею ласкою баню, и погодя не много замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, отпираетъ для выходу мнимыхъ своихъ святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ скляницу хлѣбнаго вина, кеболлу (paггене), ставятъ въ хлѣвахъ; въ сей же самой вечеръ кушанье. Въ честь идолу Кирке, закалаютъ въ день

всѣхъ святыхъ, на самой утренней зарѣ ягненка, котораго очиствивъ и не отрѣзывая ни которой части варятъ, а потомъ ставятъ на столъ и ѣдятъ.

Сеиты, такъ называютъ Лопари бугры, или груды страннымъ образомъ сгромощеные изъ камней, кои по большей части находятся при озерахъ и рѣкахъ, и которыхъ они почитаютъ богами, такъ какъ и безобразныхъ по лѣсамъ вырубленныхъ идоловъ, называя ихъ пажами.

Сѣверное сіяніе, у простолюдиновъ знаменуетъ оное нещастіе цѣлому государству, какъ то: моръ, голодъ, войну и прочая, и называется оно огненными столбами, которые сходяся сражаются между собою, а иногда видятъ они и воздушныя силы сражающіяся между собою.

Семарглъ, или *Симаергла*, божество древнихъ Славянъ; коему такъ какъ и прочимъ, приносили они жертвы и имѣли истуканы.

Семикъ, сей день и слѣдующіе по немъ еще три, древніе Славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при томъ всякую роскошь и веселіе. Дѣвки и бабы собираясь хороводами плясали, и свивая изъ вѣтвія вѣнки, цѣловались сквозь оные съ мущинами, а потомъ бросали въ воду загадавши, ежели вѣнокъ

 по-

поплыветъ, то быть ей тотъ годъ за мужемъ, а когда потонетъ, то остаться еще дома, а при томъ вмѣшивались тутъ и всякія любовныя дѣйствія въ честь и жертву идолу Туру.

Сиба, *Сива* или *Сѣва*, богиня Славянъ Варяжскихъ, жившихъ на островѣ Ругенѣ, изображали ее нагою, волосы висѣли назади до подколѣнокъ, въ правой рукѣ держала яблоко, а въ лѣвой гроздъ виноградный, признавали ее богинею произрастеній, и приносили жертву.

Сиду а, богиня Камчадальская дочь первостатейнаго ихъ бога Кутху. *смотр*: вѣра.

Сидукамшичъ, богиня Камчадальская дочь Утыжилъ - Кутху *смотр*: вѣра.

Сильный богъ, Славяне такъ называемый истуканъ, имяновали еще и крѣпкимъ богомъ, его представляли въ видѣ человѣка, въ правой рукѣ держалъ онъ копейцо, въ лѣвой серебреный шаръ; а при ногахъ его лежали человѣческая и львиная головы.

Скакунъ трава, *смотр*: прыгунъ.

Скопа птица, простолюдины увѣряютъ, что она имѣетъ ядъ въ своихъ когтяхъ, и когда къ кому оными прикоснется, то уже избавиться отъ смерти не можно.

Ско-

Скоромъ, простаки или большею частію, суевѣры поставляютъ за великой грѣхъ выговорить въ посты слово *мясо*, и когда случится въ разговорѣ, то необходимо, то приговариваютъ всегда *помяни Господи на свѣтло Христово воскресенье или на рожество Христово*, то есть на тотъ день, въ который слѣдуетъ по постѣ томъ розговѣнье.

Слонъ, Калмыцкое преданіе выдумало неслыханнаго и не удобоуразумительнаго подъ симъ именемъ звѣря, и почитали онаго землехранителемъ. *смотр:* вѣра.

Слуги, держатъ мнѣніе сущіе простаки, что на томъ свѣтѣ всѣхъ злыхъ господъ будутъ безпрестанно жарить, а слугъ заставятъ таскать уголье и подъ нихъ подкладывать, и большей должности имѣть они тамо не будутъ.

Смерть, простодушная купеческая жена, ходя въ карнетахъ и рабронтахъ утыкавшись вся браліантами, которые въ нѣсколько тысячь кратъ дороже ее стоятъ, при смерти своей приказываетъ своимъ домашнимъ положить ее во гробъ въ руской рубахѣ, у которой рукова аршинъ по пяти и долѣе, въ рускомъ сарафанѣ, въ убрусѣ и въ калишкахъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ въ нѣмецкомъ платьѣ принята она не будетъ, и будто бы умер-

шимъ намъ назначены отъ кого нибудь однорядки, или ливрея, чтобъ всѣмъ намъ предстать тамо въ странномъ видѣ. Наряду съ раскольниками.

Соболиные промыслы, промышленики бывая на сихъ промыслахъ, многихъ вещей не называютъ своимъ именемъ, вѣря, что отъ того дѣлается въ ловлѣ нещастіе, когда всякую вещь будетъ называть ее собственнымъ именемъ.

Сова, бѣлая птица, сія почитается Калмыками, предвѣщающею и святою, и состоитъ у нихъ въ великомъ почтеніи.

Солнце играетъ, увѣряютъ, что на свѣтлое воскресенье при восхожденіи солнышко играетъ въ видѣ трясенія, и многія для смотренія того сидятъ въ то время на колокольняхъ, на горахъ или иныхъ высокихъ мѣстахъ. Мордва называютъ солнце *Чи-Пасомъ*, и почитая его за бога, жертвуетъ всякой ему хозяинъ у себя на дому птицами, пирожнымъ и хмѣльными напитками.

Соль, соли за столомъ подавать другому не должно, ибо вѣрятъ безъ сумнѣнія, что то бываетъ причиною ссоры, и когда необходимо случится то сдѣлать, то принимая велятъ расмѣяться, отъ чего будто вся сила предвѣщанія ссоры разрушится.

Сонъ, соннымъ мечтаніямъ, столь-кожъ суевѣры вѣрятъ, сколько и цыганскимъ предвѣщаніямъ. Видѣнная во снѣ гора значитъ, что наяву будетъ горе; рѣка, рѣчи; дѣвица, диво; мертвецъ, снѣгъ; мѣдныя деньги, слезы; лошадь, врагъ; собака, другъ; кровь, родство; кало, деньги и прочая.

Сорочины, въ третій день по погребеніи усопшаго, Черемисы ѣдятъ на могилѣ, также какъ и въ первый день лакомятся въ томъ домѣ, гдѣ случилась кончина за горящими восчаными свѣчами блинами, и посылаютъ нѣсколько кусковъ и на могилу. Также празднуютъ и въ сороковый день.

Сорочка, вышедшій изъ утробы младенецъ въ сорочкѣ, почитается отъ простолюдиновъ весьма щастливымъ, отъ чего и произошла пословица въ *сорочкѣ родился*. Сію сорочку сѣимая кладутъ въ маленькой кошелечекъ или мошеночку, и привязываютъ на шнурокъ младенцу, на которомъ обыкновенно носимъ крестъ, которая мошонка называется ладонкою, віря, что щастіе отъ того младенца въ присутствіи оной сорочки никогда уже не отойдетъ.

Сочевникъ, сіи дни преданіемъ церьковнымъ установлены для пощенія, что и на-

названіе значитъ, и должно во оные воздержаться пищею до звѣзды, то есть до захожденія солнечнаго; но суевѣры наши и простаки перемѣняютъ то въ иное, и вставая рано, смотрятъ на звѣзды, которыя восхожденіемъ солнечнымъ помрачится еще не успѣли, и тутъ принимаются за пищу, не поставляя себѣ преступленіемъ сего преданія и говоря, что они ѣли при звѣздѣ.

Столъ, когда сядутъ за столъ тринадцать человѣкъ, то должно одному неотмѣнно выйти вонъ, или четырнадцатаго добавить, а тринадцатымъ обѣдать никакъ не льзя по увѣренію суевѣровъ, которые желаютъ выводить изъ того великія бѣды. Также ежели кто просыплетъ за столомъ соль, то предвѣщаютъ изъ того неограниченную домашнюю ссору, *см:* соль и уксусъ.

Стриба, божество Кіевское, въ семъ городѣ имѣлъ онъ храмъ и приносимыя жертвы.

Строеніе, ежели простякъ начинаетъ производить строеніе, то первое держитъ въ головѣ суевѣріе, чтобъ избою, или воротами никогда не подоваться въ ночь, то есть на сѣверъ; а ежели онъ то здѣлаетъ то вѣритъ безъ сомнѣнія, что черти его изъ дома того выживутъ.

Стѣ-

Стѣны трещатъ, ежели въ какомъ домѣ, хотябъ то и въ новомъ было, трещатъ стѣны, то значитъ, что изъ сего дома живущимъ въ скоромъ времяни перебираться должно.

Стефановъ день, то есть день святаго первомученика Архидїакона Стефана, во оный день должно лошадей поить черезъ серебро.

Студенецъ, такъ называлось священное озеро бывшее на островѣ Ругенѣ въ густомъ лѣсу; оно изобиловало весьма рыбою; однако никто не смѣлъ не единыя выловить, почитая ихъ святыми; а ежели кто преступалъ сїю заповѣдь, то весьма жестоко былъ наказанъ. Славяне почитали, также многїе ключи, источники, озера, рѣки и колодязи святыми, приносили водамъ ихъ жертвы, ожидая плодородїя. Для здравїя своего и святости рѣкъ, по вскрытїи купались во оныхъ, не смотря ни на какую холодную погоду, даже дѣлали то и во время жестокой зимы, отъ чего и нынѣ есть, что въ день Богоявленїя купаются въ прорубяхъ, не смотря на жестокость мороза, а отъ того многїя простудившись умираютъ; но сїе почитаютъ необходимымъ; тѣ, кои въ святки на игрищахъ наряжались чертями, или

вздѣвали на себя, въ такъ называемыхъ ими интермедiяхъ, хари.

Стрѣла, или палочка Остяки и Вогуличи употребляли сiе орудiе такимъ образомъ, что ежели быть войнѣ, или бунту, то посылали стрѣлу по всей своей землѣ; на которой вырѣзаны были Шаитановы изображенiя и оная стрѣла въ той землѣ кругомъ была носима и каждый узнавалъ по ней намѣренiе народа.

Суевѣръ, *см*: Христiянинъ.

Сузюкти, такъ называется особый родъ поповъ у Калмыковъ, которыхъ можно сравнить съ нашими монахами. *Смотр: вѣра.*

Сунны, такъ называется Терскiе или Терекскiе Татара отъ слова Сунны или Сонна сiе есть у Турокъ словесный законъ, который какъ они сказываютъ получили отъ своего пророка чрезъ преданiе, и чрезъ который толкуютъ свой письменный законъ, то есть Алкоранъ; а которые сего закона не принимаютъ то тѣхъ называютъ они Сунны.

Сурахъ, такъ называется у Оренбургскихъ и у Казанскихъ Татаръ мазь, которою мужья бороды, а жены дѣтородный удъ мажутъ для уменьшенiя волосовъ оная составляется изъ опермента и негашенной извести разводя оное на водѣ,

или

или на постномъ маслѣ, и сею мазью понирзюнтъ они въ банѣ причиное мѣсто.

Табакъ, Раскольники праву сїю почитаютъ проклятою, и ставятъ въ тяжкїй и не простительный грѣхъ ее употребленїе. Когда случится кому въ ихъ избѣ курить табакъ, то они послѣ его курятъ трои сутки безпрестанно ладономъ; а гдѣ упало нѣсколько крошекъ онаго, то тѣжъ трои сутки скоблятъ и моютъ оное мѣсто, дабы не токмо его, но и духъ, или запахъ оный вывесть вѣчно.

Талисманъ, такъ называютъ волшебники ничего не значущїе литеры, или буквы, фигуры и прочїя начертанїя, которымъ они тайную силу приписываютъ, и написывая на дощечкахъ вѣшали ихъ для того на шеи.

Тараканы, сїю гадину почитаютъ предчувствующею, и когда въ которомъ домѣ быть пожару, то увѣряютъ, что всѣ тараканы дни за два изъ того дома станицами выйдутъ.

Тенгры, Калмыки признаютъ тенграми нѣкоторый родъ безплодныхъ силъ, или духовъ, которыхъ ни ангелами ни людьми назвать не можно и должно имъ опредѣлить среднѣе существо между сими. *см*: вѣра.

Тинзябуь Юма, подъ симъ именемъ Черемисы почитаютъ бога живущаго на небесахъ. *см*: *вѣра*.

Ти-

Тиранусъ, богиня Камчатская жена Билюкаева.

Тона, или *Туно*, такъ называются у Вотяковъ ворожеи, или колдуны.

Тригла или *Триглава*, богиня Славенская истуканъ ее имѣлъ при лица, и была она то же, что Зевана.

Тризна, значитъ поминовенїе усопшаго, то есть въ третїй или трижды три въ девятый, сороковой, годовой и трехъ годовой день. Древнїе Славяне отправляли тризны на могилахъ пищею и питїемъ, что и нынѣ многїе по отдаленнымъ городамъ и деревнямъ дѣлаютъ, носятъ на могилы пироги, блины, пряженцы, оладьи, колачи и прочая, и всѣ сия на оныхъ, или въ трапезѣ при церквѣ, присовупя къ тому, попа и весь причетъ съѣдаютъ.

Туилъ, Камчадальскїй богъ производящїи землетрясенїе. *смотр: вѣра.*

Туны, такъ называются у Вотяковъ колдуны. *см: вѣра.*

Туръ, Славяне признавали сего идола богомъ сладострастїя, который на всѣхъ веселыхъ пиршествахъ и игрищахъ имѣлъ не послѣднее мѣсто. Въ честь сего бога особый праздникъ установленъ былъ, который и нынѣ отправляется и называется семикъ, въ который при многомъ обжорствѣ

вѣ и питьѣ, часто бабами забывается благопристойность.

Тыжиль-Кутху, божество Камчадальское сынъ первостатейнаго ихъ бога *Кутху. смотр: вѣра.*

Телятина, по многимъ городамъ суевѣры не ѣдятъ телятины почитая то за грѣхъ: но сїе обыкновенїе по деревнямъ наблюдается для того, что невотѣльныя коровы лишась своихъ сосковъ, теряютъ молоко. Изъ чего и явствуетъ, что воздержанїе отъ яденія телятины въ сельскихъ жителяхъ не отъ суевѣрія, но отъ доброй экономїи происходитъ.

Убрусъ, такъ называется сшитый нѣкоторымъ страннымъ маннеромъ чепецъ на подобїе старинняго разлѣтная, во ономъ раскольницы и простыя старушки полагаются во гробъ и имѣютъ къ нему столь отмѣнное почтенїе, что и къ причащенїю Святыхъ таинъ безъ него не приступаютъ.

Угли, ежели кто не наблюдая чистоты кладетъ свой пометъ въ домѣ не у мѣста, и особа та неизвѣстна, то берутъ изъ печи раскаленное уголье и сыплютъ на тотъ пометъ, вѣря точно, что вся задница, или сѣдалище у того опоршивѣетъ.

Угорь, рыба, подлыя люди не ѣдятъ угря никогда, и говорятъ, что тогда толь-

ко

ко ѣсть его можно, когда въ семи городахъ рыбы отъискать будетъ не можно.

Удис, такъ называется Черемискій дьячекъ. *смотр*: Вѣра.

Ужъ, въ сѣнокосъ и другую страдную пору, когда люди имѣютъ свой отдыхъ, посреди поля, или въ лѣсахъ ищутъ всегда такихъ мѣстъ, гдѣ водятся ужи. Тутъ уже спятъ безопасны отъ вредныхъ змѣй, которыя къ соннымъ приходятъ, и въ оплошности вползываютъ въ ротъ къ человѣку; ибо ужъ такихъ змѣй, отгоняетъ прочь, и не отходитъ отъ человѣка; а иногда вползши и на грудь лѣжитъ, до тѣхъ поръ пока человѣкъ проснется. Когда кто нечаянно на ужа наступитъ и успѣетъ сказать, *ахъ*, *ненарокомь*: то ужъ хотя бы былъ и уязвленъ не ужалитъ. Въ прочемъ почитаютъ его весьма ядовитымъ, такъ что никто его угрызенія вылѣчить не можетъ; но все спасеніе уязвленнаго состоитъ въ томъ, ежели онъ успѣетъ окунуться въ воду прежде ужа.

Уксусъ, за столомъ уксусу одинъ другому не подаютъ, вѣря, что то причина будетъ ссоры; а когда необходимо случится, то сдѣлать, то велятъ разсмѣяться, и отъ того предвѣщаніе ссоры опровержено будетъ.

Урилы

Урилы дачь, божество южныхъ Камчадаловъ, сіи боги ихъ не что иное, какъ колья съ обтесанными головками, лежащіе въ юртѣ по грядкамъ, оные почитаются вмѣсто Хантаевъ.

Уродь, Якуты почитаютъ всѣхъ, то есть человѣческаго, звѣрскаго, скотскаго, рыбьяго, птичьяго и насѣкомыхъ рода уродовъ сущими дьяволами, и стараются всѣми силами и съ великою боязливостію отъ нихъ избавиться.

Усладъ или *Осладъ*, божество Кіевское, котораго Славяне признавали богомъ пированій и всякихъ роскошей.

Утка красная, сію птицу Калмыки почитаютъ за святую, и увѣряютъ, что она есть попъ всѣхъ птицъ.

Утлейгынъ, морскій Камчадальскій богъ. *смотр: вѣра.*

Утопающаго, избавить отъ потопленія у Камчадаловъ почитается за грѣхъ: ибо вѣрятъ, что кто его вытащитъ изъ рѣки, тому утонуть будетъ самому, также ежели освободить занесшаго въ дорогѣ снѣгомъ, почитается за тяжкій грѣхъ.

Ушахчу, такъ называютъ Камчадалы лѣсныхъ своихъ боговъ. *смотр: вѣра.*

Уши горятъ, у кого горятъ уши, того гдѣ нибудь въ то время переговариваютъ, то есть подсмѣиваютъ; когдажъ въ ушахъ

ушахъ звенитъ, то загадавъ что нибудь спрашиваютъ, въ которомъ ухѣ звенитъ? и когда отгадаютъ, въ которомъ ухѣ звенитъ, то несомнѣнно загаданое сбудется.

Фалча, такъ называются у Киргисцовъ ворожеи, коихъ есть у нихъ до нѣсколько родовъ *смотр:* ворожей.

Филинъ, птица сїя почитается предвѣстницею пагубы, и когда прилетѣвъ на кровлю чьего нибудь дома станетъ кричать, то кому нибудь изъ того дома, умереть вскорѣ, или чувствовать бѣду. Суевѣры носятъ при себѣ ея когти, дабы привести себя въ безопасность отъ чародѣйства.

Фортуна, простой народъ нашихъ времянъ фортунѣ хотя не молятся, однако представляетъ часто въ головѣ своей безпорядочную идею незнаемо, о какомъ то чудномъ существѣ называя оное щастїемъ, жребїемъ, судьбиною, рокомъ, талантомъ, участью, долею, фартуною, и поставляетъ оное виною всѣхъ приключенїй, коимъ подлинной причины не знаетъ, и понеже онъ все безъ слѣдствїя, все безъ связи видитъ, то необрѣтаетъ основанїе ничему, и для того представляетъ себѣ все рокомъ, или судьбиною.

Франкъ масоны, сїи собранїя называютъ простолюдины дьяволыщиною, и вѣрятъ,

ряшъ, что естьли кто записавшись въ масоны, послѣ раскается, и похочешъ обратиться на истинный путь, то бываетъ отъ нихъ застрѣленъ, дабы не открылъ ихъ тайны, слѣдующимъ образомъ. Когда принимается онъ въ ихъ братство, то прежде всего даетъ имъ рукописаніе писанное его кровію и рукою; а потомъ списываютъ съ него портретъ, и когда онъ имъ измѣнитъ, или раскаявшись захочетъ отстать, то стрѣляютъ они въ его портретъ, и гдѣбъ томъ человѣкъ ни былъ, конечно будетъ убитъ, и въ то самое время и мѣсто, гдѣ пуля прошибетъ портретъ.

Хантай, божество Камчатское, идолъ его дѣлается наподобіе Сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а отпгула рыбою, и ставится обыкновенно въ юртѣ подлѣ огнища. Сей Хантай ежегодно дѣлается новый, во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ ея построенія см: *грѣховъ очищеніе.*

Холопя, утверждаютъ простаки, что холопя и на томъ свѣтѣ имѣть будутъ должности работниковъ. Они будутъ безпрестанно таскать дрова, подкладывать подъ своихъ лютыхъ господъ и ихъ жечь и мучить.

Хота, такъ называется у Чувашъ сватовство, или торгъ о невѣстѣ. *смотр:* бракъ.

Христїянинъ, суевѣръ въ однихъ только наружныхъ поступкахъ и обрядахъ является богобоязливымъ; а въ самомъ дѣлѣ главную должность человѣка Христїянина, то есть любовь къ ближнему пренебрегаетъ.

Царь морскїй, Славяне подъ симъ именемъ признавали бога обладателя морями и находящимися во оныхъ животными.

Цаца, такъ называются молитвенныя у Калмыковъ капища, которыя къ каждому торжеству дѣлаются новыя, а прежнїя ихъ богомольныя мѣста или сборища назывались Кидъ *см: вѣра.*

Цвѣты платья, цвѣты матерїй, изъ коихъ дѣлаются платья, значитъ также нѣчто: напримѣръ бѣлый чистоту, черный печаль и проч: зеленаго носить не можно въ городѣ, а краснаго въ полѣ. Также должно имѣть цвѣты, платье сообразно съ лѣтами человѣку. Красный цвѣтъ въ особливомъ почтенїи у всѣхъ Татаръ, и какъ бы ни худое кто имѣлъ платье изъ ихъ принцовъ, одкако всегда будетъ у него кармазинной красной кафтанъ для церемонїяльныхъ случаевъ. Мурзы ихъ, которые нѣсколько выше подлости лучше не будутъ имѣть рубахи, нежели краснаго кармазин-

наго

наго кавтана. Знатныя женщины сего народа не думаютъ о себѣ, что онѣ хорошее имѣютъ платье, ежели не имѣютъ краснаго кармазиннаго кавтана. Самыя подлыя люди изъ Татаръ стараются носить изъ краснаго сукна кавтаны, будѣ они нѣсколько другихъ побогатѣе, хотя бы то было и изъ простаго сукна. Сїе пристрастїе къ красному сукну распространяется до идолопоклонническихъ Сибирскихъ народовъ, которыхъ главные думаютъ, что пребогатую имѣютъ одежду когда они смогутъ сдѣлать красной кавтанъ, такъ что по всему Азїятическому сѣверу весьма больше всего можно учинить съ кускомъ краснаго сукна, нежели въ четверо противъ того съ деньгами.

Цыганы, Для обманства простаго народа въ предсказанїяхъ, и для другихъ плутовскихъ ихъ намѣренїй портятъ свой языкъ выговаривая слова наизворотъ, переставляя буквы и прочая, *см*: ворожба.

Цыплята, когда цыплята высижены будутъ, а особливо во множественномъ числѣ, и ежели кто взглянетъ на нихъ и подивится, то вѣрятъ что всѣ до единаго цыпленка сутки въ двои переколѣютъ.

Чародѣй, Самоѣды въ семъ искусствѣ такъ бываютъ отмѣнны, что многихъ принуждаютъ тому дивиться. Они пребываютъ

ютъ въ почитаніи нѣкоторыхъ изъ дерева не искусно вырѣзанныхъ фигуръ человѣческихъ, звѣриныхъ, рыбьихъ, птичьихъ и прочихъ, также и отрубленныхъ головъ и ногъ отъ дикихъ звѣрей, которыя они въ лѣсахъ вѣшаютъ и имъ молятся. Старѣйшинами между ими почитаются ихъ попы, которые по ихъ вопросамъ должны волю божію объявлять, будущее напередъ сказывать, и какъ говорятъ, всякія чародѣйныя хитрости на подобіе кощуновъ показывать. У нихъ былъ золотой идолъ на подобіе старой бабы, которой того ради золотая баба названъ; сей идолъ на всѣ вопросы, которые всегда отъ поповъ ему чинены были, отвѣчалъ, также и будущее щастіе или нещастіе напередъ объявлялъ. Но какъ послѣ того оную землю прилѣжнѣе изслѣдовали, то нашлось, что всѣ объявленія о семъ идолѣ, только за басни почитать надлежитъ. Въ провинціи Обдоріе не далеко отъ устья рѣки Оби, есть нѣкоторой дикой камень, которой своею фигурою подобенъ старой бабѣ, съ подобнымъ платьемъ, ребенка на рукахъ держащій; но можетъ быть, что фигура сего камня больше художествомъ такъ сдѣлана была. Сія то фигура, думаютъ нынѣ, къ баснѣ о помянутомъ Самоѣдскомъ идолѣ поводъ подала, а особливо когда примѣчено бы-

было, что Обдорскіе Самоѣды въ сей странѣ, которая къ рыбной ловлѣ очень способна была, часто собирались.

Самоѣды одѣваютъ тѣхъ идоловъ, которыхъ они въ своихъ лѣсахъ вѣшаютъ всякими мѣхами, и кладутъ на нихъ по своему обыкновенію малой уборъ. Для ихъ священническихъ обрядовъ и чародѣйства можетъ то служить, что о Самоѣдахъ не далеко отъ Печоры примѣчено. Когда они изъ одного мѣста въ другое переѣзжать хотятъ, то собираются всѣ родственники одной семьи вмѣстѣ, и приносятъ жертву всѣ въ одной полаткѣ. Старѣйшій изъ нихъ, который въ лицѣ священника бываетъ, начинаетъ, тогда въ волшебной барабанъ бить, которой только съ одной стороны кожею обтянутъ. Барабанныя палки на пядень, съ одного конца круглы и кожею обшиты, на головѣ у него бѣлой вѣнецъ, а лице покрыто одною частью рубашки, на которой навѣшены многія малыя зубы и ребра рыбьи и звѣриныя, потомъ начинаетъ онъ такъ кричать, какъ напримѣръ: въ Англіи и Голландіи матрозы во время радости, или какъ ловцы на гончихъ собакъ; а тѣ, которые съ нимъ въ собраніи, кричатъ, за нимъ, икга, икга, икга. Сей крикъ попъ, и собравшіяся съ нимъ нѣсколько разъ сряду дѣлаютъ, и до тѣхъ

 поръ

поръ не перестаютъ, пока оной попъ будто бѣшеной замертво навзничь не упадетъ, при чемъ онъ кромѣ рубахи, ни чемъ покрытъ не бываетъ. Какъ у нихъ о причинѣ того спрашивали, для чего ихъ попу то случается? то отвѣчали они, что ему теперь отъ боговъ о томъ откровенiе чинится, что имъ дѣлать, и куда ѣхать надлежитъ. Потомъ всѣ при томъ стоящiя закричали трижды! Окгао, Окгао, Окгао; при чемъ попъ свою голову приподнялъ, но опять положилъ.

Напослѣдокъ онъ всталъ, и паки по прежнему закричалъ, на что присутствующiя отвѣтствовали: Икга, Икга, Икга. По семъ велѣлъ попъ пять великихъ звѣрей убить, и вмѣстѣ съ предстоящими опять кричать началъ, потомъ взялъ онъ кинжалъ по обыкновенiю нашихъ фигляровъ, оной до половины въ тѣло воткнулъ, не учиня себѣ чрезъ то никакой на тѣлѣ раны, а крикъ между тѣмъ, какъ отъ него, такъ и отъ предстоящихъ безпрестанно продолжался. Онъ положилъ также оной кинжалъ въ огонь, и его такъ долго не вынималъ, пока онъ весь не разгорячился, а потомъ его къ себѣ за пазуху сунулъ, и недалеко отъ пупа въ тѣло, такъ глубоко воткнулъ, что конецъ онаго изъ задницы высунулся.

Вы-

Вынувъ оной кинжалъ изъ тѣла, сѣлъ онъ опять безъ всякаго вреда, потомъ поставили они на огонь котелъ съ водою, и при томъ опять очень громко кричали, а какъ долго оной котелъ на огнѣ стоялъ, такъ долго они молчали, между тѣмъ приготовленъ былъ стулъ, на которомъ попъ въ то время, какъ вода кипела, снявши съ головы украшенїе и рубаху, и сложивши на крестъ ноги сѣлъ. Въ то время началъ попъ опять кричать, а потомъ завязалъ онъ у себя около шеи и подъ лѣвымъ плечемъ маленькимъ узелкомъ тоненькую веревку, которая была изъ сайгачей кожи свита, длиною сажени въ четыре, а концы той веревки велѣлъ онъ держать двумъ человѣкамъ съ обѣихъ сторонъ.

Какъ помянутый котелъ съ кипяткомъ предъ поповскимъ стуломъ поставили, и попа такожде и котелъ большимъ полотномъ покрыли, то стали оные два человѣка за ту веревку такъ долго тянуть, пока они концовъ вмѣстѣ не сведутъ. Тогда всѣмъ присутствующимъ слышно было, что въ оной котелъ нѣчто упало; а какъ спрашивали, что оное есть? на то отвѣчали Самоѣды, ето голова, плечо и лѣвая рука попова, которую у него отъ тѣла веревкою оторвало, для того, что она узломъ завязана была, и что ежели кто

на

на того попа, въ такомъ состоянїи смертными глазами посмотритъ, тотъ тогожъ часа умретъ. Они при томъ опять также какъ и прежде часто Окгао, Окгао, Окгао, кричали; а между тѣмъ изъ поповскаго платья дважды человѣческой перстъ высовывался. Сказывали, что то есть нѣкоторой звѣрь, котораго имени они не знали, или сказать не хотѣли; напослѣдокъ попъ поднявши голову вставъ, и тѣмъ сїю церемонїю окончалъ, не обьявляя Самоѣдамъ ничего, что до ихъ будущаго состоянїя касается, понеже попы откровенїя боговъ тайно содержатъ, а народу оныя только по частямъ объявляютъ, и только тогда, когда онъ о какихъ будущихъ случаяхъ спрашиваетъ, и въ то время онымъ попамъ всякъ во всемъ послѣдуетъ.

Въ прочемъ чинятъ оные попы еще иныя многїя чудныя тѣлодвиженїя, когда они у своихъ сокровенныхъ боговъ отвѣтовъ просятъ, часто кладутъ они ножъ совсѣмъ въ горло, или многожды кажется, будто они то дѣлаютъ: но вмѣсто того, чтобъ имъ оной ножъ проглотить, уходитъ онъ въ черенъ, когда они оной давятъ, потому что такой ножевой черенъ у нихъ по обыкновенїю фигляровъ внутри пустъ дѣлается. Они такожде и на своихъ товарищей руки возлагаютъ, которыхъ

рыхъ они до полусмерти давятъ, а потомъ оттправивъ предъ своими богами нѣкоторыя церемоніи, оныхъ опять оживляютъ.

Тѣ Самоѣды, которые живутъ близъ канала Вейгацъ, или морскаго устья, новую землю отъ Сибири отдѣляющаго, имѣютъ еще особливое обыкновеніе, которое такъже сюда надлежитъ. Въ день святаго Николая чудотворца, отъѣзжаютъ они по оному каналу отъ новой земли, въ такомъ разстояніи, сколько днемъ уѣхать можно. Тамъ есть у подошвы нѣкоторой горы, одна яма, глубиною на десять саженъ. Около той ямы стоятъ скамьи, на которыя Самоѣды своихъ разныхъ идоловъ поставили и главнѣйшій изъ тѣхъ идоловъ величиною есть въ человѣка малаго роста. Самоѣды тамъ ходятъ за охотою, и перваго звѣря, котораго своими стрѣлами застрѣлятъ, отвозятъ къ помянутой ямѣ, сдираютъ съ него кожу, и оную на главнѣйшаго идола надѣваютъ, а мясо бросаютъ въ яму. Они ловятъ инсгда такожде и живыхъ звѣрей, какъ то оленей и сайгачей, и брасаютъ въ ту яму, и ежели такой звѣрь до смерти ушибется, то за щастливой знакъ доброй ловли почитаютъ, ежели же такой въ яму брошеной звѣрь еще живъ будетъ, то думаютъ, что имъ

 в

вѣ томѣ мѣстѣ щастія вѣ ловлѣ не будетѣ, и того ради оттуда на другое мѣсто для ловли отходятѣ, *см: ворожеи.*

Червецѣ или *Камаха*, вѣ праздникѣ Казанскія Богородицы, то есть 8 число Юлія, увѣряютѣ, что бываетѣ отмѣнное чудо. Вѣ нѣкоторый день краска Червецѣ или вылупившіяся изѣ пузырьковѣ несѣкомыя называемыя Камаха, собираются изѣ всѣхѣ окольныхѣ странѣ ко одному кусту, и когда кто вѣ день Казанскія Богоматери, то есть 8 Юлія встанетѣ на разсвѣтѣ, и пойдетѣ вѣ поле искать Камахи, то предоставляется ему щастіе найти таковое сокровище.

Чернобогѣ или *Чернбогѣ*, всѣ вообще Славяне признавали сего за бога обитающаго во адѣ; приносили ему кровавую жертву, печальное моленіе, и дѣлали страшныя заклятія, дабы отвратить отѣ себя его ярость или свирѣпость.

Черчыя книги, такѣ называются волшебныя книги, которыя содержатѣ вѣ себѣ дьявольскія навожденія; онѣ написаны волшебными знаками, а большею частію нолями или кружками; находятся всегда у волшебниковѣ, по которымѣ призываютѣ они дьяволовѣ; когдажѣ попадутся они нечаянно не колдуну, то какѣ скоро откроетѣ онѣ ихѣ, то приступятѣ множе-

ство

ство чертей, и начнутъ просить работы. Когда не можетъ онъ имъ дать работы, или и дастъ, да легкую, которую они тотчасъ сдѣлаютъ, то утащатъ его во адъ; а чернокнижники зная по ихъ наукѣ, какихъ черти работъ окончать не въ состоянiи, такiя имъ и даютъ: напримѣръ приказываютъ имъ вить канаты изъ песку, воды, или изъ солнечныхъ лучей, и таскать оными китовъ изъ моря или другiя какiя тяжести, то черти болѣе къ нимъ и не пристаютъ, понеже и за то наказаны бываютъ, что сдѣлать не умѣли.

Чертово городище, такъ называются развалины, нѣкоего древняго города Болгарскаго царства, на берегу рѣки Камы. Въ семъ древнемъ городѣ былъ великолѣпный у язычниковъ храмъ, и славился даваемыми отвѣтами, такъ что со всѣхъ сторонъ стекался для того народъ. Въ храмѣ обиталъ ужасной величины змѣй, котораго безчеловѣчные жрецы умилостивляли приношенiемъ въ жертву людей иноплѣменныхъ, и которые обыкновенную пищу его составляли. Есть еще другое Чертово городище на берегу рѣки Бѣлой, о которомъ увѣряютъ, что жители выгнаны изъ онаго ужаснымъ множествомъ змѣй.

Четвер-

Четвертокъ великїй, стригутъ во оный день дѣтямъ волосы съ тѣмъ предувѣренїемъ, что оныя отъ того больше растутъ; а у отрока въ жизни его не болитъ голова.

Чистый понедѣльникъ, такъ называется понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста. Во многихъ городахъ по утру собираются кучами ребята, и держа въ рукахъ ухваты, кочерги, помелы и сковородни, обернутыя тряпицами, кричатъ подходя къ каждому дому. Мы масленицу прокатали, святы вечеры проиграли, мы рожественъ постъ пропряли. Свѣтъ наша масленица дорогая, гдѣ ты ночесь ночевала, подъ кустомъ на дорожкѣ, ѣхали Скамарошки, вырѣзали по прутОчку, сдѣлали по гудочку, и вы гудушки не гудите, и вы масленицу не будите.

Чихать, когда придетъ кому какая нибудь въ голову мысль; а случится, что въ то время нечаяннымъ образомъ другой чихнетъ, то знаменуетъ сїе, что задуманное дѣйствительно сбудется. Чиханїе значитъ въ воскресенье быть въ гостяхъ, или у себя имѣть, въ понедѣльникъ прибыль, во вторникъ долгу просить будутъ, въ среду хвалить будутъ, въ четвертокъ осердятъ или въ досаду введутъ, въ пятницу кого нечаешъ того увидишь, или полу-

лучишъ письма, въ субботу о покойникѣ слышать.

Чортъ, дьяволъ, бѣсъ, сатана симъ вымышленнымъ особамъ простолюдины опредѣляютъ разные степени и достоинства и увѣряютъ, что чортъ смущаетъ, бѣсъ подстрекаетъ, дьяволъ нудитъ а сатана знаменія творитъ для колебанія крѣпко въ вѣрѣ пребывающихъ, опредѣляютъ имъ мѣста камеру, аудіенціи и прочая, о чемъ и стихотворцы немало набредили которые можетъ быть и совершенную идею о томъ въ простомъ народѣ посѣяли и вкоренили.

Чукъ-Кереметь, Черимиской богъ болѣзней *см: вѣра.*

Чуръ, Славяне признавали сего бога хранителемъ межей, полей и пашенъ, и оный больше всѣхъ прочихъ боговъ имѣлъ власти надъ чертями.

Шайтанъ или *Io*, Черемисы подъ симъ именемъ почитаютъ сатану, и разумѣютъ его прародителямъ всѣхъ злыхъ духовъ. Онъ живетъ, по мнѣнію ихъ, въ водѣ, и бываетъ особливо въ самый полдень лихъ, *см: вѣра.*

Шайтанъ Курязя, (чертовидецъ), такъ называютъ Башкирцы своихъ чародѣевъ *смотр:* игра бѣсовъ.

Шаманы, большею частію бываютъ у Якутовъ, Коряковъ, Тунгуссовъ, Бурятъ и

всѣхъ

всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ во обычаи; но у Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ Шумановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, а всякая баба, а наипаче старуха, и всякой Коехчучъ волхвомъ и толкователемъ сновъ почитается. При Шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни платья нарочно для того сдѣланнаго не надѣваютъ какъ у Якутовъ, Корякъ, Тунгусовъ, Бурятовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаи, но нашептываютъ на рыбью шаглу, на сладкую траву, на тоншичь, и тѣмъ лѣчатъ болѣзни, тѣмъ отвращаютъ нещастіе и будущее предвозвѣщаютъ; а какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того, какъ великой ихъ тайны, не можно вывѣдывать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ, двѣ бабы садятся въ уголъ, и престанно шепчутъ, одна привязываетъ къ ногѣ крапивную нитку, раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу, естьли ей ногу поднимать легко покажется, то сіе почитается за щастливое предзнаменованіе и за будущей благополучной успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за нещастливое; между тѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами гушъ, гушъ и скрежещетъ зубами, а какъ явят-

ся

ся привиденіе, то захохотавши кричатъ! хай, хай. Съ полчаса спустя, бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ, ишки, то есть нѣтъ; а другая баба, какъ ея помошница шепчетъ надъ нею и уговариваетъ, чтобъ не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленія, и содержалабъ въ памяти, что загадала. Нѣкоторыя сказываютъ, что во время грому и молніи Билюкай къ Шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Естьли сдѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ щастія въ промыслѣ, тотчасъ приходитъ къ старухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, слѣдуются причины, отъ чего произошло такое зло, и предписуются средства къ отвращенію. За вящшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившей долженъ вырѣзать болванчика, и отнести въ лѣсъ, на дерево поставить.

Шаманятъ же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчутъ, курятъ, махаютъ, отираютъ тонгичемъ, обвязываютъ перевязками, отговариваютъ пришедшихъ въ изумленіе, и другія дѣлаютъ непристойности.

Есть-

Естьли которой младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говорить будетъ, шаманятъ надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ. Въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, даютъ въ руки раковину морскую, которую ему поднявъ къ верьху, должно обѣгать вкругъ юрту, балаганъ и сабачьи конуры, говоря сiи слова къ Белюкаю и къ другимъ врагамъ: раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мочите, и мнѣ отъ мокроты будетъ погибнуть, видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу. По окончанiи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погодъ и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и трудныя сновидѣнiя: ибо Камчадалы столько въ томъ любопытны, что по утру самое первое у нихъ дѣло разсказывать сны, разсуждать и заключать изъ того щастiе или злополучiе; о нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они вѣрныя и не премѣняемыя правила, какъ напримѣръ, естьли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ казаковъ безъ сомнѣнiя, и испражненiемъ желудка предзнаменуется прибытiе гостя изъ ихъ народа, плот-

скимъ

скимъ совокупленіемъ предвозвѣщается щастіе въ промыслѣ.

Кромѣ Шаманства упражняются они въ хиромантіи, и разсуждаютъ о щасшливыхъ и нещасшливыхъ приключеніяхъ по линіямъ на рукѣ; но правила свои въ шайнѣ содержатъ. Естьли у кого появится на рукѣ точка, пятно или линея, или вдругъ пропадаетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой Шаманки.

Но восточные Мунгаллы, Тунгусы и обще всѣ идолопоклоннические Сибирскія народы величаются быть очень искусны въ чародѣйствѣ, что больше принять можно за ихъ грубое неразуміе, нежели за достовѣрный знакъ, что они подлинно могутъ нѣчто дѣлать демонскою помощію. И какъ Шаманы, или чародѣи Тунгусы почитаются за наискуснѣйшихъ въ сей преизрядной наукѣ изъ всѣхъ идолопоклонническихъ народовъ сея части земли, то я теперь объявляю церемоніи, какія они употребляютъ при семъ случаѣ. Когда кто приходитъ спрашиваться у чародѣя о какомъ нибудь дѣлѣ, то надобно, чтобъ онъ ему напередъ заплатилъ столько за его трудъ, сколько между ими положено будетъ. Потомъ Шаманъ надѣваетъ на себя нѣкоторой родъ одѣжды, которая вся сдѣлана изъ старыхъ штукъ желѣза, а состоитъ изъ птичьихъ

ютъ на меньшой конецъ, Тунгусы тому вѣрятъ, какъ совершенной правдѣ; на ежели разсудить о предосторожности, что онъ плату беретъ напередъ, и объ оней черной птицѣ, которую какъ скоро увидитъ, то въ безсиліе приходитъ, а видѣть ее никто не можетъ кромѣ чародѣя, которой все на ту сторону смотритъ глазами, то можно легко понять, что то превеликой обманъ.

Ширтъ, божество Черемиское и Чувашское, *см: вѣра.*

Шукша, по мнѣнію Черемисъ есть такое божество, которое неотлучно пребываетъ между людьми. Онъ примѣчаетъ дѣйствія каждаго человѣка, записываетъ его пороки и добродѣтели, и тотчасъ относитъ оные богу живущему на небесахъ. Число Шукшей, по ихъ мнѣнію, есть многочисленно.

Шунду Мумы, второстепенная богиня Вотяцкая, ее признаютъ матерью солнца, и молятъ во время на дѣтяхъ бываемой оспы, и другихъ болѣзней, *см: вѣра.*

Юбмела, подъ симъ именемъ Лопари почитаютъ общаго бога, и думаютъ, что и кромѣ его есть боги и божки мужескаго и женскаго пола, *см: вѣра.*

Юбуихъ, такъ называется у Чувашъ день осьмое число Ноября, во оный въ Сре-

ду на страстной недѣлѣ и въ семикъ, то есть въ Четвертокъ предъ пятидесятницею дѣлаютъ они третичные погребенiи своимъ сродникамъ 8 Ноября, яко послѣднѣе въ головахъ у могилы покойнаго ставятъ столбы и вырывъ прежде яму кладетъ каждый во оную по куску мяса и вливаетъ по нѣскольку браги, а потомъ ѣдятъ, пьютъ и веселятся.

Югтишъ, такъ называютъ Черемисы своего первосвященника. *Смотр.* Вѣра.

Юктульшъ, такъ называется у Черемисъ духовный человѣкъ особый, коего дѣло состоитъ въ томъ, что располагаетъ при служоѣ ихъ порядокъ, и говоритъ молитвы

Юманашъ, божество Черемисъ живущихъ въ Башкирiи. *см: вѣра.*

Юмонъ-Ава, богиня Черемиская, супруга перваго ихъ бога, *см: вѣра.*

Юммазе смотр: Ворожеи.

Юпка, ежели у женщины при надеванiи юпки, нѣсколько подола останется завороченымъ, то сiе предвѣщаетъ, что ей въ томъ годъ родить неотмѣнно сына или дочь.

Ягая баба, подъ симъ именемъ почитали Славяне адскую богиню, изображая ее страшилищемъ сѣдящимъ въ желѣзной ступѣ, и имѣющею въ рукахъ желѣзный

пестъ

пестъ; ей приносили кровавую жертву, думая, что она питаетъ ею двухъ своихъ внучекъ, коихъ ей присвояли, и услаждается при томъ и сама пролїянїемъ крови.

Яица, когда занимаетъ кто яицъ у кого для насѣдки, то черезъ воду, то есть рѣку или каналъ переносить ихъ не должно, увѣряя, что плода отъ нихъ ожидать уже не можно; а когда кладутъ яица подъ насѣдку, то полагаютъ прежде въ шапку, а изъ той уже подъ курицу, вѣря, что отъ того всѣ цыплята будутъ мохноногїя и съ хохлами.

Яма, близъ: Веигацкаго канала при подошвѣ нѣкоторой горы находится яма, которую самоѣды обожаютъ. *Смотр*: чародѣи.

Ямбе-Акко, Лопари признаютъ сїю богиню матерїю смерти. Оная обитаетъ подъ земною поверхностїю, и у нее пребываютъ разлучившїяся съ тѣломъ души, до самаго ихъ рѣшенїя судьбины, *см*: *вѣра*.

Яргачи, такъ называютъ Калмыки приставовъ или караульныхъ при мытарствахъ на томъ свѣтѣ. *Смотр*: вѣра.

Яурунчи, такъ называются у Киргисцовъ особый колдуны *смотр*: ворожей.

Ячмень на глазу, когда такимъ образомъ заболитъ у кого глазъ, то тотчасъ

ве-

велятъ подносить къ тому глазу кукишъ, и говорить сіи слова: *ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишь, что хочешь, то купишь, купи себя топорокъ, сѣки себя поперегъ*, и увѣряютъ, что болѣзнь отъ того тотчасъ пройдетъ безъ всякихъ лѣкарствъ.

КОНЕЦЪ.

